

Православный Символ веры. Религиозно-философские размышления епископ Исидор (Богоявленский)

Символ веры

Символ веры

Верую во единаго Бога Отца, Вседержителя, Творца Небу и земли, видимым же всем и невидимым. И во единаго Господа Иисуса Христа, Сына Божия, Единороднаго, Иже от Отца рожденного прежде всех век; Света от Света, Бога истинна от Бога истинна, рожденна, несотворенна, единосущна Отцу, Имже вся быша. Нас ради человек и нашего ради спасения сшедшаго с Небес, и воплотившагося от Духа Свята и Марии Девы, и вочеловечившагося. Распятого же за ны при Понтийском Пилате, и страдавша, и погребенна. И воскресшаго в третий день по Писанием. И возшедшаго на Небеса, и седяща одесную Отца. И паки грядущаго со славою судити живым и мертвым, Егоже Царствию не будет конца. И в Духа Святаго, Господа, Животворящаго, иже от Отца исходящаго, иже со Отцем и Сыном спокланяема и сславима, глаголавшаго пророки. Во Едину Святую, Соборную и Апостольскую Церковь. Исповедую едино Крещение во оставление грехов. Чаю воскресения мертвых, и жизни будущего века. Аминь.

Происхождение и содержание Символа веры

Символом веры называется краткое и точное изложение истин христианской православной веры. Слово «символ» означает «образец». Так называлось в первые века изложение истинного христианского учения, которое отличало истинных христиан от неверующих и лжеучителей. Сначала в христианской Церкви было несколько символов веры, но с IV века введен был повсюду один символ, который неизменно употребляется в Восточной Православной Церкви до настоящего времени. Этот символ веры составлен был на I и II Вселенских соборах. Вселенским собором называется собрание верховных пастырей Церкви, по возможности со всей вселенной, для решения важных вопросов, касающихся главных истин христианской веры. Само правило собирать соборы взято из примера Апостолов, которые, по поводу недоумения относительно принятия в Церковь Христову язычников и обязательности для них ветхозаветного закона Моисеева, собрались на собор в Иерусалиме (Деян.15:6–21). Основанием этого служат слова Самого Иисуса Христа: «Если кто не послушает Церкви, пусть будет для вас, как язычник» (Мф.18:17); в этих словах Спасителя постановлениям Церкви приписывается такая важность, что не послушавший их становится лишенным благодати Божией, подобно язычнику.

Первый Вселенский собор был созван в Никее в 325 году для разбора лжеучения Ария, который учил, что второе лицо Святой Троицы – Сын Божий – не есть Бог и не равен Богу Отцу, а есть творение Божие, хотя самое лучшее и совершеннейшее. Второй Вселенский собор был созван в 381 году в Константинополе для разбора лжеучения Македония, который учил, что третье Лицо Святой Троицы, Дух Святый, не равен Богу Отцу и Сыну. На этих двух соборах был составлен Символ веры, который назван Никео-Константинопольским. Символ веры разделяется на 12 членов или частей, причем первые 7

членов составлены на Никейском соборе, а остальные на Константинопольском.

Содержание членов символа веры следующее: в 1-ом члене говорится о Первом Лице Святой Троицы, Боге Отце; во 2-ом члене о Втором Лице Святой Троицы – Сыне Божиим, Иисусе Христе, в 3-ем члене о воплощении Сына Божия, в 4-ом члене о страданиях, смерти и погребении Иисуса Христа, в 5-ом члене о воскресении Иисуса Христа, в 6-ом члене о вознесении Его на небо, в 7-ом члене о втором пришествии Иисуса Христа на землю, в 8-ом члене о Третьем Лице Святой Троицы, Святым Духом, в 9-ом члене об истинной Церкви Христовой, в 10-ом члене о таинстве Крещения, в 11-ом члене о будущем воскресении мертвых, в 12-ом члене о жизни будущего века.

1-ый член

Первый член символа веры читается так: «**Верую во единаго Бога Отца, Вседержителя, Творца Небу и земли, видимым же всем и невидимым».**

Что значит "веровать"? Веровать во что-либо – значит иметь твердую уверенность или признавать что-либо, чего ум человеческий может ни понять, ни объяснить. Но можно ли принимать и признавать то, чего ум человеческий не может понять? Конечно, это не только возможно, но и бывает в громадном большинстве случаев. Ум человеческий, имеющий свое высшее проявление в науке и могущий разбираться в вопросах более мелких и второстепенных, оказывается бессильным в разрешении самых главных и серьёзных вопросов. Может ли наука объяснить, например, откуда и как произошел мир? Откуда появилось время? Откуда произошло пространство? Как произошло первое движение и вся вообще жизнь? Откуда взялась сила всемирного тяготения, электричество и прочие действующие в мире силы? Что такое сила в своей сущности? Наука, правда, постепенно открывает законы природы и новые силы, но сколько еще неоткрытых и неведомых науке сил и законов; между тем эти законы и силы уже многие тысячи лет существуют и действуют в мире; как же наука может постичь их и объяснить, если она их еще и не знает? Обратимся ближе к земле: откуда, например, вообще произошел человек? Откуда произошли разные народы – греки, китайцы, славяне и др.? Если скажут, что человек произошел от обезьяны, то дальше следует вопрос: а откуда произошла обезьяна? Есть замечательная книга европейского ученого Гааке «Мир животных», в которой почти каждая глава начинается заявлением: «Наука не знает, откуда взялись киты; наука не знает, от каких животных произошел мамонт; не знает, от кого произошли крокодилы»; не знает даже происхождения домашних животных; о происхождении всего животного мира наука почти ничего истинного, бесспорного не знает; есть у неё для этого одни лишь предположения, догадки. Откуда, далее,

взялся человеческий язык, как возникла у человека способность говорить? Ни одно животное не имеет этой способности, а человек имеет; кто же ее ему дал? Обращая, далее, внимание на окружающую природу, человек должен признать, что он и здесь окружен тайнами. Вокруг человека растут травы, деревья; но как происходит сам процесс произрастания? Как из малейшего зернышка вырастает могучее дерево? Кто в дереве распоряжается тем, чтобы корни в одной и той же земле находили соки и материалы для древесины, для листьев, плодов и пр.? Наука может создать искусственное зерно, химически точно соответствующее естественному зерну; но чтобы это искусственное химическое зерно произросло, этого наука не может сделать. Сам человеческий организм представляет собой глубокую загадку для науки. Не может наука, например, воскресить мертвый труп. Тайна жизни скрыта от человека и недоступна ему. И если человек окружен тайнами и сам для себя представляет тайну, если ум, даже научный, не в состоянии разрешить и понять простых окружающих его загадок, то тем более он не в состоянии решить вопросы о Боге, ибо Бог бесконечно выше всего мира. К счастью, в отношении Божества ум человеческий не оставлен в полном неведении, и путем некоторых рассуждений человек может дойти до признания Божества.

Телеологическое доказательство бытия Божия

Обращая внимание на окружающий нас мир, мы находим разумность в устройстве мира, порядок и красоту в природе. На небе движется бесконечное количество разных светил, которые при своем необычайном быстром движении взаимно пересекают орбиты, не сталкиваясь друг с другом, движутся настолько точно, что люди по их движению проверяют свое время, свои часы. На земле устройство человеческого тела, устройство природы животных и т.д. поражает своей разумностью. Мог ли мир, такой сложный и так мудро устроенный, появиться сам собой? Конечно, нет. Ведь ничто в мире не составляется само собой. Разломаем палку и бросим; она никогда сама собой не сложится; рассыпьте буквы алфавита, и никогда из них само собой не сложится ни одного слова. Когда мы смотрим на какую-нибудь машину, нам и в голову не может прийти, что эта машина появилась сама собой; мы обязательно предполагаем устроителя ее, инженера, ум которого устроил эту машину. Мир есть громадная, необыкновенно сложная машина, и если о простой машине мы не можем подумать, что она появилась сама собой, но необходимо допускаем устроителя ее, тем более мы не можем допустить, чтобы такая сложная машина, как мир, могла произойти сама собой, и необходимо должны признать, что должен быть Высочайший и Премудрый Устроитель мира. Этот устроитель и есть Бог.

Космологическое доказательство бытия Божия

В окружающем нас мире мы наблюдаем, что все существующее происходит от чего-то предшествующего: человек рождается от своих родителей, те родились от своих родителей; эти в свою очередь произошли от своих родителей и т.д. Такое или иное явление природы произошло от таких-то причин и явлений; а эти явления произошли в свою очередь от своих предшествующих причин и явлений и т.д. И эта цепь зависимости одного от предыдущего другого представляется бесконечной. Но такую бесконечность человеческий разум никак не может представить и с ней примириться; он требует признания какого-то начала, от которого происходила бы эта цепь причинности и зависимости, но само начало не происходило бы ни от кого. Полушутливый вопрос: «Что произошло раньше – курица или яйцо», приобретает здесь серьезный смысл; можно бесконечно спорить на эту тему, ибо яйцо происходит от курицы, а курица из яйца; но единственное разрешение этого вопроса возможно только тогда, если допустить, что кто-то создал или курицу, или яйцо. Эта первая причина всего, сама не зависящая ни от чего, в философии носит название Абсолютной Причины, а в религии называется Богом.

Онтологическое доказательство бытия Божия

У всех людей существует идеал. Этот идеал у каждого человека может быть, конечно, различен по своему содержанию; но общее свойство всякого идеала состоит в том, что этот идеал является для человека чем-то высшим, совершенным, приятным и дорогим; человек упорно к нему стремится. Объединением всех высших идеалов является Бог, ибо Он, например, является носителем идеала наук, как всеведущий и премудрый, – идеалом власти, как всемогущий, – идеалом справедливости, как правосудный, – идеалом высочайшей любви, и т.д.; одним словом, Бог является высочайшим идеалом для людей. Но необходимым признаком идеальности, совершенства всякого идеала является его реальность, действительность его существования, ибо всякая, хотя бы и менее совершенная вещь, но существующая в действительности, реально, для человека дороже и ценнее нежели хотя бы и большая вещь, но существующая только в его мечтах (1 крона, находящаяся в кармане, приятнее и дороже для человека, нежели 10 крон в мечтах). Если же идеал человека весьма дорог и ценен для него, то он должен необходимо обладать и признаком реальности своего существования, ибо в противном случае идеал лишится одной из самых ценных для человека сторон своих, а потому и перестанет быть для него идеалом, то есть самым дорогим и ценным. Если же всякий идеал человека должен обладать признаком реальности бытия, то и Бог, как высочайший идеал, должен иметь реальное бытие, иначе сказать, Бог должен существовать в действительности.

Нравственное доказательство бытия Божия

В человеке существует совесть. Совесть есть внутренний голос в человеке, оценивающий всякий поступок человека с высшей нравственной точки зрения и осуждающий или оправдывающий его. Оценка совестью поступков человека носит характер беспристрастности; осуждения совестью принимают часто характер очень тяжелый для человека, переходят иногда в мучения для него (например, «Скупой Рыцарь» Пушкина). Откуда же появилась в человеке совесть? Возможны только три источника, из которых могла бы происходить совесть: или внешний мир, или сам человек, или Существо, стоящее выше мира и человека. Может ли внешний мир быть источником совести? – Нет. Внешний мир разделяется на мир неорганический и органический. В мире неорганическом существуют только механические законы, среди которых нет места нравственному закону. В мире органическом, среди животных, также не существует нравственного закона; там могут существовать законы пользы, удовольствия, но не законы долга. Может ли быть источником совести сам человек? – Нет. Недоступность нравственной оценки поступков человека говорит уже о независимости совести от человека. Вместе с тем, мучительность угрызений совести также говорит о независимости совести от человека; в самом деле: если бы совесть зависела от человека, то он не стал бы терпеть муки совести и освободился бы от них; между тем, он не может освободиться от них, они сильнее его и, следовательно, не зависят от него. Если же совесть не может происходить ни от внешнего мира, ни от человека, то необходимо признать, что она происходит от Существа, стоящего вне и выше мира и человека; такое Существо есть Бог. Если же совесть существует в действительности, то и Бог, как ее источник, должен существовать в действительности.

Таким образом, мы видим, что ум человеческий в результате логических рассуждений должен прийти к признанию

Бога, и наука посему не может и не должна противоречить религии.

Религия и наука

Иногда говорят, что ученые обыкновенно бывают неверующими людьми, ибо наука будто бы не согласна с религией, но это неправильно; более близкое ознакомление с мнением ученых по сему вопросу показывает, что наука и религия вполне совместимы в одном и том же человеке.

Один немецкий ученый Доннерт в самое недавнее время в своем сочинении «Религия естествоиспытателей» попытался определить отношения наиболее знаменитых естествоиспытателей к религии; результат получился такой. Из 262 известнейших естествоиспытателей 242 должны быть признаны верующими в Бога, 15 относились к вере равнодушно или отрицательно, и только 5 человек из последнего периода оказались враждебными христианству материалистами. Другими словами: 2% резко уклонились от веры, 6% были более или менее индифферентными, между тем как 92%, подавляющее большинство, высказалось за веру в Бога. Так, великий Ньютон, гениальный творец современной рациональной механики и астрономии, великий работник в области математики и физики, о котором знаменитый химик Либих говорит, что «от одного высокого гения Ньютона более излилось света, чем могли произвести тысячи пред ним», — этот гениальный ученый Ньютон не иначе произносил имя Божие, как обнажив голову. В заключении своего главного сочинения Ньютон пишет: «Небесный Владыка управляет всем миром, но не как душа его, а как правитель вселенной. Вследствие Его верховной власти мы называем Его верховным Богом». Лейбниц, знаменитейший ученый и философ пишет: «Бог есть источник бытия и жизни; Он есть как бы вездеприсущий центр, — как Творец». Дарвин, знаменитый английский натуралист, которого тысячи людей, щеголяющих своим отрицанием, отнесут к безбожникам, пишет о себе: «В моменты чрезвычайного колебания я никогда не был атеистом в том смысле, чтобы я отрицал существование Бога». Его же слова: «Вопрос, существует ли Творец и Промыслитель мира, —

получил утвердительный ответ от величайших умов, какие когда-либо жили». «На меня, – пояснял он еще, – производит гораздо более сильное впечатление другой источник, убеждающий в существовании Бога и исходящий не от чувства, а от разума. Такое убеждение возникает вследствие чрезмерной трудности и даже невозможности рассматривать безграничную и чудесную вселенную вместе с человеком, обладающим даром обсуждать прошедшее и думать о будущем, как результат слепого случая или необходимости. Когда я над этим размышляю, я чувствую себя принужденным признать Первопричину, и я вполне заслуживаю названия теиста» (т.е. верующего в Бога). Известен такой случай из жизни Дарвина. Когда однажды пришел к нему Уоллес, его друг и ученик, домашние Дарвина сказали ему, что сейчас Дарвин молится Богу и не может принять его. В изданной в СССР книге проф. А. Тимирязева «Жизнь и творения Дарвина» сообщается, что Дарвин был в течение 35 лет церковным старостой, в каковом звании и скончался. Пастор, гениальный французский ученый, пишет: «Я молюсь во время своей работы». На склоне своих дней Пастор писал: «Я много изучил и верю потому, как бretонский крестьянин; если бы я сделался еще ученее, то моя вера стала бы также глубока и пламенна, как вера простой бretонской женщины». Фламмарион Камиль, известный французский астроном, заканчивает свой ученый труд восторженной молитвой к Богу. Таким образом, величайшие ученые и притом физики, естествоиспытатели, показывают на своем примере, что наука и религия совершенно могут быть совместимы друг с другом.

Окидывая общим взглядом, до каких пределов в отношении Божества может доходить своими силами ум человеческий, мы находим, что здесь он может достигать только очень немногого; он может только довести человека до Божества; но что такое Сам Бог, об этом ум человека может иметь только некоторые слабые отвлеченные понятия: он скажет человеку, что Бог есть начало всего мира; что Он бесконечно премудр (ибо устроил премудро весь мир), что Он есть высочайший идеал для всех людей, что Он справедлив и неподкупен. Но сказать человеку о

Боге что-либо подробнее, объяснить человеку личное отношение к нему Божества или еще более, ввести человека в личное общение с Богом, ум человеческий не мог и не может. Его роль в отношении познания Божества подобна тому, как если бы кто ввел нас в богатый дворец, и мы, проходя по этому дворцу и рассматривая его прекрасное устройство, его богатство, заключали бы о мудрости, величии хозяина этого дворца, а самого хозяина не видели бы. Но для полного представления о хозяине необходимо увидеть его самого и войти с ним в личное общение. Между тем, человек и все человечество не только признавало Божество, но и всегда стремились войти с Ним в такое или иное личное общение; отсюда происходила религия, ибо религия есть общение человека с Богом. Чем же обусловливалось это стремление человека к Богу, иначе сказать,

Откуда произошла в человечестве религия?

Были разные попытки ответить на этот вопрос правильно. По одному взгляду религия есть продукт некультурности людей; первобытный дикий человек, наблюдая различные как грозные, так и благотворные явления природы и не будучи в состоянии объяснить их, начал их обоготворять. Так появились, будто бы, представления о богах. Но с этой теорией нельзя согласиться, потому что, если бы религия была продуктом некультурности человека, то по мере развития науки и культуры уничтожалась бы религия. Между тем мы видим, что существуют как отдельные очень ученые и образованные люди, вместе с тем глубоко религиозные, например, Ньютон и др. (см. выше), – так и целые народы, имеющие высокоразвитую культуру и вместе с тем сохраняющие религию. Следовательно, некультурность человечества не имеет значения в вопросе о происхождении религии.

По другому взгляду, религия есть выдумка жрецов и правителей, желавших при помощи измышенных ими богов, держать в повиновении народные массы. Но с этим взглядом также нельзя согласиться. По поводу предположения об измышлении религии жрецами нужно сказать, что существуют и ныне народы, например, китайцы, у которых отдельного жреческого сословия не существует, а религиозные обряды и богослужение совершают главы семейств; и тем не менее, у этих народов при отсутствии жрецов существует религия; следовательно, она существует независимо от жрецов. По поводу предположения о том, что боги есть выдумка правителей, которые авторитетом богов хотели покрыть созданные ими законы, чтобы тем надежнее править народом, – нужно сказать, что авторитетность чего-либо создается не сразу, а постепенно, пока человек привыкнет к авторитетности чего-либо. Поэтому правители, желая придать характер высшей авторитетности своим законам, могли воспользоваться только уже существующей в народе авторитетностью богов;

следовательно, сама авторитетность должна была создаться в народе уже раньше.

Существует еще третий взгляд, по которому религии, то есть стремление человека к Богу, есть явление врожденное в человеке. Этот взгляд нужно признать наиболее правильным. Правильность этого взгляда явствует уже при рассмотрении онтологического доказательства бытия Божия. Там мы видим, что в человеке врожденно и неискоренимо стремление к идеалу. Высшим идеалом, как мы видим, является Бог; посему стремление к идеалу в существе своем есть стремление к Богу. Следовательно, стремление к Богу или религия есть явление врожденное, а не искусственное.

Но как может человек ближе узнать о Боге и войти в общение с Ним? Сам человек, как мы видели, не может достичь этого; остается единственный источник для этого – Бог. Но может ли Бог открывать что-либо о Себе человеку? – Конечно, может, ибо Он есть Существо живое, премудрое, нравственное. А может ли человек слышать и понимать слова Божии, откровение Бога о Себе? – Конечно, может, ибо он вообще может душой воспринимать внеземное, высшее. Ведь, например, поэты во время своих состояний вдохновения внимают таинственным неземным голосам и оттуда почерпают свои идеи и мысли; гениальные музыканты черпали свои композиции и звуки из неведомых потусторонних сфер. Есть люди, правда, очень немногие, которые своей душой могут постигать и таинственные Божественные речения и передавать их людям. Здесь откровение Бога о Себе нужно уже принимать по вере, доверию к этим людям, провозвестникам Божиего откровения.

Но можно ли принимать что-либо, а особенно откровения Бога, по доверию к их провозвестникам? По доверию вообще мы принимаем очень многое, например, исторические и географические данные, мы многое знаем про древних египтян, греков, римлян, но лично проверить всего этого мы не можем, ибо все это уже прошло, и мы приняли это по доверию; кто-то записал об этом, и мы полностью, без сомнений приняли это; и когда изучили это, вероятно, ни разу не мелькнула в нас мысль:

да правильно ли это? Таким же порядком мы приобрели много географических сведений, не будучи в состоянии их проверить, а доверяя другим очевидцам; так же мы воспринимаем газетные сведения о разных событиях; и вообще нужно сказать, что огромная часть всех наших знаний и сведений получена нами на веру, по доверию к людям, которые нам их передали. Следовательно, вера – доверие могут иметь место и по отношению к провозвестникам Божественных откровений.

Но так как эти люди передают нам не обыкновенные, земные сведения, а особенно ценные и важные Божественные Истины, то к ним должны быть предъявлены особенные требования: правильно ли они поняли Бога и правильно ли они передали Его учение людям? Если окажется, что лица, выдающая себя за провозвестников учения Бога, находятся в состоянии самообольщения, увлекаются мечтами своего разгоряченного воображения и исступленной фантазии, дышат фанатизмом или даже обнаруживают признаки умопомешательства, – в таком случае эти свидетели не заслуживают никакой веры. Если окажется, далее, что называющие себя посланниками Божиими водятся в своих действиях нечистыми побуждениями и, стараясь, по-видимому, об исправлении религии, стремиться совсем не к религиозным целям, а к целям земным, политическим, и заботятся не о спасении ближних, а только об одной своей корысти, могуществе, славе и порочных удовольствиях, – в таком случае мы опять не можем иметь веры к подобным свидетелям. Если же, наоборот, лица, проповедующие какое-либо учение за откровение Божие, не только чужды всякого самообольщения; напротив, во всем обнаруживают здравый смысл и светлую рассудительность; не только не стремятся, тайно или явно, к каким-либо целям корыстным, напротив, отличаются высочайшим самоотвержением и дышат одной любовью к Богу и людям, забывая о себе, – тогда невольно возникает в душе мысль, что здесь точно действуют не какие-либо обманщики, и становится весьма вероятным, что эти лица суть посланники Божии, что они достойны были услышать непосредственно от Господа Его святую волю и сделаться провозвестниками Его

откровения для других. Вероятность эта тем более усиливается, чем чище и святере представляется их нравственный характер и чем менее оказывается возможным с их стороны какой-либо обман.

Далее, никак нельзя согласиться, чтобы при распространении истинного учения Бога были употреблены хитрость, обман и т. п., чтобы здесь могли действовать золото, серебро, подкуп или были допущены меч, принуждение, кровопролитие. Напротив, когда видим, что проповедники какой-либо религии, выдаваемой ими за откровение, не употребляют для распространения ее никаких других средств, кроме самой проповеди, стараются только просветить умы и сердца своих слушателей словом истины, предоставляя каждому на выбор – верить проповеди или не верить; когда видим, что, несмотря на отсутствие всяких других пособий, одна эта проповедь, сама собою, привлекает тысячи людей и распространяется повсюду с изумительной быстротой; – не скажет ли нам тогда совесть, что тут действуют не простые люди, что их образ действования может быть назван достойным и Самого Бога?

Обращаясь к провозвестникам принятого нами Божественного учения, как древним – пророкам, так и позднейшим – апостолам Христа, мы находим, что они вполне удовлетворяют вышепредъявленным требованиям, как, с одной стороны, по своей высокой нравственности, отсутствию своекорыстных целей, здравому и ясному уму, так, с другой стороны, по чистоте средств своей деятельности, пользуясь только словом проповеди без всякого внешнего насилия над своими слушателями. Возможно ли, в самом деле, предположить умысел обманывать других в апостолах, которые, проповедуя нравственность самую чистую и святую, какую когда-либо слышал мир, сами первые оправдывают ее своею жизнью? Они проповедуют презрение к богатству, – и, по примеру Спасителя, оставляют все; бедность их была такова, что среди тяжких трудов апостольства они должны были еще трудиться собственными руками и для того, чтобы снискать себе пропитание. Проповедуют умерщвление плоти, – и можно ли исчислить все те подвиги, лишения и страдания, каким

подвергали они собственную плоть во все время своего апостольского служения? Проповедуют смиление, — и при величайших успехах своего благовестия не обнаруживают во всем поведении своем и тени тщеславия. Проповедуют прощение обид, — и, постоянно преследуемые и огорчаемые, не позволяют себе ни малейшей жалобы, ни одного слова досады или ропота. Они заповедуют другим искренность, чистосердечие, — и сами с беспримерным чистосердечием рассказывают о своих недостатках и слабостях, о своем скудоумии, по которому многое прежде не понимали из слов своего Учителя, о своем малодушии и робости в минуты Его страданий, о своем маловерии и проч. Таких ли людей можно подозревать в замысле обманывать ближних?

Правда, эти провозвестники откровения Божия сообщают об особых, не встречаемых в повседневной жизни случаях, действиях Божией силы, так называемых чудесах; и ум человеческий, не наблюдавший подобных случаев, может усомниться в этом; человек может спросить: правду ли говорят эти провозвестники учения Божия, возможны ли чудеса? Не вдаваясь в подробности этого обширного и интересного вопроса, скажем только несколько слов. Что такое чудеса? Это — события в природе сверхъестественные, т.е. такие, которые превышают силы и законы самой природы и могут быть совершаемы только силою высочайшею — Божественною. Сомневаться в возможности чудес нет ни малейшего разумного основания. Возражая против чудес, говорят, что законы природы неизменны и непреложны, а чудеса будто бы изменяют и нарушают их. Но это неправильно. Кажущиеся нам неизменными механические и физические законы даны для неодушевленной природы, но рядом с этой природой существует человек, свободный дух которого живет по другим законам; и этот свободный дух человека постоянно воздействует на окружающую его природу, то временно приостанавливая ее законы, то давая им действовать. Человек, например, устраивает машину, которая по воле человека движется с известною быстротой, по силе паров и законов механики; но эта же машина может и остановиться, как только

машинист захочет ее остановить, а потом, по воле его, она может снова начать свое движение, и т.д. Человек изобрел летательные аппараты тяжелее воздуха и, распоряжаясь ими, приостанавливает действие закона тяготения. Но, ведь, не происходит же катастрофы или расстройства в законах природы, когда дух человека влияет на них и приостанавливает их действие? А дух человеческий влияет не только на природу, но и на души окружающих его людей. Бог есть Существо высочайшее, отличное от природы и от человека, живущее Своей особой, бесконечно высочайшей жизнью. Но может ли Бог оставаться без влияния на мир и людей? – конечно, нет, ибо Он есть Существо вечное, живое, создатель мира и людей. Его воздействие на мир и человека может проявляться как через естественные, данные Им законы, так и особым, чрезвычайным, вышеестественному способом, причем Он может пользоваться или действующими в мире законами и силами, но при этом, повышая их деятельность и напряжение до степени высочайшей, не встречающейся в обыкновенном состоянии, недоступной человеческим силам, а доступной только Божественной силе; или же Господь может действовать способами особыми, вне обычных законов и сил природы. Чудеса не изменяют и не нарушают законов природы, а только на время останавливают их течение и при том останавливают в каком-либо частном случае и месте, (привнося здесь нечто сверхъестественное; как прежде, так и после какого-либо чудесного случая, законы природы остаются те же и совершают свой естественный ход, даже в то самое время, когда они останавливаются в одном каком-либо случае и месте, во всех других местах они безостановочно продолжают свое обычное действие, когда, например, в одном месте, по воле Божией огонь не жжет, вода не топит и т.п. – во всей остальной обширнейшей области бытия эти стихии действуют согласно с своими естественными свойствами.

Здесь должно установить более точное различие между действительными чудесами, как действиями непосредственно Божиими, от так называемых ложных чудес, которые могут казаться сверхъестественными, по незнанию человеком всех

действующих во вселенной естественных сил, могущих производить обозначенные кажущиеся чудеса. Действительные чудеса совершаются Богом в целях нравственной помощи человеку, когда таковой помощи ему не могут оказать обыкновенные естественные законы; таковы все евангельские и библейские чудеса.

Но чудеса, совершаемые каким-либо провозвестником религиозного учения, являются сами по себе также и доказательством истинности этого учения. Если чудо есть действие сверхъестественное, которое может совершить только один Бог, то, следовательно, человек и другие сътворенные существа могут творить чудеса только по силе, данной от Бога. И, следовательно, когда мы видим, что человек или ангел, провозвещая нам какое-либо учение, называет его откровением Божиим и в доказательство своих слов творит чудеса: не явный ли это признак, что Сам Бог подтверждает эти слова? Сами от себя ни ангел, ни человек не могут совершать истинных чудес; а Бог, сама Святость и Истина, не может даровать силы чудотворений каким-либо обманщикам для обольщения людей. Следовательно, при виде истинных чудес, совершенных в доказательство божественности какого-либо учения, места для колебаний и сомнений не остается никакого; здесь место одному беспрекословному убеждению, если только, разумеется, мы не окажемся намеренно упорными в неверии.

Такую же силу доказательности имеет и другой сверхъестественный признак откровения Божия, это – пророчества. Под именем пророчеств разумеются ясные и определенные предсказания о будущих событиях, но событиях совершенно случайных, т.е. таких, которые могут быть и не быть, могут случиться так и иначе и которых даже начала и зародыши неизвестны в настоящее время, – события такие, которые могут последовать от самых разнообразных и самых неожиданных обстоятельств мира физического, от самых непостоянных и прихотливых желаний воли человеческой. Когда, например, астроном предсказывает за несколько столетий вперед затмения солнца и луны или какие-либо другие явления в звездном мире, то это не будет пророчеством, ибо

здесь предсказываются события не случайные, а такие, которые должны произойти с неизбежной необходимостью, вытекающею из такого или иного соотношения небесных светил, подчиняющихся в своих движениях строгой закономерности. Примеры же истинных пророчеств, т.е. предсказания о событиях случайных, мы можем встретить у провозвестников Божественного учения, как древних, так и позднейших. Таковы, например, предсказания о том, что Иисус Христос умрет через 486½ лет после возвращения евреев из плена Вавилонского, что Христос родится в Вифлееме (южном), что Он начнет Свою проповедь в Галилее, что Он торжественно войдет в Иерусалим на осле, что Он будет предан одним из Своих учеников и предан именно за тридцать серебреников, что Он будет распят и одежды Его разделят по жребию, что Он на третий день воскреснет, затем вознесется на небеса и ниспошлет вместо Себя на землю Духа Святого; таково предсказание Иисуса Христа о разрушении Иерусалима, с различными подробностями этого события. Из этих примеров мы видим, что предметами пророчеств являются события совершенно случайные. А чтобы предсказать с точностью какое-либо событие случайное, надобно предварительно знать все возможные сцепления причин и обстоятельств, от которых оно может произойти; надобно проникнуть в сокровеннейшие изгибы человеческого сердца и наперед определить в нем его будущие желания; надобно проникнуть в планы и намерения Самого Бога; – требования, которых, бесспорно, не в состоянии выполнить никакой ограниченный ум. Следовательно, когда мы видим, что известный человек, проповедуя какое-либо религиозное учение, в доказательство божественности его произносит пророчества, которые потом действительно сбываются в свое время, то эти пророчества, без всякого сомнения, он получил по вдохновению от Бога; эти пророчества суть непрекаемое свидетельство Самого Бога, Истинного и Всесвятого, о достоверности слов Его посланника и очевидная, неизгладимая печать Божия, скрепляющая собою истинное откровение. Таким образом, нравственный облик провозвестников истинного учения о Боге, как древних, так и

позднейших, христианских, – способы распространения ими своего учения, а также и чудеса и пророчества их с несомненностью удостоверяют, что как им, так и проповедуемому ими учению вполне можно и должно доверять. Но нельзя ли найти более бесспорное удостоверение этой веры, основанной на доверии к словам других, нет ли возможности перейти от этой веры к ясному, реальному познанию Божества? Есть и эта возможность.

Вера бывает двоякая: умственная, или логическая и сердечная, или душевная. Умственная вера воспринимает только умом какие-либо истины, например, религиозные, но она одна недостаточна для спасения. Такая вера свойственна и бесам; ап. Иаков говорит: «*Ты веруешь, что Бог един: хорошо делаешь; и бесы веруют и трепещут*» (Иак.2:19). В самом деле: ведь бесы признают, что Бог существует, признают Иисуса Христа за Сына Божия (Мк.1:24, Мк.1:34), в книге Иова сказано, что сатана вместе с ангелами является пред лицом Бога и даже спорит с Ним (Иов.1:6, Иов.1:11, Иов.2:1, Иов.2:5); сатана знает священные книги, ибо при искушении Спасителя в пустыне дьявол приводит слова из псалмов со ссылкой – «*ибо написано*» (Мф.4:6). Бесы также и повинуются Богу, ибо когда Спаситель изгонял из бесноватых бесов, они немедленно исходили из больных (Мф.8:16; Мф.8:31; Мк.1:26). Но, имея и веру в Бога и повинуясь Ему, бесы остаются злыми и не исправляются к добру, ибо они имеют веру только умственную. Для спасения необходима еще вера, так называемая сердечная, душевная. Она состоит в том, что душа человека ощущает, чувствует реальное прикосновение к себе Божества, сердце ясно созерцает Бога. Как же прийти к этому сердечному познанию, как его достичь? Для этого существуют разные пути и способы, отрицательные и положительные.

У французского писателя Огюста Николя в его философских размышлениях о Божественности христианской религии рассказывается об одном французском политическом деятеле Изнаре, который осужден был на смертную казнь и посему должен был скрываться в подземельях и других тайных местах.

И вот в этом положении, когда он, по собственным словам, находился в подземельях, терпя лишение во всем, слышал вокруг себя только рев и стоны смертные, и сам мог быть умерщвлен, как убийца, когда душевно мучился неизвестностью об участии своего семейства и ежедневным ожиданием, что вот и его, как животное, влекомое на бойню, поведут на казнь «без всякого суда и даже не выслушав» – в этом положении совершился в нем самом нравственный переворот. Пришло возрождение. Живые и вечные вопросы живого духа: **бытие Бога, бессмертие души, необходимость добродетели, необходимость религии для жизни добродетельной, Божественное достоинство христианской религии и всецелая уверенность в истине ее тайн**, – все эти вопросы, спавшие в душе, воскресли, снова выросли из ее глубины, потребовали ответа, – и душа нашла этот ответ.

«Несчастье, меня постигшее, принудило меня сделать остановку в течении моей жизни, – говорит Изнар. – Во время этой остановки я осмотрелся и познал самого себя: я рассмотрел – откуда я и куда иду; осмотрел путь, мною пройденный, и тот, который мне осталось пройти; и тут два пути, – один, которым я уже шел, и другой, который мне следовало избрать, чтобы достигнуть истинного назначения моего – встали перед моей мыслью».

Изнар почувствовал, что Бога ему нужно, что в Нем путь и истина, – и лучезарный Лик Божий выступил среди мрака его подземелья. Когда Изнар из глубины существа своего поднимал воспоминанием прах своей прошедшей жизни, его сознанию представлялись некоторые искры веры, как драгоценные остатки материнских наставлений.

Но эти остатки были слабы и не ясны. Их нужно было выявить и усилить.

Нужна была работа мысли и воли. И Изнар начал эту работу. Его мысль решила найти для себя ответ на старый вопрос: что есть человек, куда он идет, кто там, вдали, за звездами живет? И так как теперь «верие и неверие» стали для него вопросом жизни, – он отдался исканию упорно, весь.

«Я всецело предался таким размышлениям, – говорит он, – которые продолжались шестнадцать месяцев, по пятнадцать часов ежедневно; и, верно, ни в каком положении размышления не бывают более глубоки, как у подножия эшафота».

Не думайте, что он сразу поверил, уверовал. Нет. «Если мое сердце чувствовало влечение к религии, зато **мой разум**, – пишет он, – **отвращался от размышлений** о религиозных догматах и тайнах, которые мне представлялись нелепостями. Я не мог верить в них, потому что не состояния был изъяснить их». Веры у него не было. Зато было страстное желание вымолить у молчания ответ на вопросы.

Долго тянулось «путешествие мысли» (выражение Изнара), отправившейся на поиски Бога, и, наконец, она выбралась на свет веры из темной бездны неверия и рассказала нам, где истинные пути Богоискания.

Вот результат душевной борьбы Изнара: он нашел, что познание Бога – не слепая, а зрячая вера в Бога; ощущение Его в душе дается **молитвой, в молитве**, в молчаливой и углубленной беседе с пробудившейся совестью. «Я удостоверился, что в ночной тьме наших философских размышлений религиозная **истина является только в проблесках, как молния**, которую надо внимательно наблюдать, чтобы уловить, – и становится **пламенем, которое разжигается молитвою**. Я начал с **молитвы** и кончил молитвой. В молитве Бог показал Себя, открыл. Я не уверовал, а увидел Бога». В молитве нашел Бога Изнар. И к Богопознанию нет пути, помимо молитвы.

В молитве?..

Могут сказать: «Но где взять молитву? Как я стану молиться, не веря?» Резонный вопрос, но он представляет недоразумение. Дело в том, что под молитвой здесь пока разумеется не молитва, как беседа с Богом уже верующего духа, не возношение души к познанному и найденному Богу. Конечно, молиться нельзя научиться сразу. Молиться можно, уже веря. Но есть как бы начатки молитвы, на какие способен и неверующий. Эти начатки есть просто искреннее, чуждое гордости желание разрешить вопросы совести, стремление к

таинственному источнику жизни, стремление разгадать значительную загадку о бытии человека, его цели и происхождении.

«Молиться я не мог, – говорит один человек, томившийся тоской по потерявшему Богу. – Но, однако, – здесь же прибавляет он, – я много думал, и многие истины открылись предо мною с необычайной яркостью».

И вот, это «думатель» – часто и значит по-своему молиться, и первый вид молитвы есть **дума** о себе, размышление о **душе и ее бытии**.

Другой бывший неверующий излагает свой пережитый им путь Богопознания.

«Задумайся всей мыслью и всем сердцем, прочувствуя следующее, – пишет этот неверующий, – никто во всем свете – и менее всего ты сам, – не может поручиться, что завтра, завтра ты встанешь с постели живым, безбедно переплыv ночь, поэтому живее и чаще думай о твоей личной смерти; ежедневно хотя 15 минут на ночь. Куда же мы пойдем, вышедши из тела? Неужели мое тело – это все; это мое «я»? «Нет», – услышишь где-то из-под спуда тела голос. – Тело уснет, но «я», вышедши, буду жива». Вот это «я» и есть настоящее, подлинное. И если ты ежедневно настойчиво будешь допрашивать это придавленное телом «я» и будешь допрашивать, поставив его под угрозу завтра предстоящей смерти, то узнаешь от него нечто поразительное, что тебя сначала ужаснет, но потом обновит, как обновило меня: ты узнаешь, что ты, истинный ты, бессмертен, что смерть лишь дверь в новую бесконечную, блаженную или ужасную, жизнь, которую лишь одну и достойно человеку иметь ежеминутно в виду и к ней готовиться. Ты узнаешь **ощутительно**, что эта жизнь лишь странствование, и что не надо ничего любить в этом мире, ни к чему привязываться, ибо все может быть отнято завтра. «*Ибо не имеем здесь пребывающего жилища, но ищем будущего*» (Евр.13:14). Ты почувствуешь осязательно Бога, как Единого Живого, живую основу жизни. Ты узнаешь, что без Него все смерть, нет ничего, кроме смерти, и ты примешь Его как Жизнь Живую».

Мы сказали, так сказать, об отрицательном пути Богопознания через самоотрицание.

Есть и другой, положительный, путь обретения веры. Это путь фактического и действительного исполнения учения и заповедей Христа. Например, согласно учению Христа, вы начинаете вместо раздражения к людям пробовать их прощать и любить, – и чувствуете, как это тяжело, почти невозможно для вас. Тогда вы, обладая хотя бы пока только умственной верой, обращаетесь к Богу за помощью для этого, – и начинаете ощущать в своей душе силу, хотя бы только несколько помогающую и облегчающую для вас снисхождение к людям, и это ощущение для вас ясно, ибо вы ощущаете фактическую, реальную и при том светлую силу. И чем дальше вы движетесь в этом направлении, тем помогающая вам сила чувствуется все более определенно и ярко. Вместе с тем эта помогающая сила, увеличивая сопротивляемость души греху, делает исполнение заповедей Христовых более легким и приятным (*«иго Мое благо и бремя Мое легко»*, (Мф.11:30), *«Заповеди не тяжки»* (1Ин.5:3)). Таким образом, исполнение учения Христа дает возможность человеку все ярче чувствовать в своей душе прикосновение Бога и в этом находит бесспорное удостоверение своей вере. По мыслям Исаака Сирского и Симеона Нового Богослова, «христиане, которые не видят в душе Господа, не освещаются явственно и значительно Его Божеским светом, пусть не говорят, как неверные, что невозможно Его видеть»; заведомо, сознательно человек должен прозреть к видению, т.е. «должен ощутить в себе Бога ясно и осязательно». «Чистые сердцем узрят Бога», говорит Христос (Мф.5:8). Вот эта вера сердечная, помогающая и очищающая душу человека, переходящая затем в ясное созерцание Бога и руководящая далее всей жизнью человека, – и есть действительно спасающая вера, хотя начинается она с логической, умственной веры.

Какие же свойства принадлежат Богу? По учению истинной веры Бог есть **Дух** невидимый, не имеющий никаких видимых телесных членов, **вечный**, ибо Он не имеет ни начала, ни конца Своего существования, не было времени, когда бы не было

Бога, Он всегда был, есть и будет, – **всеблагий**, т.е. бесконечно добрый и любящий весь мир, – **всеведущий**, ибо Он знает все и совершеннейшим образом, – **премудрый**, ибо совершеннейшим образом знает наилучшие цели и средства и умеет прилагать последние к первым, – **всеправедный**, ибо Он дал высочайший нравственный закон, и за исполнение его Он награждает, и за нарушение наказывает, – **свободный**, ибо Он в избрании чего-либо определяется только Своим разумом и ничем посторонним, – **всемогущий**, т.е. Он приводит в исполнение все угодное Ему, без всяких затруднений и препятствий, – **вездесущий**, т.е. Он пребывает во всем мире, одинаково близок ко всему и всем, не дальше от одного предмета, чем от другого, – **неизменяемый**, т.е. в Боге нет никакого возрастания или уменьшения сил, какого-либо перехода из одного вида бытия в другой, так что Он всегда пребывает один и тот же, – **вседовольный**, т.е. Он дает человеку и всему миру все, что кому нужно, а Сам не нуждается ни в чем, – **всеблаженный**, т.е. Он, обладая высшими совершенствами разума и воли, наслаждается ощущением согласного действия всяких сил и посему бесконечно счастлив.

Иногда в священных книгах приписываются Богу телесные члены; но эти выражения нужно понимать в переносном смысле. Так, глаза и уши означают всеведение Божие, руки – всемогущество, сердце – любовь или благость Божию. Равным образом не противоречат вездесущию Божию те выражения о Боге, что Он обитает на небесах или в храме: Бог присутствует везде, а на небесах особенно ясно обнаруживается слава Божия, и в храмах человек ярче ее чувствует. Вообще, все человеческие свойства, приписываемые Богу, нужно понимать, как образное показание действий и отношений Божиих к миру.

Что же говорится о Боге в Символе веры? «Верую во **единого** Бога». Истина единства Бога есть основная истина в учении о Боге. Эта истина должна быть допущена и человеческим разумом, ибо она вытекает непосредственно из вышеизложенных (см. выше «Телеологическое доказательство бытия Божия», «Космологическое доказательство бытия Божия», «Онтологическое доказательство бытия Божия»,

«Нравственное доказательство бытия Божия») доказательств бытия Божия. Если Бог есть верховный Разум и Устроитель вселенной, то Он должен быть один; если Он есть первоисточник всего, то Он также должен быть один; если Он есть высший идеал, то опять Он должен быть один; наконец, если Он есть источник совести человеческой, то Он также должен быть один, ибо совесть одна. Существовали и существуют много язычников, которые признают многих богов, и, несомненно, в противовес им ясно утверждается истина единства Бога. Но если эта истина принимается и не оспаривается нашей умственной верой, то в области нашей сердечной, душевной веры она может часто колебаться, ведь в этой области человек должен только одному Богу поклоняться и Ему одному служить (Втор.6:13); между тем фактически вследствие своей греховности и слабости человек служит различным страстям и предметам (гордости, богатству, славе, разным пресыщением), идущим вразрез с повелениями Бога. Таким образом, человек в своей душе часто уклоняется от служения единственному истинному Богу, и потому напоминание в символе веры о «едином» Боге совершенно необходимо.

Символ веры далее говорит: «Верую во единого Бога **Отца**». Словом «Отца» вера человеческая вводится в учение о Пресвятой Троице. По этому учению, Бог есть един по существу, сущности Своей, но Троичен в Лицах: Бог Отец, Бог Сын и Бог Дух Святый. Между Лицами Святой Троицы нет разделения, но есть различие. Различие это состоит в том, что Бог Сын предвечно рождается от Бога Отца, Святый Дух предвечно исходит от Бога Отца, а Бог Отец не рождается и не исходит от другого Лица. Все три Лица Пресвятой Троицы равны между Собою: Бог Отец есть истинный Бог, Бог Сын есть истинный Бог, и Бог Дух Святый есть истинный Бог. Но это – не три Бога, а один Бог – Троица единосущная и нераздельная. Учение о трех Лицах Святой Троицы ясно высказал Иисус Христос, когда, посыпая апостолов на проповедь, сказал: «*Идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа*» (Мф.28:19). А о единосущии Лиц Святой Троицы говорится так:

«Три свидетельствуют на небе: Отец, Слово и Святой Дух; и Сии три суть едино». (1Ин.5:7).

Издавна были попытки человеческого разума проникнуть в эту величайшую тайну Божества, были попытки найти какие-либо сравнения и подобия Пресвятой Троицы. Так, указывали и указывают на солнце, различая в нем свет, теплоту и то, что издает свет и теплоту; образ рождения Бога Сына и происхождение Бога Духа от Бога Отца указывали в исходении луча от солнца, света от света. Особенно же в душе человека находили подобие истины Святой Троицы, ибо три главные способности души человека – ум, воля и чувство теснейшим образом объединены в душе человека, но в то же время и различны между собой. Но так как все это – только образы, подобия и при том подобия тайны Божией особенно глубокой, то они не только не отображают учения о Святой Троице, но между ними и изображаемою тайною должно оставаться бесконечное расстояние. Однажды блаж. Августин, углубляясь в учение о Святой Троице и желая постичь его, шел по морскому берегу и увидел мальчика, который что-то делал у моря. Подойдя к нему, Августин увидел, что мальчик вырыл в береговом песке ямочку и раковиной черпает в море воду и переливает ее в ямочку. «Что ты делаешь?» – спросил его Августин. «Хочу в эту ямочку перелить море», – отвечал мальчик. «Неразумен этот мальчик, – подумал про себя Августин, – но так же неразумен и я, если бесконечное море Божества хочу перелить в небольшую ямочку моего ума».

Учение о единстве Божества и вместе троичности Лиц в Нем на первый, поверхностный взгляд может казаться внутренне противоречивым, ибо где 1, там не может быть 3, и где 3, там не может быть 1. Но это противоречие только кажущееся. Оно могло бы иметь место только в том случае, если бы единство и троичность в Божестве были бы в одной и той же, так сказать, области или отношении; между тем, единство относится к природе Божества, а троичность к Лицам Божества; следовательно, единство и троичность принадлежат разным отношениям в Боге и потому не могут стоять в противоречии между собой.

Но если мы больше углубимся в истину Святой Троицы, то найдем, что мысль о внутреннем противоречии в учении о Святой Троице должна совершенно отпасть. С одной стороны, мы должны помнить, что Бог открывает людям истины на человеческом языке; но человеческий язык – слабое и большое создание человека, – он никогда не может быть точен. Ведь он приспособлен для обозначения обыкновенных, повседневных предметов человеческой жизни; но для обозначения и выражения исключительных, чрезвычайных моментов жизни духа язык человеческий бессилен. Например, в моменты чрезвычайной радости или чрезвычайного горя попробуйте передать свое состояние словами, – и вы будете или молчать, погруженные во внутреннее переживание этих состояний, или будете говорить слишком бледные для сего фразы; особенных слов, точно передающих исключительное состояние духа, язык человеческий не найдет. Возьмем даже более обыденные случаи: попробуйте, например, описать человеку вкус или запах какого-либо нового вещества, доселе неизвестного этому человеку, – и все ваши самый старательный и красноречивые описания не дадут этому человеку возможности точно почувствовать новый вкус или запах; человек должен сам понюхать или отведать вкус этого вещества и тогда его вкус или запах будет для него ясен; но этого он достигнет без слов, которые для сего бессильны. Но если язык человеческий неточен в своих определениях, касающихся даже земных предметов, то тем более бессильным он должен оказаться в определении небесной жизни. На земле нет предметов и явлений, которые хотя бы в малой степени были подобны находящимся на небе, и однако словами, приложимыми к земному, люди пытаются обозначить небесное. Поэтому неизбежно, что обозначение на человеческом языке небесных явлений будет очень неточным; и потому выражение: «Бог един по существу, но Троичен в лицах» может быть рассматриваемо, как дающее человечеству возможное наилучшее для него представление о Божестве.

С другой стороны, мы должны обратить внимание на то, что в это учение о Святой Троице вводятся числа (1 и 3). В таком

случае, мы должны обязательно ответить себе: что такое число? Существуют ли числа в действительности, вне нас, или они являются только свойством человеческого ума мыслить все в числах? Вернее, должно склониться к последней мысли, что числа являются только свойством ума человеческого и при том только в отношении земных материальных предметов. Ведь 1, 2, 3 и т.д. предметы могут существовать только так, что другой предмет может находиться только там, где окончился первый предмет; в одном и том же месте сразу два предмета существовать не могут; на этом и основывается возражение против учения о Святой Троице; если 1, то не 3, и если 3, то не 1; сложить два предмета мы можем только там, где оканчивается один предмет и начинается другой. Но если мы возьмем даже здесь же на земле явления не материальные, а духовные, например, человеческую душу, то увидим, что числовые отношения не применимы к таким предметам: можно ли, например, разделить душу человека и сказать, что у такого-то человека осталась только $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{8}$ души? Против этой нелепости восстает сама человеческая душа, как бы показывая этим, что числовые понятия не применимы к ней.

Но если числовые отношения не приложимы к духовным предметам, даже и ограниченным, то они еще менее применимы к духовным существам бесконечным, каково Божество. Ведь если, как мы только что рассуждали, второй предмет (или 2) может начаться там, где оканчивается первый (или 1), то в бесконечных предметах можно ли сказать, где начинается второй, если первый еще не кончился и никогда не кончится? Как можно, например, разделить пополам бесконечную величину, если мы не знаем, где ее начало и где конец, и где средина ее? Число заключает в себе идею прерывности (1, 2, 3), но бытие непрерывно. Таким образом, правильнее склониться к тому, что наши числовые отношения не имеют значения в области Божественной жизни, и потому и нельзя признать, что учение о Троичности и единосущии Божества противоречит здравому рассудку, ибо наш рассудок не применим к познаванию небесных предметов. Таким образом, ни рассудок, ни язык человеческий не могут иметь места при

постижении и обозначении Божества. Правда, учение о Святой Троице не может быть выражено в ясных понятиях; но для нас вообще многое неясно, даже относительно менее совершенных предметов, как, например, вопрос о том, что такое материя, сила и пр.

Но учение о Святой Троице, мало доступное для человеческого ума, может быть более постижимым для человеческого сердца. Бог есть любовь (1Ин.4:8), а любовь, с одной стороны, требует, чтобы вместе с существом любящим существовал кто-то другой, на кого направлялась бы эта любовь, ибо любовь, простирающаяся только на самого себя, есть эгоизм, т.е. явление, противоположное истинной любви. Если же Бог есть любовь, то, следовательно, Его любовь должна на кого-то простираться. Мы видим, что она простирается, например, на созданный Им мир. Но когда мир еще не существовал, на кого тогда, в вечности, простиралась любовь Божия? На это отвечает учение о Святой Троице: от вечности в Боге было Три Лица, Которые любили Друг Друга, и в этой взаимной любви Лиц Святой Троицы состояла от вечности жизнь Бога. С другой стороны, любовь требует единения любящего и любимого; любящий стремится быть возможно ближе к любимому, соединиться с ним возможно теснее, даже как бы передать себя любимому существу, забыв про себя. Земным примером такой любви, хотя и весьма слабым, является любовь матери к детям. У любящей матери, даже в мире животных, часть жизни переходит в детей, не только жизни чисто телесной, что выражается, например, в млекопитании, но и часть высших жизненных инстинктов. Посмотрите на высижившуюся в гнезде исхудалую наседку, собравшую своих цыплят около корма, но не прикасающуюся к последнему (именно о наседке говорится в Евангелии от Матфея (Мф.23:37)). В ней нет даже борьбы с инстинктом голода; радость о насыщении птенцов насыщает ее тело взамен действительной пищи. В случае нападения врагов она, с опасностью для жизни или даже с действительной потерей своей жизни, защищает их жизнь, и при том, что самое главное, она делает все это совершенно непосредственно, точно так же,

как прежде защищала бы свое собственное благополучие. Отсюда следует, что предмет инстинктов изменился, перейдя с себя лично на семью. То же самое, но с признаками сознательности и свободы, хотя и с сохранением той же непосредственности в самых влечениях и порывах, вы увидите в матери человека. Когда она трудится, голодает, не спит ночей и вообще переносит скорби за ребенка, за детей, она почти никогда не чувствует в себе борьбы, не ощущает подвига, как не чувствовала подвига в девичьей жизни, заботясь о себе самой. В этом смысле предмет ее самосознания из «я» перешел на «мы». В самом даже теоретическом акте самосознания ей гораздо непосредственнее понятна противоположность между этим «мы» и прочим миром, нежели между ее собственным «я» и ребенком или детьми. Эта внутренняя связь с детьми идет гораздо дальше сознательной области ее душевной жизни, в периоде кормления дитяти грудью, простирается даже на жизнь телесную, а в дальнейшие годы – предугадывая внутренние движения жизни ребенка по самым общим, случайным и условным выражениям, так что пословица: «Материнское сердце – вещун» имеет глубокий философский смысл. С переходом жизненного интереса в души детей у женщины в значительной степени, а иногда и вовсе исчезает попечение о себе самой, так как в мыслях, чувствах и намерениях ее происходит коренное изменение.

Если же такое глубочайшее единение существует уже здесь, на земле, то чем выше и сильнее любовь, тем теснее и глубже должно быть взаимное единение любящих существ. А если в бесконечном Боге любовь бесконечна, то и единение между Лицами Святой Троицы должно быть бесконечным, каковое единение на бедном человеческом языке можно выразить только словом «одно», три Лица в Боге есть одно: «Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе»(Ин.17:21), «Я и Отец – одно»(Ин.10:30)

Если мы вдумаемся в истину Святой Троицы, то увидим, что она есть источник огромного света, источник идей, способных осветить жизнь до ее дна, источник великого утешения и радости для человека. Знаменитый Паскаль писал о

ничтожество человека перед миром. Для человека в мире оставалось бы только отчаяние, если бы Господь Христос не открыл нам величайшего из имен Божиих – Бог-Отец. В самом деле, не ужасно ли знать, когда мы смотрим на усеянное звездами небо и видим, как свет планет разливается в громадной пустоте систем и млечных путей, что весь этот мир – только точка, пятно, атом в отношении ко вселенной, а вся солнечная система и вся созерцаемая нами система миров только атом в той необъятности, которая усеяна, подобно полу во дворце, золотой пылью бесчисленных миров. Вся эта громадность, среди которой человек даже и не песчинка, а величина, даже в миллиарды раз меньшая, чем песчинка, – должна бы раздавить человеческий мозг, если бы не великая идея, что есть Бог-Отец, который есть Отец и для каждого из нас. Мы не крупинки пыли, не песок на морском берегу; мы, действительно, образ и подобие, искра и дыхание Того Отца, Который создал все Таким образом, человек из пыли становится снова величиной, имеющей право и долг жить и двигаться к совершенству, по образу Бога Вседержителя.

Но далее вас снова может остановить мысль. Хорошо: Бог есть наш Отец; но мы бунтовщики, мы разорвали союз с Ним. Может быть, теперь Он уже не Отец, и мы, как преступники, можем ждать теперь только наказания. Так должны бы думать мы. И снова отчаяние – наш жребий; но здесь учение о Святой Троице опять влияет свой свет. Бог есть Отец, но в существе Божием есть и вторая Его Личность – Бог Сын. Откровение о Боге Сыне – новый свет для отчаявшихся и бессильных душ. Не закрыт путь к Отцу, не разрушено наше сыновство Ему. Наоборот, единородный Сын Отца стал нашим братом по плоти, умер на кресте за грех человеческий, и Своей всемогущей десницей готов вести нас в обители Отца.

Но снова вопрос. Пусть мы прощены Богом и дети. Но где у нас силы к движению? Можем ли мы, нищие и убогие, воскресить наши «мертвые души» и подняться из проказы и пыли, в какой лежим? Эта мысль опять могла бы окружить облаком отчаяния наше сознание, если бы не откровение о Духе Утешителе. Мы не бессильны; третье Лицо Святой Троицы,

Святой Дух воодушевляет нас этой силой. Чрез Святые Таинства, в которых действует Святой Дух, вливаются новые силы в кровь бессильного человека, чудотворно побеждается в нем бессилие духа, и человек вооружается необычайной силой для борьбы с грехом.

Таким образом, в учении о Святой Троице, в самой простой его постановке, содержится источник великого утешения и творящей силы.

Учение о Святой Троице имеет весьма важное значение для опознания основного закона и смысла жизни человечества и всего вообще мира, именно закона единства во множественности или закона любви. Все люди, как личности, произошли от одного человека, в котором они все заключались в состоянии зародыша. Следовательно, весь род человеческий, при разнообразии личностей, единосущен по своей природе, и связь, единение или любовь друг к другу есть, таким образом, прирожденный, изначальный закон человечества. Но грех внес изменение в сознание человечеством этого закона; человечество как бы «разорвалось». Истина единства человечества, которая должна сплачивать всех людей в единую душу и сердце, затмилась. Заповедь любви стала казаться даже насилием для человеческой души; законом мира стал эгоизм, себялюбие. Противоестественное «разъединение» людей стало для них естественным состоянием. Христианство заявило, что это разъединение есть греховная ложь, что основное, нормальное состояние человечества есть глубочайшее единство природы всех людей, их единосущие и основной закон человеческой жизни есть закон любви всех людей между собой. Какие же имеются в христианстве основания для того, чтобы заявить, что единосущие и взаимная любовь людей есть закон, норма? Таким основанием, по учению святых Отцов, является учение о Святой Троице. Это учение говорит, что истинное и вечное существо Бога, Его природа свободны от всякой разъединенности и взаимоисключительности, что хотя в Боге три Личности, но они не исключают друг друга, а являются полным и бесконечным единством. А так как Бог есть образец, идеал, норма для всего

существующего, то это единосущие Божественных Личностей, этот закон любви должен отражаться и в жизни всего человечества, что все человеческие личности при своей множественности являются единым целым, и жизнь человечества должен как бы пронизывать и проникать закон взаимной любви. Эту истину выразил и Спаситель в своей молитве пред страданиями. Он молился так: «*Отче Святый! Соблюди их во имя Твое, тех, которых Ты Мне дал, чтобы они были едино, как и Мы... Да будут все едино; как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино... И славу, которую Ты дал Мне, Я дал им: да будут едино, как Мы едино. Я в них, и Ты во Мне, да будут совершенны во едино*» (Ин.17:11,21,22,23)¹.

Какое же отношение Бог имеет к миру? На это отвечают дальнейшие слова символа веры, что Бог есть «Вседержитель, Творец неба и земли, всего видимого и невидимого». Слово Вседержитель означает, что Господь все содержит в Своей силе и в своей власти.

По вопросу об отношении Бога к миру существуют разные взгляды, главнейшие из которых следующие. **Атеизм** учит, что Бог не имеет к миру никакого отношения, потому что и Бога нет, и мир произошел сам по себе. Это учение опровергнуто уже при разборе телеологического доказательства бытия Божия (см. выше «Телеологическое доказательство бытия Божия»). Там мы указывали, что ничто самое простое не происходит само собой, тем более не появляется сама собой какая-либо сложная машина; в особенности мир, как необыкновенно великая и сложная машина, не мог произойти сам собой. И если при взгляде на машину наш ум необходимо предполагает ее устроителя, так и при мысли о громадном механизме мира мы необходимо должны признать существование Творца мира – иначе Бога. **Деизм**. По учению деистов, Бог создал мир, привел в действие законы жизни мира, и затем отстранился от мира; мир теперь живет сам по себе, независимо от Бога. С этим учением нельзя согласиться потому, что наблюдения показывают, что недостаточно только устроить машину и пустить ее в ход, чтобы она и дальше работала правильно;

необходимо постоянное наблюдение и уход за нею; иначе она начнет постепенно портиться и, наконец, остановится в своей работе. По сему и над миром, как обширным и сложным механизмом и организмом, необходимо постоянное наблюдение, заботы о поддержании его правильной жизни. И как самое лучшее наблюдение за машиной может принадлежать ее устроителю, так и наилучшее наблюдение за жизнью мира может быть осуществлено только Творцом мира Богом. Следовательно, необходимо признать, что Бог не только создал мир, но и направляет его жизнь. **Пантеизм.** По учению пантеистов, Бог отдельно от мира не существует; Бог есть весь мир, жизнь мира есть жизнь Бога. С этим учением нельзя согласиться потому, что Бог есть Существо всесовершенное, а в мире существуют разные настроения, недостатки, в людях существует нравственное зло, грех. Если Бог Существо всесовершенное, не имеющее никаких недостатков, то и в мире, который есть Бог, также не должно быть никаких недостатков, никакого зла. Если же в мире есть недостатки и зло, то, следовательно, эти недостатки и зло должны принадлежать и Богу, ибо мир и Бог одно и то же; в таком случае, Бог уже не есть Существо всесовершенное. Таким образом пантеизм страдает глубоким внутренним противоречием. **Теизм.** По учению теистов существует Бог, Который создал отдельный от Себя мир и Который затем наблюдает и направляет жизнь мира. После разбора предыдущих теорий мы должны признать, что это учение наиболее правильное.

«...Творца небу и земли, видимым же всем и невидимым»

Господь называется **Творцом** мира². Под творением здесь нужно понимать создание чего-либо из ничего, т.е. Господь создал мир из ничего только Свою силой и властью. *В начале сотворил Бог небо и землю* (Быт.1:1). Под «небом и землею» разумеется весь состав вещей, или вся вселенная, существующая отдельно от Бога и управляемая Богом. Частнее – под «небом» разумеется мир ангелов, а под «землею» остальная вселенная. Под словом «видимым же всем» разумеется все, что доступно внешним чувствам человека, а под словом «невидимым» – все, что недоступно внешним человеческим чувствам, т.е. мир духовный.

Ангелами называются духи бестелесные, обладающие умом, волею и могуществом высшими, нежели человек³. Об ангелах говорится в священных книгах. Кроме того, необходимость существования ангелов явствует из того, что в земном мире мы находим полную и строгую постепенность во всем, начиная от простой клетки, переходя в более сложные существа и кончая человеком, существом материально-духовным. Если затем признать, что за человеком существует только Бог, Существо бесконечное, то постепенность творения прерывается и получается незаполненная ничем громадная пропасть между Богом и человеком. Между тем, наблюдая постепенность творения на земле, мы вполне вправе допустить, что эта постепенность существует и между человеком и Богом. Этому предположению отвечает учение об ангелах, которые, находясь между человеком и Богом, восполняют, таким образом, постепенность в творении, тем более, что и ангелы не все одинаковы и разделяются на различные разряды или ступени, по степени своего совершенства и постепенного приближения к Богу.

Для человечества открыты девять разрядов ангелов. Ангелы сотворены прежде видимого мира⁴. Сначала все ангелы были сотворены добрыми, потом некоторые из них сделались

злыми и отпали от Бога. Но бесчисленное множество ангелов остались добрыми и пребывают с Богом. Они непрестанно прославляют Бога и исполняют Его волю, особенно относительно помохи людям в деле спасения. Имя «ангел» означает вестник, ибо эти бесплотные духи часто бывают посылаемы Богом на землю для возвещения людям воли Божией. Хотя ангелы суть духи бестелесные, но когда они являются людям, то принимают вид человека и могут говорить для того, чтобы через это войти в общение с людьми. На иконах ангелы изображаются иногда с крыльями; это обозначает быстроту, с которой они исполняют свое служение. Некоторые из ангелов называются ангелами-хранителями, потому что они сохраняют как целые общества или государства, так в частности и каждого человека, особенно верующих в истинного Бога⁵.

Уклонение некоторых ангелов в зло и отпадение их от Бога произошло от их гордости; это открыл нам апостол Павел, который, давая закон о поставлении епископа, запрещает избирать епископом новокрещенного, чтобы он не возгордился и не подпал бы осуждению с дьяволом(1Тим.3:6), указывая этим, что причиною падения дьявола была гордость.

Главный из отпадших ангелов называется сатаной, т.е. отступником; злые духи называются также дьяволами или бесами. Слово дьявол обозначает клеветник или обольститель. Так называются злые духи потому, что они всякими мерами стараются склонить людей ко всему злому, обольщая их хитростью и внушая им ложные мысли и желания. Спаситель о дьяволе говорить так: «Он не устоял в истине, ибо нет в нем истины; когда говорит он ложь, говорит свое; ибо он лжец и отец лжи» (Ин.8:44).

В разные времена, а особенно в последнее наше время, существование злых духов подвергалось и подвергается сомнению; считают, что злые духи есть народное суеверие, произведение человеческой фантазии. Но с этим нельзя согласиться: живая злая сила существует, бесы суть реальные существа. В пользу этого говорит уже само существование христианства. Христианство основано Христом. Для чего же Он явился в мир? Для Него лично это явление было не нужно;

очевидно, оно нужно было для человека. Для чего же оно нужно человеку? – чтобы помочь ему. Но само понятие «помощи» предполагает уже существование борьбы, в которой одна из борющихся сторон ослабевает и нуждается в подкреплении своих сил; ибо, если все спокойно и нет борьбы, тогда не нужна и помощь. С кем же человек находится в борьбе? Христос есть абсолютное добро и святость, и помочь человеку Он может только в добром направлении; если же человек нуждается в помощи именно в отношении добра, следовательно, его борьба идет с явлением, противоположным добру, т.е. со злом, и так как человек есть существо живое, и Бог, помогающий ему, есть также Существо живое, то и злое существо, с которым борется человек, должно быть также живым; причем, оно гораздо могущественнее человека, ибо человек один на один не мог бороться с дьяволом, и понадобилась такая могущественная поддержка, как сила Божия. Таким образом, из существования христианства явствует, что бесы, как живая могущественная злая сила, реально существуют. Вместе с тем из Евангелия известно, что Господь Иисус Христос признавал существование бесов и бесноватых. Говорят, что Он приспособлялся к суеверному взгляду народа, называл именем беснования то, что было просто нервной или душевной болезнью. Но это неверно; о бесах Христос говорит не народу только, а и апостолам наедине: Ученики, преступльши к Иисусу наедине, сказали: почему мы не могли изгнать беса?. Иисус же сказал им:... род сей изгоняется только молитвою и постом» (Мф.17:19–21). Самый характер речи Спасителя о бесах ясно показывает, что и Господь, и апостолы употребляют слово «бес» не иносказательно.

Но подойдем к вопросу с другой стороны.

Если допустимо вообще бытие высших, чем человек, разумных сил, то отчего не допустимо и существование беса, т.е. злой разумной силы? Люди, их мысль, душа, дух – могут быть и злой, и доброй силой. И в истории человечества были великие, огромные по силе воли и мысли души, которые, однако, были злыми гениями человечества, воплотителями зла. Вспомним Наполеона, Ирода Великого и др. Понятно, что такие

гении зла, и даже еще большие носители зла, могут и должны быть среди высших созданий, вставших на путь зла. И эти носители злой воли есть бесы.

Впрочем, бытие злых духов доказывается не только такими умозаключениями. Этот «факт» достаточно подтверждается живым человеческим опытом. Кто читал сочинения святых отцов и подвижников, тот знает, как живо и близко ощущали, видели они злые силы. «Для святых подвижников, опытных в духовной жизни, — пишет один ученый, — дьявол и злые духи с их действием в жизни человеческой — такие же реальные явления и силы, как и существующие для наших чувств предметы видимого мира; духи являются им не только духовно, но и видимо, вступая часто в открытую с ними борьбу, способы их действия на душу, их приемы и орудия в борьбе с добром — все до мельчайших подробностей делается предметом самого тщательного изучения святых подвижников, на основании которого строится целая наука или искусство борьбы с «духами злобы поднебесными», занимающей такое важное место в их подвижнической жизни; нам оставлены многими святыми подвижниками и письменные памятники этого изучения (Творения святого Антония Великого, Макария Египетского, Ефрема Сиринга и др.) Возможно ли для какого-либо сомнения зачеркнуть это свидетельство людей духовной жизни о бытии и действиях злых духов, основанное на опыте духовно-христианской жизни всех веков и стран?»

Правда, здесь возможно известное возражение, что переживания святых были просто галлюцинациями. Однако чисто медицинский анализ состояния подвижников разрушает это возражение. Кто не знает прозрачную ясность ума, например, святого Антония Великого, уравновешенность его мысли? Но, кроме того, какие причины могут вызвать галлюцинации? «Неправильное питание мозга, — пишет Мейер, — при известных условиях естественно обуславливает неправильность его функции. Добровольное или вынужденное голодание, продолжительный пост в связи с молитвою, возбуждением фантазии (для приготовления себя к высшим вдохновениям), еще другие причины в лицах и без того

впечатлительных, ведут к тому, что они начинают, как им кажется, слышать голоса из «того мира». Галлюцинации от неправильного питания еще легче появляются в связи с другими, вредными здоровью, условиями, как недостаток сна, усиленная душевная деятельность и т.п. Положим. Но тот же Мейер указывает, какой характер галлюцинации должен возникнуть на этой почве. По его словам, галлюцинации эти носят спокойный и созерцательный характер. Между тем, всем известно, что видения аскетов были далеко не спокойны, — наоборот, буйны и страшны. Читайте хотя бы житие святого Антония Великого.

Но оставим даже этот опыт исключительных людей. «Кто не ощущал в себе, — спрашивает профессор Светлов, — по временам и даже в моменты наивысшего подъема духа к добру движений в душе, неизвестно откуда возникающих и как раз противных общему нравственному настроению? Внезапное появление в нашей душе злых мыслей, чувств и желаний против нашей воли, вопреки общему нравственному настроению в тот или иной момент и нравственному характеру личности вообще — факт общеизвестный и не всегда объяснимый раздвоенностью нашей воли (и нравственной природы) (Рим.7:14–23) Подобные внезапные движения в душе, несоизмеримые с определенным ее характером, невольно приводят к мысли о существовании за ними разумных и злых ангелов; иначе они были бы беспричинны, чего допустить нельзя. Рассматриваемое явление не может ускользнуть от внимания анализа. Вот поучительное свидетельство, которое дает один из неверующих писателей: «Когда я был ребенком, на меня однажды нашло такое религиозное настроение, что я молился с утра до вечера, и вместе с тем в минуты величайшего религиозного экстаза в голове у меня мелькали такие богохульные мысли, что как будто их подсказывал мне демон или ветер навевал извне. Точно так же я грешил против людей, которых любил всею душой, за которых без колебания отдал бы всю свою жизнь. Эта трагедия сильно мучила меня. Но не в том дело. Возвращаясь к этим богохульным мыслям, я думаю, что никто не должен отвечать за них, так как они

являются извне, а не служат признаком зла, вкоренившегося в моральный организм» (Сенкевич «Без догмата»). Характерные слова извне? Т.е. откуда? Конечно, от какой-то внешней разумной силы, т.е. от духов зла. Это неоспоримый вывод. Не ветер же навевает эти мысли.

Итак, мы должны допустить существование действующей на нашу мысль чужой силы. Но в сказанном уже дан ответ и о бесновании, одержимости. Беснование есть подчинение человеческой души злому духу до потери воли, до вытеснения, так сказать, души. Душой владеет злой дух, как хозяин. В сущности, то самое воздействие злого духа на человека, о котором мы говорили сейчас, отличается от беснования только количественно. Пока внушения злого духа для человека еще «внешнее», где-то снаружи, – дело идет об искушении. Если же воля человека порабощена, – мы имеем дело с «одержимостью». Один известный писатель говорил о себе буквально в таких словах: «Иногда какая-то злая сила руководит мной. Я не могу назвать свое состояние иначе, как одержимостью. Посторонняя сила говорит за меня, ведет меня к безднам». Сделайте еще один шаг в направлении этого болезненного разложения личности – и вы будете иметь одержимость.

Прочтите наблюдения врачей-психиатров. Некоторые преступники в своих действиях явно руководились чьей-то чужой волей. Их воля была вытеснена иной. Они сопротивляются, но не в силах бороться. Были случаи, когда преступник вперед заявлял о том, что его тянет к преступлению, и просил спасти его. Профессор Корсаков в своем «Курсе психиатрии» (стр. 253) приводит следующий случай такого непреодолимого влечения к совершению убийства. «Еще в феврале, – говорит больной, – у меня явилась мысль убить детей. Месяцев пять меня преследовала она; меня что-то толкало; я не мог от нее отделаться ни днем, ни ночью, ни за работой. В течение трех ночей я вставал с постели, чтобы убить детей. В первую ночь я выбежал на двор, чтобы выгнать эту мысль; через полчаса я успокоился и лег в постель. На другую ночь я также вышел и, вернувшись, зажег свечу, взял бритву и,

расхаживая взад и вперед по комнате, с кровожадностью смотрел на детей; наконец я положил бритву на место и пошел на скотный двор... На третью ночь я несколько раз выходил и снова входил, чтобы покончить: был совсем готов... Я вошел в комнату детей, держа в одной руке свечу, а в другой заступ. Я посмотрел, в кровати ли сын, его не было. Занавески кроватей моих дочерней были откинуты, и я видел, что они в постели. Я подошел, поставил левую ногу на стул, чтобы иметь опору, и начал наносить один удар за другим по их головам... Они спали, не сделали ни одного движения... Я не знаю, сколько ударов я нанес. Перед убийством я ни о чем не думал, как только о том, чтобы убить и бежать, после я не посмотрел даже на трупы, но почувствовал очень большое облегчение, которое продолжалось до тех пор, пока я не пришел в лес. Тогда я почувствовал упадок сил и закричал: «Я погибший человек» ... Позднее больной говорил: «Это должно было случиться; я не мог помешать себе сделать это дело, убийство» ...

Называя такие влечения насильственными, или навязчивыми, профессор С. Корсаков говорит: «Больной осознает, что его влечение совершенно безумно, но не может с ним бороться. Он предвидит все его последствия, но не может преодолеть того мучения, которое испытывает до удовлетворения своего безрассудного, вредного для него самого и для окружающих, влечения» (стр. 251). «Иногда навязчивые влечения достигают высшей степени напряжения так быстро, что переходят в действие почти одновременно с тем, как это влечение достигает сознания; однако, и при этом человек не теряет сознания: он впоследствии ясно помнит, что именно он сделал, но решительно не может понять, по каким побуждениям он это совершил и что влекло его». Чья же, спрашивается, воля управляла здесь убийцей? В сущности, если признано существование злого духа, то признать беснование – более чем логично; правильнее сказать – необходимо.

Если гипнотизер может подчинить себе чужую душу, вытеснить ее, подчиняя своей воле до конца, заменяя ее мысль своей, ее чувство своим, ее хотение своим, – то не тем ли

более возможно это вытеснение души для существа более сильного, чем гипнотизер.

Но, быть может, бесноватость есть обыкновенная нервная болезнь, только в сильной форме? Нет.

Описание болезни бесноватых в Евангелиях и в описаниях психиатров не позволяет считать эту болезнь обычновенной нервной.

Может быть с этой болезнью соединяются некоторые симптомы душевных заболеваний (это естественно), но есть признаки явно своеобразные. Именно.

Кто объяснит такие факты, установленные психиатрией: бесноватые понимают языки, доселе им неизвестные, говорят о вещах, превышающих их знание, образование, ум; видят тайное; видят через расстояние и даже (факт, указанный Calmet и многими другими, не богословами) – поднимаются сами собой на воздух.

Но, пожалуй, всего характернее и красноречивее факт – страшная ненависть бесноватых к религии и страдания, обнаруживаемые при одном упоминании о Боге. А у бесноватых евангельских – особенно исповедание И. Христа Сыном Божиим решительно чудесное или сверхъестественное (Мк.1:24, Мк.1:34).

Кто знает евангельскую историю, – знает и то, что даже и для ближайших учеников И. Христа вера в Его Божественность долгое время была делом свышечеловеческим, невозможностью. А бесноватые исповедуют его Богом ранее, чем поняли это и апостолы. Откуда это у больных? И зачем им ненавидеть Бога, бояться религиозного действия?

Справедливо, что многое в бесновании близко к симптомам некоторых нервных заболеваний. Что же из этого? Возможно и то, что на больной почве легче приражается влияние злого духа. Возможно и обратное, что подчинение злой воле духа влечет за собой и естественные физиологически-психические расстройства.

«Разве нельзя допустить, – пишет Целлер, – что некоторые болезни, именно душевые, при которых, по-видимому, проникает в самое существо больного нечто ему чуждое,

действующее в нем с необходимой силой, стоят в связи с царствием тьмы, царством демонов? Такие болезни, с одной стороны рассматриваемые, естественны и подлежат в своем развитии и существовании известным законам (природы); но, с другой стороны, при этом остается некоторый темный остаток, который нельзя мыслить иначе, как действие вечно враждебной человеку и злобной дьявольской силы. Ежедневно и ежечасно действует на наше тело и на нашу душу бесчисленное множество сил, и при всем том мы не замечаем их действие; и самого существования сил не подозреваем; разве нельзя допустить, что в числе их действуют на нас в разных формах и степенях и силы из мрачного демонского царства?» А усиление этого влияния до размеров болезни и безумия – есть одержимость.

Ф.М.Достоевский в «Братьях Карамазовых» говорит, повторяя изречение одного из древних христианских подвижников: «Высшая хитрость сатаны состоит в том, что он заставил людей забыть о нем» (т.е. о сатане). В чем же состоит эта хитрость? В том, что таким путем дьявол может овладеть человеком легче и надежнее. Ведь если человек знает, что около него есть злой враг, то он находится в постоянном напряжении духа, внимательно наблюдает за врагом и за собой, всегда готов к борьбе со врагом; и для сатаны таким человеком овладеть труднее. Если же человек полагает, что у него врага нет, что около него все спокойно, он и сам предается покою, ослабляет свою внимательность и силы, и сатане гораздо легче овладевать таким человеком, путем ли постепенного незаметного злого воздействия или посредством внезапного нападения и устрашения человека. Поэтому сатана и стремится заставить людей забыть о нем.

Учение о добрых и злых духах имеет важное значение для духовно-нравственной жизни человека. Если добрые духи принимают полное участие в нашем спасении и радуются об обращении грешника, то это должно возбуждать в нас благоговейное уважение к нашей душе и побуждать к обращению на добрый путь тех, кто еще не обратился, а обратившихся – к ревностному, охотному действию по пути

спасения. К этому еще более должна побуждать нас мысль о присутствии при нас ангела-хранителя. Если некоторые из высших духов пали, и пали от гордости, то это должно возбуждать и в нас боязнь греха, пред которым не устояли даже самые высшие духи; особенно же должны мы остерегаться гордости. Мысль об упорстве падших ангелов во зле должна возбуждать в нас опасение – не уподобляться бесам в своей нераскаянности в грехах, и заботливость – не медлить обращением своим к Господу; а мысль о том, что бесы веруют в Бога и даже трепещут перед Ним, но остаются злыми, ибо не делают добрых дел, – показывает нам, что вера без добрых дел ничего не значит (Иак.2:19, Иак.2:26). Наконец, мысль о том, что бесы постоянно делают на нас нападения, должна побуждать нас к постоянной внимательности духа и духовному бодрствованию для непрестанной борьбы со злыми духами.

После сотворения невидимого, ангельского мира произошло сотворение мира видимого. Об этом в Библии говорится так: «*В начале сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною; и Дух Божий носился над водою. И сказал Бог: да будет свет. И стал свет...и отделил Бог свет от тьмы. И назвал Бог свет днем, а тьму ночью. И был вечер, и было утро: день один. И сказал Бог: да будет твердь посреди воды, и да отделяет она воду от воды. И создал Бог твердь; и отделил воду, которая под твердью, от воды, которая над твердью. И стало так. И назвал Бог твердь небом. И был вечер, и было утро: день второй. И сказал Бог: да соберется вода, которая под небом, в одно место, и да явится суши. И стало так. И назвал Бог суши землею, а собрание вод назвал морями. И сказал Бог: да произрастит земля зелень, траву, сеющую семя, дерево плодовитое, приносящее по роду своему плод, в котором семя его на земле. И стало так. И произвела земля зелень, траву, сеющую семя по роду ее, и дерево, приносящее плод, в котором семя его по роду его... И был вечер, и было утро: день третий. И сказал Бог – да будут светила на тверди небесной для отделения дня от ночи, и для знамений, и времен, и дней, и годов; и да будут они светильниками на тверди небесной,*

чтобы светить на землю. И стало так. И создал Бог два светила великие: светило большее, для управления днем, и светило меньшее для управления ночью, и звезды; и поставил их Бог на тверди небесной, чтобы светить на землю, и управлять днем и ночью и отделять свет от тьмы... И был вечер и было утро: день четвертый. И сказал Бог: да произведет вода пресмыкающихся, душу живую; и птицы да полетят над землею, по тверди небесной. И сотворил Бог рыб больших и всякую душу животных пресмыкающихся, которых произвела вода, по роду их, и всякую птицу пернатую по роду ее... И благословил их Бог, говоря: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте воды в морях, и птицы да размножаются на земле. И был вечер, и было утро: день пятый. И сказал Бог: да произведет земля душу живую по роду ее, скотов и гадов и зверей земных по роду их. И стало так. И создал Бог зверей земных по роду их И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему, по подобию Нашему; и да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над скотом, и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле. И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его, мужчину и женщину сотворил их. И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими и над птицами небесными, и над всяким животным, пресмыкающимся по земле... И был вечер, и было утро: день шестой... И совершил Бог к седьмому дню дела Свои, которые Он делал, и почил в день седьмой от всех дел Своих, которые делал. И благословил Бог седьмой день и освятил его; ибо в оный почил от всех дел Своих, которые Бог творил и созидал» (Быт.1:1–28, Быт.1:31, Быт.2:2,3).

Вот описание творения мира в священной книге Бытия, написанной Моисеем. Это описание нельзя считать поэтическим вымыслом или выдумкой древних народов, как иногда некоторые склонны думать. В самом повествовании нет ничего такого, что заставляло бы отступать от буквального смысла его, напротив, видны все признаки исторического повествования,

краткость и точность в рассказе, речь простая, без поэтических украшений.

Кроме того, это библейское сказание подтверждается преданиями разных народов древности. Так, в индийском древнем законе Ману говорится: «Сперва все было мрак недознаваемый, неразличимый... Самостоятельный рассеял ночь; Он создал сперва воду; солнце света было рождено»⁶. У китайского мудреца Конфуция Дух Божий носится над водою, хаос развивается и небо отделяется от земли. По египетским сказаниям бездна мрака сперва покрывается водою, проникнутою тонким Духом Божественным. Образование мира из неустроенного вещества неодинаково изображается в древних сказаниях; но почти во всех для него отделяются шесть дней или периодов делания Божия. В древних греческих сказаниях у Гомера и Лина седьмой день представляется днем окончательного творения мира⁷. В персидских преданиях говорится, что в первый день сотворены Ормуздом свет и небо; во второй вода; в третий земля; в четвертый дерева; в пятый животные; в шестой человек, а в седьмой день был отдых⁸. В северных преданиях образование мира совершается также в продолжение шести периодов⁹. Кроме того, некоторые древние народы считали время неделями, начинали счет суток с ночи и освящали седьмой день торжеством¹⁰.

О чем может говорить такое сходство сказаний – библейского и других древних народов, живших притом очень далеко друг от друга? – Очевидно, о том, что в основе их лежит историческое зерно; очевидно, древние люди услышали сказание о происхождении мира из уст главы человечества, который получил эти знания только от Бога, ибо сам не был при сотворении мира и самого себя. Что древние люди узнали от главы человечества о происхождении мира и человека, то они и разносили с собой во все концы земли, как духовное наследство и как воспоминания о своем отечестве, хотя в последствии отчасти исказили эти предания, внесли разнообразие и придали им национальный оттенок. Чистейшим же образом это древнее предание сохранилось в библейском повествовании.

Некоторые ученые возражают против этого библейского сказания и указывают, что оно противоречит данным современной науки; так, Солнце и Луна в Библии называются «великими светилами», между тем как известно, что есть много звезд, которые гораздо больше Солнца, особенно Луны; в Библии говорится, что в первые три дня творения «были вечер и утро», между тем как Солнце, определяющее вечер и утро, было создано в четвертый день, в Библии говорится, что мир и земля созданы в «шесть дней», а по данным науки для этого нужны были громадные периоды времени, во много миллионов лет, и т. д.

Приступая к выяснению взаимных отношениях между наукой и Библией по вопросу о происхождении мира и человека, мы должны прежде всего отметить, что цели науки и Библии в этом вопросе разные: наука имеет в виду выяснить вообще вопрос о происхождении мира и человека; Библия же, как во всех своих частях, так и здесь стремится выяснить вопрос о спасении человека. Посему, Библия касается вопроса о происхождении мира только отчасти, поскольку он связан с происхождением земли, на которой живет человек; объяснение происхождения остальных областей мира она предоставляет науке. Моисей пишет историю мира для простых людей. Язык его истории – язык простого смысла; потому в ней есть выражения человекообразные, приспособленные к понятиям людей. Солнце и Луна называются в ней «великими светилами» потому, что так называются они жителем земли. Ведь и теперь, хотя наукой твердо установлено, что не Солнце движется вокруг Земли, а Земля вокруг Солнца, те же ученые и астрономы ради общепонятности говорят: «Солнце восходит», «Солнце проходит в такое-то время меридиан», «Солнце заходит», и т.п. И если эта научная неточность возможна теперь, то тем более она могла иметь место при Моисее. Предлагая повествование для общего назидания, Моисей и должен был говорить языком общепринятым. Потому о высоких действиях Божества изъясняется он сообразно с их достоинством, хотя и применительно к людям.

Таким образом, Библия не имеет в виду дать подробное наставление о происхождении всех частей Вселенной, предоставляя это науке. И наука, преимущественно в последние два столетия, усердно занимается этим вопросом. Появилось около 100 теорий по вопросу о происхождении мира. Эти теории опровергают друг друга; очень многие из них не согласны с библейским сказанием. Некоторые же теории более устойчивы и приближаются к библейскому повествованию о происхождении мира и человека. Наиболее устойчивой является в настоящее время теория, высказанная первоначально знаменитым философом Кантом, разработанная затем знаменитым астрономом Лапласом и подтвержденная в начале нынешнего столетия Фаем. По этой теории первоначально все элементы, из которых состоит мир, находились в состоянии смешения и неустроенности, вроде как бы некоего тумана, или, по выражению науки, в состоянии хаоса. Затем этот пребывающий в покое хаос, весь или в некой своей части, получил толчок и пришел в движение, наподобие движения шара вокруг своей оси. Этот движущийся хаос затем пришел в раскаленное состояние. Движение хаоса вокруг своей оси вызвало увеличение на его экваторе центробежной силы, которая заставляла части хаоса отделяться, как бы отрываться от общей его массы. Это – будущие звезды и планеты нашей Солнечной системы. Оставшееся основное ядро образовало Солнце – центр системы. Отрывающиеся части хаоса в свою очередь получили также вращательное вокруг своей оси движение. В то же время, вследствие сгущения массы, увеличивалась и сила центростремительная, которая, наоборот, притягивала частицы хаоса к центру массы. Отсюда происходило постепенное уплотнение, а затем и охлаждение этих частей хаоса. Поэтому мы теперь в нашей Солнечной системе находим – и туманности, как бы приближающиеся по своему состоянию к первобытному хаосу, – и раскаленные небесные тела, как Солнце и звезды, – и в известной степени уже охладившиеся тела, как Земля, Луна.

Сравним эту теорию с библейским сказанием. По научному представлению, как мы видели, первоначальное мировое

вещество находилось в состоянии хаоса. И Библия с своей стороны говорит: «Земля была безвидна и пуста, и тьма над бездною; и Дух Божий носился над водою» (Быт.1:2). Таким образом, и Библия описывает яркими, насколько это доступно для человеческого языка, словами, именно хаотическое состояние мира. Здесь не лишне отметить, что основатель древней греческой философии Фалес (за 9 веков до РХ) учил, что все произошло из воды. И в наше время ученый Г.Гербигер высказывал взгляд, что в основе мира лежит вода¹¹. Здесь мы видим, что и Библия, и наука согласно говорят о том, что первобытное мировое вещество было в состоянии, подобном воде. Далее, по науке, следует, что первоначальный хаос получил движение и пришел в раскаленное состояние. Древний греческий философ Гераклит (VI в. до РХ) учил, что в основе мира лежит огонь. И по Библии говорится, что над хаотическим мировым веществом появился свет – первый день творения. И здесь, как видим, научные воззрения и Библия сходятся между собой. Какой же это был свет, если еще не было Солнца? Свет этот был несомненно не солнечный. Ведь вообще-то свет и теплота могут происходить не только от Солнца, а и от других причин, например, электричества, трения, разных химических соединений и пр. Недавно одному ученому, Августу де ля Риву удалось воспроизвести в своей лаборатории в малом размере все явления северного сияния. Из работ этих вытекает, что северные сияния должны были быть ничем иным, как действием нейтрализации в полярных областях двух противоположных электрических токов. Главным источником этого скопления электричества должно быть происходящее в глубине океанов соприкосновение морских вод с внутренним огнем земного шара, имеющее, главным образом, место под экватором. Образуются, таким образом, два течения, северное сияние – проявление их нейтрализации.

Если так происходит дело в современном мире, то следует представить себе эпоху, когда море отделено было от подземного огня одной лишь тонкой и хрупкой перегородкой, и когда, следовательно, сообщения между двумя элементами должны были быть гораздо более частыми и происходить в

более широких размерах, нежели теперь. Легко составить себе понятие об обильном, гораздо более значительном выделении электричества, долженствовавшем иметь место при этих условиях, а отсюда и о великолепии и частом повторении световых явлений, более или менее периодически разгонявших царствовавший на земле мрак, тем более, прибавляет названный ученый, что «эти световые явления вследствие высоты и однообразия температуры не должны были сосредоточиваться исключительно по близости полюсов, а образовывали как бы атмосферический ореол вокруг всего нашего шара». Если первобытный, несолнечный свет происходил, подобно нашему северному сиянию, от нейтрализации на всем протяжении атмосферы двух противоположных электрических течений, то этот свет должен был иметь свои моменты восхода, яркого блеска, захода и полного исчезновения. Следовательно, прежде чем Солнце поднялось и зашло на нашем горизонте, могли и должны были быть, по выражению библейского рассказа, «дни и ночи, вечера и утра». Как, спрашивается, Моисею могло быть известно то, что лишь недавно открыто наукой? – не иначе, как по откровению Божию.

По вышеприведенной научной теории следующим после появления света событием было отделение от вращающегося хаоса отдельных частей его, из которых затем появились звезды и планеты. Это соответствует второму библейскому дню творения: «*И сказал Бог: да будет твердь посреди воды, и да отделяет она воду от воды... И назвал Бог твердь небом*» (Быт.1:6,8). Что такое – библейская «твёрдь» – по-еврейски, на каком языке и была первоначально написана Библия, в этом месте стоит слово *rakiah*, которое обозначает «пространство», «протяжение». А что такое – «вода», упоминаемая в этом месте? – Это, очевидно, та «вода», о которой говорилось выше, в 2 ст. – «Дух Божий носился над водой», под которой, как мы видели, разумеется первоначальное хаотическое мировое вещество. Таким образом, по Библии представляется, что первоначальный хаос стал распадаться на части, и между ними появилось пространство, которое стало их разделять. Это

пространство Бог назвал «небом». Все это соответствует вышеприведенному научному взгляду о распаде хаоса на отдельные части и современному представлению о «небе», как беспредельном пространстве, где находятся небесные тела. Здесь под «пространством» можно разуметь также и появившуюся земную атмосферу, в которой стали подниматься от земли и носиться облака. Таким образом, под «водою» здесь можно понимать и воду в буквальном смысле, ибо под влиянием сильной первобытной теплоты происходили испарения и, таким образом, «пространство» отделяло воду, которая была в облаках, от воды, которая оставалась на земле.

Некоторых смущает употребленное здесь в славянском и русском переводах Библии слово «твёрдь», которым переведено еврейское *rakiah* и которое как бы ведет к наивному представлению о небе, как о каком-то твердом кристаллическом своде на котором укреплены светила. Но нужно обращать главное внимание не на перевод, а на первоначальный евр. текст, в котором не содержится оттенка мысли относительно «твёрдости» пространства. Однако, вместе с тем можно сказать, что элемент «твёрдости» неба, каковой оттенок мысли может давать слово «твёрдь» слав. и русск. переводов, не так далек от научной основы. Ведь современная наука признает¹², что на высоте около 60 километров от земли находится оболочка из озона равномерной твердой плотности, облагающая в виде как бы скорлупы или сферы всю Землю. Она представляет область, непроницаемую для солнечных ультрафиолетовых и, весьма возможно, звездных и других лучей, губительно действующих на организмы. «Другое действие «твёрди», – гов. В. Ильин, – это защита земной поверхности от постоянной ее бомбардировки метеоритами. Через атмосферу земли пролетает ежедневно около 100 миллионов метеоритов, а в более глубокие слои атмосферы и на землю попадает их ежедневно около 20 миллионов. Не трудно представить себе картину разрушительного действия такого каменно-металлического дождя, если бы упругость и иные свойства «твёрди» – атмосферы не служили надежным щитом против этой губительной бомбардировки». Таким

образом, второй библейский день творения согласуется с научными представлениями об образовании мира.

По вышеприведенной теории Канта-Лапласа-Фая следует, что Солнце должно было произойти после Земли, ибо, если при вращательном движении хаотической массы нашей Солнечной системы отделялись от нее части хаоса, которые в дальнейшем образовали звезды и планеты, в числе которых была и Земля, то вместе с этим отделением происходило в то же время и освобождение Солнца, как центра, ядра Солнечной системы от облегающих его покровов и, таким образом, полное его освобождение и появление его, как именно Солнца, должно было произойти после появления Земли. По Библии также говорится, что Солнце произошло после Земли, на четвертый день творения.

После описания происхождения Земли вместе с прочими небесными телами Моисей в Библии в дальнейшем сосредоточивает внимание только на Земле, на описании дальнейшего ее формирования и появления на ней жизни.

По взгляду науки, это должно было происходить так. После отделения земного вещества от общей мировой хаотической массы должно было продолжаться и постепенное охлаждение земной массы вместе с окружающими ее облаками. Вследствие этого охлаждения облегающие Землю облака стали превращаться в воду и в виде дождя падать на Землю. Здесь вся эта масса, вследствие еще разгоряченного состояния Земли, находилась в состоянии кипения. Затем, вследствие дальнейшего охлаждения, эта кипящая масса стала приходить в состояние как бы покоя и вместе с тем, так сказать, отстаиваться; более твердые элементы стали отделяться от общей массы и скопляться в определенных местах; появилась как бы некая пленка, превратившаяся затем в земную кору, которая, вследствие все еще продолжающегося разгоряченного состояния внутренней части Земли, могла по местам подниматься и опускаться; должны были появиться, таким образом, горы и долины, и находящаяся на поверхности Земли вода должна была собраться в более низком месте на земной коре; должны были, таким образом, появиться суши и

моря, реки, озера. Все это вполне соответствует сказанию Библии о первой части третьего дня творения: *и сказал Бог: да соберется вода, которая под небом, в одно место, и да явится суша* (Быт.1:9). Достойно внимания, что в 103 псалме Библии в ярких и сильных поэтических выражениях дается весьма близкая к науке картина первобытного чередования воды, суши, возникновения гор и долин: *"Бездною (т.е. первобытным океаном), как одеянием, покрыл Ты ее (Землю); на горах(т.е. будущих, а пока только поднимающихся) стоят воды. От прещения Твоего бегут они, от гласа грома Твоего быстро уходят. Восходят на горы, нисходят в долины, на место, которое Ты назначил для них»* (Пс.103:6–8).

Когда поверхность Земли стала принимать более устойчивые и определенные формы, на ней начинает появляться жизнь. Наука говорит, что жизнь должна была появляться постепенно, начиная от самых простых форм и кончая самыми сложными органическими существами, каков человек. Самыми простыми видами органической жизни на Земле являются растения; поэтому они должны были появиться на Земле раньше всего. Прежде всего должны были появиться самые нижние и простые виды растительной жизни – мхи, лишай, водоросли, не имеющие ни цветов, ни плодов; затем должны были произрасти травы, имеющие семена; и, наконец, должны были появиться деревья, имеющие плоды. Такая последовательность появления растений обнаруживается при раскопках в пластах земной коры. Наблюдения показывают, что в самых низших слоях земли заключены простейшие растения; потом организация их усложняется: являются травы и даже кустарники; наконец, в позднейшей, каменоугольной почве встречаются древовидные папоротники. Все эти данные науки совершенно сходятся с библейским описанием творения Божия во вторую часть третьего дня: *«И сказал Бог: да произрастит земля зелень, траву сеющую семя, дерево плодовитое, приносящее по роду своему плод, в котором семя его на земле. И стало так»* (Быт.1:11). Таким образом, библейский третий день творения вполне совпадает с научными положениями.

Этот растительный мир с появлением затем Солнца (по указанию Библии на четвертый день творения) должен был увеличиться; и он, действительно, явился во всем своем обилии и роскоши. Наука говорит, что при новых условиях, когда атмосфера, благодаря растениям, очистилась от обильной доселе угольной кислоты, температура сделалась умеренной, Солнце стало проливать свой благотворный свет и обильная растительность могла явиться пищей для новых организмов, — должны были появиться и более сложные жизненные организмы, которые, питаясь растениями и соединяя таким образом в себе их органическую жизнь, имели бы в себе и высшую способность чувствования и произвольного движения, иначе сказать, должны были появиться организмы животных. Наука полагает, что появление и животных организмов должно было происходить постепенно, начиная с низших, что и подтверждается раскопками древних пластов земли. В то время как в древнейших каменноугольных пластах мы имеем дело с растительными остатками и притом пережитого особенного типа, в следующих пластах есть уже пресмыкающиеся, а в пластах еще более поздних — остатки крупных пресмыкающихся и рыб. В пластах этого же периода встречаются следы ног весьма больших птиц, принадлежащих к породе страусов; в следующих пластах находили уже кости болотных птиц; а в последующих меловых пластах остатки птиц вообще. Таким образом, данные науки говорят, что животные организмы появлялись в последовательности, сначала пресмыкающиеся, затем рыбы и потом птицы. Библия в описании пятого дня творения говорит: «И сказал Бог: да произведет вода пресмыкающиеся, душу живую; и птицы да полетят над землею, по тверди небесной. И сотворил Бог рыб больших и всякую душу животных пресмыкающихся, которых произвела вода, по роду их, и всякую птицу пернатую по роду ее» (Быт.1:20,21). Как видим, и по Библии устанавливается та же последовательность: пресмыкающиеся, рыбы и птицы. Таким образом, и пятый библейский день творения совпадает с научными данными.

Постепенность в развитии животного мира должна была продолжаться и дальше, должны были появиться самые сложные животные организмы – появились четвероногие млекопитающие животные и, наконец, человек, как самый совершенный вид жизни на земле. Это подтверждает и Библия, описывая шестой день творения: «И сказал Бог: да произведет земля душу живую по роду ее, скотов, и гадов, и зверей земных по роду их. И стало так... И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его, мужчину и женщину сотворил их». (Быт1:24,27). Таким образом, и в описании происхождения последних, самых сложных и совершенных видов жизни на земле наука и Библия согласуются между собою.

Некоторые представители науки восстают против определения Библией продолжительности творения мира в течение шести дней и утверждают, что образование и формирование мира происходило в течение многих миллионов лет. По этому вопросу нужно внимательно всмотреться в показания Библии и науки. В Библии при обозначении «дней» творения употребляется еврейское слово ют. Это слово означает не только «день», но и «час», «година» и вообще «период времени» без обозначения его продолжительности. Так, например, в книге Бытия (Быт.2:4) говорится: «в оньже день сотвори Господь Бог небо и землю». Здесь все время творения, разделенное на шесть дней, изображается как один день; посему русский текст в данном месте нашел возможным слово ют перевести словом «время». Также и «день Господень», как говорится о нем у пророков (Иер.46:10; Иоил.2:11,31; Соф.1:7,9,14), или в Новом Завете (Ин.8:56; 2Кор.6:2), обозначает неопределенный период времени, отличный от нашего астрономического дня. «Седьмой» день Библии, в который Бог почил от дел творения, продолжается и доселе¹³.

Наука требует многомиллионолетних периодов времени для сотворения мира на том основании, что по существующим и действующим ныне законам жизни Земли формирование пластов земли и перемены форм и видов жизни на Земле

совершаются в очень продолжительные периоды времени. Если принимать «день» или сутки как 24-часовой период времени, определяемый положением Солнца по отношению к Земле и вращением Земли вокруг своей оси, то могут быть некоторые данные, с одной стороны, против применения такого периода времени при сотворении мира. Так, первые три «дня» творения мира были несомненно не солнечного происхождения, ибо Солнце засияло для Земли только в четвертый «день» творения, и потому совершенно ничего нельзя сказать, какой продолжительности были эти первые три «дня». Даже с появлением Солнца мы не знаем, какой продолжительности было вращение тогдашней Земли вокруг своей оси. Если признать свидетельство вышеназванного ученого Фая, что вращение первых миров вокруг своей оси было очень медленно, то нужно признать, что и первобытные дни могли быть очень длительны. Даже и теперь, на самой нашей Земле в разных ее местах продолжительность дня и ночи бывает различна; на полюсах, например, день и ночь продолжаются беспрерывно по несколько месяцев. С другой стороны, нельзя отрицать, что «дни» творения мира могли быть и короткими периодами времени. Ведь всемогуществу Бога нельзя положить никакого предела; Бог мог ускорить процессы формирования мира до очень кратких периодов времени. Если о продолжительности процессов мирообразования судить по действиям современных мировых законов и сил, то вначале, при образовании мира, могли действовать и другие законы и условия. «Движение в небесных пространствах осуществляется в таких размерах, и массы материи нагромождены в таких количествах, при таких температурах и давлениях, процессы делятся такое время, что для всего этого часто не может быть никакой аналогии в наших теперешних условиях» (В. Ильин, 75 стр.). При той напряженности всех процессов, какая должна была быть во время сотворения мира, при страшной интенсивности температуры и т.д., могло быть достаточно гораздо менее продолжительное время для формирования мира, чем миллионы лет. Ведь и теперь мы можем наблюдать ускорение разных процессов. Например, процесс передачи

сообщений и известий с одного конца земли до другого. В древнее время для этого требовались целые месяцы, быть может, годы; теперь же все известия по радио становятся известными во всех концах земли сразу же в момент их сообщения. В наших физических и химических лабораториях удается быстро воспроизвести различные физические и химически явления, для появления которых в природе требуется гораздо более продолжительное время. В химических опытах, например, удается вырастить растения в несколько минут. Если же мы на наших опытах можем видеть ускорение процессов, даже и в очень больших размерах, совершающееся вмешательством нашего ограниченного человеческого духа, то разве можно поставить границы этому «ускорению», насколько оно зависит от всемогущей силы Божией⁵. И потому вполне возможно представить без насилия над мыслью, что творческой волей Божией процессы творения и формирования мира могли быть ускорены до пределов одного дня.

Таким образом, «дни» творения мира могли быть продолжительными, могли быть короткими и очень короткими передами времени. Наука не в состоянии определить продолжительность этих «дней» Божией недели; не указала этого и Библия.

Этот вопрос о продолжительности дней творения тем более неясен, что, по заключению самой науки, время и пространство есть только личная, присущая только духу человеческому, форма восприятия и постижения внешних предметов; вне человека времени и пространства нет (В. Ильин, 20 стр.). Ту же мысль выражает и блаж. Августин в «Summ Theolog. и Civ. Dei»: «Время» в сущности наша «выдумка», наш призрак. Ускорить жизненные процессы – процесс горения в организме, – и человек будет расти и жить впятеро, вдесятеро быстрее; в год переживет то, на что теперь нужно десять лет... Пока не было человека на земле, не было и его вычисления времени». В 89 псалме автор его, бытописатель Моисей, касаясь исчисления времени, говорит: «пред очами Божиими тысяча лет, как день вчерашний, когда он прошел, и как стража в夜里» (Пс.89:5), т.е. пред Богом тысяча лет то же, что один день, даже короче,

как «стража в ночи», т.е. промежуток времени в 3 часа. Таким образом, вопрос о продолжительности дней творения выходит за пределы нашего понимания.

В связи с вопросом о продолжительности творения мира следует упомянуть несколько и о существующем у нас летосчислении: «от сотворения мира», по которому до нынешнего времени прошло около семи с половиной тысяч лет (5508 лет от сотворения мира до Христа, и затем от Рождества Христова доныне 1939 лет). Если точнее сказать, то это нужно считать не от сотворения вообще мира, а от появления человека на земле; остальные периоды мирообразования здесь не затрагиваются. Начальные же годы этого летосчисления исчисляются по времени жизни первых людей, обозначенному в Библии.

Мы приводили научные попытки объяснить происхождение мира; из многочисленных научных предположений мы взяли самые устойчивые и разработанные воззрения. Но если остановиться только на них, не принимая во внимание данных Библии, то перед нами встает много неясностей, трудных и неразрешимых вопросов. Так, например, как мы видели, по мнению науки все произошло из первобытного хаоса. Но откуда произошел самый хаос? Для человеческого ума этот вопрос неразрешим. И только Библия разрешает его удовлетворительным образом, указывая, что первобытное вещество или этот хаос вызван к существованию живой самобытной, существовавшей от вечности Личностью, Богом, вызван из небытия, сотворен из ничего; «Бог сотворил все из ничего» (2Мак.7:28). В библейском выражении «*В начале сотворил Бог небо и землю*» (Быт.1:1) словом «создал» переведено еврейское слово «*bara*», что точнее обозначает именно создание чего-либо из ничего. В дальнейшем описании творения мира еврейский текст употребляет и другое слово «*aṣa*», которое обозначает творение, точнее формирование чего-либо уже из готового материала, например, в повествовании о создании тверди (Быт.1:7), светил небесных (Быт.1:16) и др.

Далее в науке говорится, что первобытный хаос, пребывавший в покое, вдруг пришел в движение, подобное вращению шара вокруг своей оси. Кто же привел в движение спокойный доселе хаос? Откуда получился толчок для этого движения? Для науки этот вопрос опять совершенно неразрешим. Библия же указывает, что первобытное вещество приведено в движение всемогущим Богом: «И сказал Бог: да будет»...

Неразрешимую для науки загадку представляет и вопрос о происхождении жизни на земле, о появлении живых организмов среди существовавшей доселе неорганической, мертвей материи. Еще в недавнее время в науке существовало учение о самозарождении, т.е. о том, что жизнь на земле создана силами самой неодушевленной природы, сама зародилась из неорганической материи. В последнее время виднейшими учеными доказана несостоятельность этого учения; теперь наука утверждает, что жизнь на земле могла произойти только от жизни, от живого источника. Но откуда же мог явиться этот живой источник жизни, если на земле первоначально существовала только неорганическая, мертвая материя? Наука сама по себе бессильна решить этот вопрос. Между тем Библия удачно разрешает этот вопрос о происхождении жизни, объединяя обе вышеупомянутые теории. По Библии источником всего вообще сотворенного является Бог («сотворил Бог небо и землю»); в частности, одушевляющая сила на земле – души животных и человека произошли непосредственно от Бога, почему при описании сотворения их употреблено вышеуказанное еврейское слово «*bara*» (Быт.1:21, Быт1:27), указывающее, что в данном случае творение душ произошло не из существующего уже материала, а из ничего, т.е. непосредственно от Бога. Но вместе с тем Библия повествует: «*И сказал Бог: да произрастит земля зелень... и произвела земля зелень...* И сказал Бог: да произведет вода пресмыкающихся, душу живую...*И сказал Бог: да произведет земля душу живую... скотов, и гадов, и зверей земных*» (Быт.1:11,12,20,24). Из этих слов Библии явствует, что и земля,

и вода по велению Божию участвуют в какой-то неведомой степени в произведении живых организмов на земле.

Таким образом, если оставаться только при научных попытках объяснения происхождения мира и земли, то приходится сталкиваться с рядом неразрешимых вопросов, притом в важнейших областях мировоззрения. Правда, космогония, т.е. наука о происхождении мира вообще, и геология, т.е. наука о жизни земли в частности – науки молодые и недавние, хотя и успевшие достичь серьезных результатов, имеющие в будущем добиться, быть может, многих достижений. Но едва ли они решат удовлетворительно главнейшие вопросы мицбытия, ибо эти вопросы, например, о пространстве, времени, начале всего и др., выходят уже за рамки человеческого понимания; «Есть, – говорит В. Ильин, – ряд основных вопросов и загадок строения нашего мира, по отношению к которым не только существующие научные теории безнадежны, но есть много оснований полагать, что для того типа ума, который свойственен современному человеку, такие задачи абсолютно не под силу» (В.Ильин, 107 стр.). И только нужно благодарить Господа, что Он Сам открыл человеку о происхождении мира и земли с ее жизнью.

Происхождение человека

О происхождении человека в Библии говорится так: «*И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему, по подобию Нашему; и да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над скотом, и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле. И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его, мужчину и женщину сотворил их»* (Быт.1:26–27). «*И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лицо его дыхание жизни, и стал человек душой живою. И насадил Господь Бог рай в Едеме на востоке, и поместил там человека, которого создал. И произрастил Господь Бог из земли всякое дерево... и дерево жизни посреди рая, и дерево познания добра и зла... И взял Господь Бог человека, и поселил его в саду Едемском, чтобы возделывать его и хранить его. И заповедал Господь Бог человеку, говоря: от всякого дерева в саду ты будешь есть, а от дерева познания добра и зла не ешь от него, ибо в день, в которой ты вкусишь от него, смертью умрешь. И сказал Господь Бог: не хорошо быть человеку одному; сотворим ему помощника, соответственного ему... И навел Господь Бог на человека крепкий сон; и, когда он уснул, взял одно из ребер его и закрыл то место плотью. И создал Господь Бог из ребра, взятого у человека, жену и привел ее к человеку. И сказал человек: это кость от костей моих и плоть от плоти моей; она будет называться женою, ибо взята от мужа... И были оба наги, Адам и жена его, и не стыдились» (Быт.2:7–9,15–18,21–23, 25).*

Таким образом, Бог сотворил человека не так, как сотворены были остальные создания, не только словом, а сопровождал некоторыми особыми действиями, имел предварительный совет¹⁴ о создании человека; из земли создал телесный организм, в который вдунул дыхание жизни, душу, затем, во время глубокого сна, в который Адам погрузился по воле Божией, Господь из ребра Адамова сотворил ему помощницу жену. Эти человекообразные действия Бога нужно

понимать, конечно, не буквально; они показывают особенное внимание и попечение Бога о человеке, выделяющее и возвышающее человека над прочими земными созданиями.

Библейское сказание о сотворении человека является не вымыслом или мифом, а повествует о удивительном историческом событии. Это видно уже из его простоты и подробности. Кроме того, исторический характер этого сказания подтвердил и Спаситель, говоря: «*В начале создания Бог мужчину и женщину сотворил их*» (Мк.10:6), апостол Павел говорит также: «*Прежде создан Адам, потом Ева*» (1Тим.2:13). С повествованием Библии о сотворении человека сходны и древние предания разных народов, как восточных, так и западных. У индейцев Ведь говорится, что первый человек почувствовал неудовольствие быть одному и сам распался на две половины, мужа и жену. У китайцев сохранилась мысль, что человек образован из земли, после всех тварей. Гренландцы верили, что первый человек произошел из земли, и из него образовалась жена. Даже у американских народов сохранились предания о происхождении человека, близкие к библейским. Так, по сказаниям дикарей Оренокских в Южной Америке Творец сперва создал мужа и, когда тот заснул, взял одно из его ребер и образовал жену¹⁵. Базельский миссионер из уст верховного жреца Аррева на островах Товарищества слышал такое предание: Богу, Творцу всяческих, сотворившему человека из земли и назвавшему его Тани, пришла мысль, что человек будет жалким созданием, когда останется один; и потому Он решил создать ему помощницу, сделал отверстие в его боку и вынул кое-что, из чего образовалась жена, которая и представлена была к Тани¹⁶. То же слышал Эллис на острове Тагетти, одном из островов Товарищества, с добавлением того, что человек создан из красной земли, что на него наводимо было усыпление, во время которого взято было ребро и создана жена Ivi¹⁷. В Новой Зеландии Николас нашел такое сказание: «Верховный Бог, утвердивший страну, сотворили человека и взяли жену из ребра и назвали ее Гевах¹⁸. Эти древнейшие предания различных народов являются в известной степени

подтверждением историчности библейского повествования о происхождении человека.

Состав человека

По библейскому Моисееву сказанию человек создан из тела и души. Эта же мысль выражается и в других священных книгах, так Екклесиаст говорит: «*Возвратится прах в землю, чем он и был, а дух возвратится к Богу, Который дал его*» (Еккл.12:7); а Спаситель говорит: «*Не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить*» (Мф. 10:28). Душа человека, по изображению Священного Писания, есть существо личное (Деян.7:59), которое мыслит, чувствует и желает (1Кор.2:11; Флп.1:27), существо духовное (1Пет.3:19,20), свободное (Ис.1:19–20; Мф.19:17; 1Фес.5:21), бессмертное (Ин.12:25; 2Кор.5:1), которое по свойствам своим противоположно веществу (Мф.10:28). Апостол Павел в двух случаях (1Фес.5:23; Евр.4:12), по-видимому, различает в человеке дух, душу и тело; но душой и духом означаются у него не две части человеческого состава, а две стороны жизни душевной. Под душой и в некоторых других местах Писания (1Фес.2:8; Рим.16:4; Лк.6:9) разумеется только низшая сторона душевного организма, которой человек отличается от неодушевленной природы, и которая обща у него с животными; духом же называется та сторона души человека, которой он возвышается над животными. Ведь и животные имеют некоторую свою «душу», ибо, по Библии, Господь при сотворении пресмыкающихся говорил: «*Да произведет вода пресмыкающихся, душу живую... и сотворил Бог всякую душу животных пресмыкающихся*»; а о творениях шестого дня Господь говорит: «*Да произведет земля душу живую... скотов, и гадов, и зверей земных*» (Быт.1:20,21; Быт.1:24). Нужно обратить внимание, что ведь и животные, особенно четвероногие, умеют мыслить до известной степени логически, обнаруживают чувства любви, привязанности, исполнения своего долга; но все это проявляется в весьма малой степени и достигается путем продолжительным приучения. В человеке это является низшими его душевными способностями. Но у человека есть и высшие способности, которых нет у животных, именно: самосознание,

членораздельная речь, религиозно-нравственное чувство, чувство красоты и способность к бесконечному развитию и самосовершенствованию. Эти способности относятся к духу человека.

Создавая человека, Господь выделил его среди других Своих творений и почтил его особым достоинством, именно, сотворил человека по образу Своему и по подобию (Быт.1:26). В чем же состоит образ Божий и подобие в человеке? Так как Бог есть дух, то образ и подобие Его должно находить в душе человека. «Образ» Божий это – все способности души человека, которые отображают собой ответственные свойства Божия. Так: Бог вечен – душа человека бессмертна; Бог всемогущ – человек умственными и нравственными силами своими может совершить очень многое; Бог вседесущ – и полета человеческой мысли с порывами чувствования нельзя ограничить лишь местом пребывания мыслящего человека; Бог всеблаг – и человек, по любви к долгу и делу, может отдаваться им до самопожертвования; Бог неизменяем – и человек, если захочет, может держаться раз навсегда намеченного, несмотря на перемену условий и возможные препятствия на этом деловом пути; Бог вседоволен и всеблажен – и человек, если только душевные силы его свободны и не повреждены чем-либо плотским и житейским, может быть доволен любым положением в государстве, обществе и частной жизни при различных житейских условиях; Бог свободен – и человек до известной степени свободен. Только человек из всего мира животных может мыслить отвлеченно и независимо от всего того, что в данную минуту может действовать на него через органы внешних чувств и внутренних сил. Лишь человеку присуща совесть (этот, по народному выражению, голос Божий в душе человека) и способность нравственной оценки своего поведения. Отображение троичности Лиц Божества находят в троичности главных сил человеческой души – ума, воли и чувства, которые, хотя и различны между собою, но действуют всегда сообща, взаимно друг друга проникая, и являются собой одну душу.

Под «подобием» Божиим в человеке разумеется развитие человеком данных ему способностей. Это развитие должно состоять в возможно большем приближении духа человека к Богу, или в святости, подобно тому, как всякая картина или копия стремится возможно ближе соответствовать своему первообразу или оригиналу, возможно точнее отображать его. Эту цель указал человеку Сам Спаситель, сказав: «Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» (Мф.5:48). Это «уподобление» Богу, следовательно, должно быть беспредельным, ибо Господь в своих совершенствах беспределен.

Рассматривая другие черты, коими Моисей и другие священные писатели описывают качества первого человека, мы находим, что первый человек и сам по себе – по душе и по телу, и в отношении к видимой природе, был высок. Ясность и чистоту ума первого человека можно видеть, во-первых, из того, что Адам дал имена всем животным. Об этом в Библии повествуется так. «Господь Бог образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных, и привел к человеку, чтобы видеть, как он назовет их, и чтобы, как наречет человек всякую душу живую, так и было ей имя. И нарек человек имена всем скотам и птицам небесным и всем зверям полевым» (Быт.2:19,20). Дать имя чему-либо означает обозначить главные свойства предмета, отличающие его от других предметов. Для этого первому человеку надлежало бы рассмотреть природу животных с их свойствами, а также и найти названия, которые соответствовали бы представлениям о том или другом предмете; следовательно, нужна была известная умственная работа. Между тем Господь Сам поручил Адаму дать имена творениям видимым, и Адам делает это сразу же, при одном взгляде на предметы, а Бог как бы одобряет имена, данные Адамом. Все это говорит о мудрости первого человека. «Сам Пифагор, – пишет блаж. Августин, – сказал, что тот был самый умный человек, который первый дал имена вещам»¹⁹. Во-вторых, мудрость первого человека видна из того, что он сразу же понял происхождение своей жены. Как сказано в Библии, Адам погружен был в глубокое усыпление, когда совершалось

создание жены; но лишь только увидел ее после пробуждения, познал ее происхождение, что она есть кость от костей его и плоть от плоти его (Быт.2:23). Как узнал Адам о происхождении жены? Так как Моисей не говорит, что это было по вдохновению, – то остается принять, что Адам при первом взгляде на жену, поняв одинаковость организма ее с своим собственным, отсюда заключил о ее происхождении, тем более, что любовь к помощнице утверждала его в том же. При этом событии первый человек возвысился до состояния почти пророческого, когда он, познав жену свою, установил закон брака, сказав: «*Оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей, и будут одна плоть*» (Быт.2:24). Наконец, Адам и после своего падения мог различать голос Бога, призывающего его (Быт.3:8–19); очевидно до падения своего первый человек еще яснее мог слышать голос Господа и знать его. Впрочем, мудрость Адама не была какою-то всесовершенною: ум первого человека все-таки был ограниченным; он не мог постигать и проникать всего разом, а должен был постепенно развиваться и совершаться. Священное Писание не только нигде не называет Адама совершенным мудрецом, но говорит, что змий хитростью обольстил ум Евы, а за ней соблазнился и Адам (Быт.3), следовательно, ум их не был всесовершенным.

Особенностью состояния первых людей в отношении их чувств было то, что они «*оба были наги и не стыдились*» (Быт.2:25). Отсутствие стыдливости есть верх бесстрастия, как говорит св. Иоанн Дамаскин²⁰. Стыд есть ощущение замечаемого нами недостатка нашего несовершенства, особенно же замечаемой беспорядочности чувственной, как оскорбительной для духа. Поэтому, когда в первых людях не было недостатков, они не стыдились один другого. Состояние их чувств было состоянием мира и покоя в отношении ко всякой неприятности, а в отношении к благам, которыми они щедро были наделены, было состоянием благодарной радости.

В отношении своей воли первый человек был создан чистым, невинным, безгрешным; «*Бог сотворил человека правым*» (Еккл.7:29). Но и правоты первых людей не должно понимать так, будто они с самого начала обладали всеми

добродетелями и им нечего было усовершаться; нет, Адам и Ева, хотя вышли из рук Творца совершенно чистыми и безгрешными, но им еще надлежало утверждаться в добре и усовершаться, при помощи Божией, посредством собственной деятельности.

Первый человек вышел из рук Творца своего совершенным и по телу. Как создание бесконечно премудрого Бога, тело человека при своем изумительном устройстве, которое сохраняет и доныне, без сомнения, не получило от Творца никаких недостатков, – ни внутренних, ни внешних и обладало силами свежими и неиспорченными, не имея в себе ни малейшего расстройства, и, следовательно, было совершенно свободно от всяких болезней и страданий. Оно не имело нужды в одежде (Быт.2:25), хотя имело нужду в пище (Быт.1:29); как взятое от земли, должно было испытать перемену при переходе на небо; но это изменение, при крепости духа, не могло быть болезненным; организм потерпел бы только легкое изменение.

Отношение первосозданного человека к природе видимой выражено в самом определении Божием, произнесенном при создании человека: «*обладайте ею (землею) и владычествуйте над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над всяким животным, пресмыкающимся по земле*» (Быт.1:28). Таким образом, человек был назначен властителем над землей и созданными на ней творениями.

Заботы Бога о первом человеке

Но как ни велики и совершенны были естественные силы первого человека, он, будучи существом ограниченным, – нуждался и тогда, подобно всем существам сотворенным, в постоянном для себя подкреплении от Бога. Священное Писание, не показывая, как долго первосозданный человек оставался в том состоянии, в каком он был создан, дает однако же видеть, что бесконечно благий Творец явил Свою непосредственную помощь и содействие первозданному человеку к достижению целей его существования. Так, для раскрытия умственных способностей человека и особенно для наставления его в истинах веры Бог удостаивал его непосредственных Своих откровений и с этой целью являлся первым людям Сам, беседовал с ними, открывал им Свою волю, как видно из сказания Моисея (Быт.2) и как свидетельствует сын Сирахов – Господь исполнил их (первых людей) проницательностью разума и показал им добро и зло;.. приложил им знание и дал им в наследство закон жизни; вечный завет поставил с ними и показал им суды Свои (Сир.17:6,9,10). Таким образом, Бог Сам был для наших прародителей первым наставником и учителем.

Для утверждения воли первозданного человека в добре Бог с самого начала даровал ему Свою благодать. Необходимость благодати для первозданного человека обусловливалась свойствами его ограниченной свободы, которая равно способна избирать добро и зло, и чтобы избирать и творить добро, нуждается в содействии благодати.

Особенным образом любовь и заботы Бога о человеке появились в том, что Бог Сам насадил в жилище человеку рай в Едеме на востоке, и поместил там человека, которого создал (Быт.2:8). Рай, как описывает его Моисей, был прекрасный сад, изобиловавший плодами приятными на вид и хорошими в пищу. «Жизнь райская доставляла человеку полное наслаждение, сообщая и удовольствие от созерцания красот, и приятность от вкушения плодов»²¹. Так как человек создан из тела и души, то

и рай, надо полагать, был вещественным и вместе духовным: «телом человек водворялся в священной и прекрасной стране, а душою жил несравненно в высшем и прекраснейшем месте, где имел своим домом и светлым одеянием Бога»²². Исторический характер известия о рае виден уже из того, что указывается географическая местность рая, в верховьях четырех рек – Тигра, Евфрата, Гихона и Фисона (Быт.2:10–14); из них –Тигр и Евфрат известны поныне, Гихон и Фисон неизвестны; быть может, они с течением времени получили другие наименования, или же, вследствие землетрясений и других катастрофических причин, могли прекратить свое существование.

Взял Господь Бог человека и поселил его в саду Едемском, чтобы возделывать его и хранить его (Быт.2:15). Господь повелевал возделывать рай для того, чтобы первосозданный человек, упражняя свои силы телесные, через ознакомления с природой раскрывал в себе силы разума, укрепляясь в смиренном чувстве происхождения своего из земли и служил бы Богу трудами рук своих. Вместе с тем Бог определяет человеку хранить рай, конечно, сколько от злоупотребления, какое мог сделать из лучшего дара Божия сам человек, столько от наветов того злого духа, который готов был сделаться губителем человека. Таким образом, Господь при самом появлении человека на земле определяет ему труд, постановляет закон труда и для безгрешного человека. Но этот труд был для первосозданного человека не трудным и изнурительным, а легким и приятным, как бы отдыхом, подобно тому, как для нас бывает отдыхом и приятным занятием чтение какой-либо очень интересной книги.

Для постоянного подкрепления и освежения телесных сил первосозданного человека, для поддержания жизни его навсегда Бог «произрастил из земли дерево жизни посреди рая» (Быт.2:9), питаясь плодами которого, человек и телом был бы безболезнен и бессмертен. Посему Премудрый свидетельствует, что *Бог не сотворил смерти*(Прем.1:13), что Он *создал человека для нетления* (Прем.2:23), а апостол Павел говорит: «Как одним человеком грех вошел в мир, и грехом смерть, так

и смерть перешла во всех человеков, потому что в нем все согрешили» (Рим.5:12) Равным образом и Святые Отцы Церкви единогласно учат, что человек создан был для бессмертия. Но вместе с тем из Священного Писания видно, что это бессмертие человека по телу зависело не от свойств самого тела его, созданного из земли, а от Божественной благодати, и орудием этой благодати было наследованное в раю дерево жизни; так, после падения Адама в грех Господь говорит: «теперь как бы не простер он руки своей и не взял также от дерева жизни, и не вкусили и не стал жить вечно» (Быт.3:22). Древние учителя Церкви также разумели под бессмертием Адама по телу не то, будто он *не мог умереть* по самому свойству своей телесной природы, а то, что он только *предназначен был для бессмертия*, что он *мог не умирать* по особенной благодати Божией, если бы оставался верным Богу, в награду за свою покорность, и что проводником этой благодатной силы Божией служило в раю дерево жизни.

Первая заповедь человеку

Господь насадил посреди рая еще другое дерево – дерево познания добра и зла. И заповедал Господь Бог человеку, говоря: *от всякого дерева в саду ты будешь есть, а от дерева познания добра и зла, не ешь от него, ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь* (Быт.2:16,17). Для чего была дана человеку такая заповедь? Она нужна была для развития и укрепления в добре воли первого человека. Хотя он получил от Бога нравственные силы и сотворен добрым по природе, но ему самому еще надлежало развивать и укреплять эти силы при помощи Божией; ему надлежало сделаться добрым свободно. Но свобода человеческая укрепляется путем борьбы человека с какими-либо препятствиям (например, какое-либо запрещение) и утверждается в чем-либо не иначе, как действуя очень долго по одному определенному правилу, пока не приобретет глубокого навыка в избранном ею роде деятельности.

Первый человек имел нужду в заповеди внешней, положительной; ибо, хотя в совести человека находился весь закон нравственный, но известно, что в своей жизни мы не иначе можем исполнять его, как если представляются к тому частные случаи и указываются определенные предметы, к которым можно приложить общее требование этого закона. Вот такой случай и предмет и указан был первым людям в данной им от Бога заповеди.

Человек имел нужду в заповеди и для того, чтобы через свободное исполнение ее, некоторым образом, заслужить те блага, какими он пользовался и имел еще пользоваться (что мы получаем даром, то обыкновенно мало ценим), а также, чтобы, обладая столь великими благами без всяких усилий и трудов, без искушения и испытания, человек не возмечтал бы о себе высоко, не пал бы гордостью.

Хотя заповедь, данная первому человеку, была частная, т.е. касалась частного случая и потому с первого взгляда может представляться не очень важной, тем не менее она заключала в

себе весь закон нравственный, заключающийся в том, чтобы точно была исполнена воля Божия, ибо воля Божия есть закон, норма жизни всего мира, до мельчайших ее подробностей и отступление от воли Божией, хотя бы малейшее, есть уже отступление от нормы, закона, есть уже неправильность, нечистота. Если, например, в чистую жидкость попадет какая-либо, хотя бы малейшая, нечистота, эта жидкость перестает уже быть чистой, поверхностный, невнимательный взор, пожалуй, не найдет ее нечистой, но острое зрение и опытный взгляд сразу же определят ее нечистоту. Так под всепроникающим взором Божиим малейший грех человека делает его душу уже нечистой; отсюда ясны и понятны слова Спасителя: «*Кто нарушит одну из заповедей сих малейших и научит так людей, тот малейшим наречется в Царстве Небесном*» (Мф.5:19) Таким образом, как ни мала казалась первая заповедь Бога человеку, в ней заключался весь закон Божий для человека.

Милосердый Господь дал первому человеку заповедь весьма легкую, приспособительно к воле человека, которая естественно сначала должна была приучаться исполнять более легкое, а потом уже переходить постепенно к более трудному. Господь не обременяет человека множеством предписаний, определяющих разные частные случаи жизни, а дает одно нетрудное для исполнения повеление, облегчая этим нравственную деятельность человека до последней возможности. Вместе с тем Господь ограждает заповедь страшною угрозою за нарушение ее, с тою целью, чтобы если в минуты искушения человека поколеблются в нем любовь и благодарность к Творцу, то, по крайней мере, страх удержал бы его от нарушения Божией заповеди и послужил бы ему во спасение.

Что касается до самого дерева познания добра и зла, то оно, надо полагать, не было гибельно и ядоносно по самой своей природе, ибо оно, как и все вообще сотворенное Богом, было хорошо весьма (Быт.1:31), и Господь не создавал чего-либо злого и вредного; а оно избрано Богом только в орудие для испытания человека. Это дерево названо деревом познания добра и зла не потому, будто бы оно имело силу сообщить

первому человеку познание о добре и зле, которого прежде он не имел, а потому, что через вкушение от запрещенного дереза он опытно имел познать и познал все различие между добром и злом, «между добром, – замечает блаж. Августин, – от которого отпал, и злом, в которое впал»²³.

Описывая состояние первых людей в раю, блаж. Августин говорит: «Человек жил в раю, как хотел, пока он хотел того, что угодно Богу; он жил в наслаждении Богом, и чрез Него, это высочайшее благо, был сам благим; он жил, не зная лишений, и в его возможности было жить так постоянно. В его организме не было никакой порчи; его чувства не ощущали телесной болезни, тело его обладало полнейшим здоровьем, в душе его обитал совершенный покой. В нем не было печали, но не было также и суетной заботы, его радость всегда исходила от Бога, любовь к Которому пылала в его чистом сердце и доброй совести. Первобытные люди угождали Богу, а Бог делал, что угодно было им, и хотя они носили чувственное тело, однако же оно не чувствовало никакого движения, которое выходило бы из-под их власти, потому что порядок праведности производил в них то, что тело их подчинялось душе, как она сама состояла всегда в полной преданности Богу, своему Господу, и таким образом оно выполняло свое служение без всякого сопротивления. Вот почему люди были наги и не стыдились»²⁴.

Предания о счастливой жизни первобытных людей сохранились у различных народов в их древних сказаниях о «золотом веке», давно прожитом. Так, в китайской книге (king) читаем такое изображение золотого века: «Во время первого неба чистое удовольствие и мир везде царствовали; не было ни труда, ни наказаний, ни болезней, ни преступлений; все на земле повиновалось воле человека». Райская гора китайцев лежит на Куень-Люнь и на горном хребте Тиншана; на средине горы находится сад, в котором течет источник бессмертия; кто из него пьет, тот не умирает. Он разделяется на четыре реки. Из этого сада произошла жизнь²⁵. Греческий философ Платон говорит о праотцах рода человеческого, что «Бог был их стражем; они имели обилие плодов, получаемых ими от деревьев и других растений, не чрез возделывание полей, но

земля сама предлагала им их. Нагие и без ложа, жили они, большою частью, под открытым небом, потому что благородственность годовых времен не причиняла им никакого недуга, а роскошная трава, возникавшая из земли, предлагала им мягкое ложе». «Между животными, – замечает он, – прежде не было ни дикости, ни пожирания друг друга; войны и раздоры вовсе не были известны в то время, и много другого замечательного можно было бы привести из этого порядка вещей»²⁶. Другой греческий философ Дионисий говорил: «Те древние и близкие к богам люди были с самою лучшею природой и вели жизнь блаженную; потому-то и называется их время золотым веком»²⁷. В ламайской религии учат о веке блаженства, когда человек наслаждался плодами божественного дерева²⁸. Предание индийцев говорит о райской горе Меру, т.е. средине. Она, по их словам, украшена прекрасными деревьями, светлыми ручьями и оглашается со всех сторон пением птиц; отсюда изливаются четыре потока на четыре стороны неба, на вершине ее находится жилище Шивы и Индры, у которого обитают святые; здесь растет дерево бессмертия²⁹. У персов сохранилось предание о золотом веке, «когда земля была еще чужда всякого зла, когда не было ни холода, ни зноя, ни тьмы, ни смерти, когда существовал парадиз (рай), который древние персы полагали между Араксом и Каспийским морем»³⁰. О золотом веке сохранилось предание римлян у Вергилия, Овидия, Лукреция и др. Все эти древние предания различных народов свидетельствуют несомненно об историческом характере библейского сказания о счастливой жизни первобытных людей в раю.

Почему и для чего Бог создал мир?

Так как Господь один, все Собою наполняет и бесконечен, то побуждения к сотворению мира находятся только в самом Боге и ни в чем ином. Побуждением к сотворению мира была любовь Божия. Ведь и в обыкновенной нашей жизни, если нам нравится какая-либо вещь, если мы что-либо любим, то мы стараемся, чтобы любимый предмет существовал около нас или вообще стремимся дать ему бытие. Чего мы не любим, то стараемся или уничтожить, или, по крайней мере, удалить от себя. Сатана, вообще не любящий ничего, не создал бы мира, или уже созданный уничтожил бы, если бы ему дана была власть над миром. Только Господь, от вечности имевший мысль создать мир и любивший его, по Своей любви дал бытие миру. Св. Григорий Богослов говорит: «Так как Божественной благости не довольно было быть блаженной только в себе, а надлежало, чтобы благо разливалось, шло далее и далее, чтобы число облагодетельствованных было как можно большее (ибо сие свойственно высочайшей благости), то Бог измыслил, во-первых, ангельские и небесные силы, а затем и остальной мир, – и мысль стала делом» (слово 45).

Для чего же Господь создал мир? – для счастья и блаженства этого мира. Ведь жизнь вообще есть счастье. Человек всемерно стремится сохранить свою жизнь, часто даже полусознательно и инстинктивно, стремясь иметь пищу, одежду и пр. Также и другие живые существа в мире стремятся поддерживать свою жизнь. Правда, иногда человек тяготится своею жизнью; но это бывает тогда, когда болезни, неудачи, жизненные лишения отнимают у человека силы, и борьба с ними утомляет его. Но если человек молод, полон сил, имеет в своем распоряжении все, что ему нужно, все средства для жизни, – какое счастье и радость дает ему его жизнь. А таким человек должен был быть всегда, таким он был, то крайней мере, в первобытное время своей жизни. Даже низшая природа – и та чувствует радость жизни; присмотритесь весной, как природа, просыпаясь от зимнего сна и начиная обновленную

жизнь, радуется и свою радость выражает всевозможными способами. А природа и всегда должна была жить этой полной, счастливой жизнью. Но человеку указана высшая цель его бытия, кроме радости его земного существования; он должен «уподобляться» Богу (Быт.1:26), а это уподобление Богу, как мы видели (см. выше «Состав человека»), должно состоять в развитии человеком данных ему способностей души, в возможно большем приближении духа человека к Богу, или в святости (Мф.5:48). И вместе с тем это развитие человека и приближение его к Богу должно было также сопровождаться счастьем и радостью, однако более глубокими и высокими, чем радости земной жизни человека. Если, например, теперь какой-либо ученый открывает мировой закон, каким счастьем и радостью наполняется его душа. Первосозданный же человек, а с ним и все люди могли постигать эти законы один за другим, бесконечно и без особого труда. Каким же счастьем должна была наполняться душа людей в этих случаях. Радуется ныне изобретатель, открывший какую-либо новую мировую силу и приспособивший ее для служения человеку. Между тем первосозданный человек и следующие за ним люди могли пользоваться всеми мировыми силами для служения себе; и отсюда опять должно было быть радостное сознание и чувство своей мощи и силы³¹. И это счастье и радость человеческого духа должны были все более возрастать и усиливаться по мере развития и углубления духа, – и этому усилиению и углублению не должно было быть конца! Такое счастье человек и остальной мир могли сохранять только при следовании законам Бога, ибо только при действия Божиих законов и появилось это счастье, только в Божием законе оно могло существовать и дальше.

Научные возражения о происхождении человека

Некоторые ученые не соглашаются с повествованием Библии о сотворении человека и пытаются иным образом, научно объяснить тайну происхождения человека. Но, как говорит В.Ильин, «в науке не существует хотя бы приблизительно готовых теорий происхождения человека. Все, сюда относящееся, принадлежит к сфере гипотез, – притом гипотез еще более неопределенных, чем гадания о происхождении материального Космоса (мира) – звезд и солнечной системы»³².

Теория происхождения человека от животных

Одна из сравнительно недавних научных теорий говорит о том, что человек будто бы произошел от животных, в частности, от обезьяны. Но беспристрастное рассмотрение этого вопроса не позволяет согласиться с таким взглядом. Различие между обезьяной и человеком существует уже в физическом их организме. «Прежде всего, – говорит В.Ильин, – это различие касается гистологических особенностей (гистология – учение о тканях). Волокна верхней бедренной кости человека имеют совершенно иное направление сравнительно с направлением таких же волокон у обезьян. Это направление тесно связано с прямым положением человека. Заднее головное отверстие, строение и объем черепа, равно как и его лицевая часть, у человека совершенно своеобразны. Знаменитый Кювье говорит по этому поводу так: «Человек среди всех других животных имеет наибольший череп и наименьшее лицо». В общем можно считать, что объем черепа у человека приблизительно более, чем в три раза превосходит объем черепа человекообразных обезьян. Эти данные сравнительной анатомии настолько красноречивы, что говорят сами за себя. Буле (Boule) подчеркивает широкий и низкий таз человека, резко отличающийся от высокого и узкого таза гориллы, равным образом и формы позвоночного столба, изогнутого у человека совершенно иначе»³³. Но главное различие между человеком и животным лежит не столько в физической, сколько в духовной области. Отличительными особенностями человека являются самосознание, членораздельная речь, религиозно-нравственное чувство, чувство красоты и способность к бесконечному совершенствованию и самосовершенствованию. В многотомном историческом произведении, вышедшем под общей редакцией Гельмольта «История человечества» (изд. т-ва Просвещение, СПБ, 1902) мы читаем следующее: «Древнейшими остатками, которые свидетельствуют о человеке, являются не части его тела, не костный остов, по которому мы привыкли воспроизводить форму допотопных животных, но

доказательства человеческого ума. Напрасно отыскивали среди костей ископаемой фауны (животного мира) несомненные одновременные с ними остатки скелета ископаемого человека. Не кости, но орудия были теми доказательствами. Эти орудия, или инструменты, неопровержимо свидетельствуют, что духовная сила «ископаемого человека» дилювия (эпохи потопа) вполне соответствовала уму современного человечества. Человек был вполне человеком. Глубоко под массами глины и песка, среди слоев хряща и крупного песка он (Буше де Перт, знаток древностей по профессии) открыл каменные орудия. Они были бесспорно сделаны человеческою рукою для определенной очевидной цели, именно чтобы служить в качестве утвари и оружия. Орудие, изготовленное искусственно и с определенным назначением, есть именно то, что возвышает человека над животным миром теперь, как и в эпоху дилювия (потопа). И в то время, как и ныне, человек был господином даже гигантских животных форм, которые далеко превосходят его механическою силою тела. С первой минуты, как человек предстал перед нами, мы видим вместе с тем проявления духа его, дающие ему перевес над силою мощных животных. Среди множества культурных остатков исследователи были поражены и настоящими произведениями искусства, сделанными рукою диллювиального человека и доказывающими, что мысль его возвысилась до способности объективного воспроизведения природы в рисунках и пластических изображениях. В числе подобных экземпляров наиболее заслуживают внимания изображения, на которых воспроизводится какое-нибудь историческое событие. Искусство счисления, начало письмен и первые проявления искусства вообще вместе с другими элементами первобытной культуры восходят вплоть до диллювиального периода» (Т. I, стр 119, 120, 124, 130, 131). Этими словами наука говорит о том, что духовная природа человека совсем иная, чем у животных; ни одно из обыкновенных животных, вплоть до переживаемого нами 20-го столетия по РХ, не выработало путем своей умственной деятельности ни одного орудия для борьбы с природой и усовершенствования своего положения в мире; обезьяна,

например, может наслаждаться благотворным действием разведенного человеком огня, но не догадается подбросить в костер топлива для поддержки огня. Между тем, труды человека в изобретении и развитии орудий у всех пред глазами и для беспристрастного человека не требуют доказательств. Правда, жилища некоторых животных удивляют зрителя своим искусством и целесообразностью; но и они какими были с самого начала, такими остаются и ныне; что даровано животному природой, остается в нем без всякого изменения и развития. Таким образом, теория о происхождении человека от животных должна быть отклонена.

Преадамиты и коадамиты

Некоторые ученые утверждают, что будто бы и прежде Адама существовали на земле люди (преадамиты) и, следовательно, Адам не есть родоначальник человечества. Другие ученые допускают, что вместе с Адамом было несколько праотцев человеческого рода (коадамиты), и, следовательно, люди происходят не от одного корня.

Вопрос об одном или многих родоначальниках человечества имеет важное значение. Если допустить многих родоначальников и многие роды человечества, то мы возвращаемся к языческому миросозерцанию с его разделением людей на высшие и низшие породы и касты, с его деспотизмом и рабством, с раздорами и распрями племен и народов. Так, например, древний греческий педагог Гален³⁴, говоря об уходе за новорожденными детьми, думал только о греках, так как он, по его словам, «столь же мало думает о германцах и прочих варварах, как и об медведях, вепрях и тому подобных диких животных». Дух такого же мировоззрения веет и в сочинениях американских ученых³⁵, которые, принимая за исходную точку различное происхождение людей, оправдывают рабство, проповедуют искоренение негров и самые кровавые войны, так как, по их словам, подобными мерами, с уничтожением низших форм бытия будет дано место высшему развитию жизни. По мнению Бурмейстера³⁶, «переселенцы из Западной Европы (в Америку) исполняют только Божественный приговор, если они вытесняют с места первобытных американских народов; они служат только выражением вечно действующего закона об усовершенствовании человечества посредством самих себя». Другое дело, если мы признаем происхождение всех людей от одного корня. «Если все мы, — говорит древний писатель Лактанций³⁷, — произошли от одного человека, созданного Богом, то мы все беспрекословно кровные родные между собою. Поэтому какое великое преступление ненавидеть человека, хотя бы он был даже преступник?» Только учение о единстве крови делает возможным учение о единстве

духа и любви. Здесь находит для себя основание христианское учение о достоинстве человека, о равных личных правах всех людей, о нравственном и социальном общении между собой всех людей; на ней основывается и идея гуманности – высшая идея нашей цивилизации; словом, в этой истине соединяются культурные интересы самого высшего значения.

Если обратимся к Библии, то найдем, что истина о происхождении всего рода человеческого от Адама и Евы изложена в Слове Божием весьма ясно. Так, священный бытописатель повествует, что до происхождения Адама на земле не было человека для возделания земли (Быт.2:5), и до сотворения Евы для Адама не нашлось помощника, подобного ему (Быт.2:20); что нарек Адам имя жене своей: *Ева*, ибо она стала материю всех живущих (Быт.3:20). Из последующих писателей ветхозаветных Товит в своей молитве к Богу говорит: «Ты сотворил Адама и дал ему помощницу Еву, жену его; от тех родилось человечество» (Тов.8:6), а премудрый называет Адама «первозданным отцем мира» (Прем.10:1). Апостол Павел со всею раздельностью свидетельствует, что Господь от одной крови произвел весь род человеческий для обитания по всему лицу земли(Деян.17:26). Здесь можно припомнить и вышесказанное (см. выше «Происхождение человека») о том, что в преданиях некоторых народов род человеческий производится от одной четы, и прародители иногда называются именами, сходными с их именами в Библии.

Допускающие существование **преадамитов**, и, следовательно, не признающие Адама праотцем человеческого рода, представляют следующие соображения в подтверждение своего мнения. «Сам Моисей в первой главе книги Бытия иначе изображает происхождение первозданной четы человеческой, нежели потом во второй – происхождение Адама и Евы: в первой главе он повествует, что муж и жена созданы вместе, и созданы по образу Божию; а во второй пишет, что сначала создан был один Адам из земли, и уже через несколько времени создана из ребра его Ева, но уже не приписывает им образа Божия». Но Моисей говорит не о двух творениях, а об одном и том же, только в первой главе говорит вообще, что Бог сотворил

человека по образу Своему, мужчину и женщину сотворил их(Быт.1:27), отнюдь не определяя, вместе ли или не вместе; а во второй подробно рассказывает, как именно создал Бог мужа и как жену³⁸. Если же, на основании повторения во 2 гл. описания происхождения человека, считать, что здесь говорится о творении разных людей, тогда надлежало бы допустить и двукратное творение неба, земли и растений, так как Моисей и об этом повторяет повествование в Быт.2:4,5. Иначе надлежало бы дальше допустить, что Моисей в Быт 5:1,2 выставляет еще третье происхождение людей, когда говорит: «Вот родословие Адама: когда Бог сотворил человека, по подобию Божию создал его, мужчину и женщину сотворил их, и благословил их, и нарек им имя: человек, в день сотворения их». Здесь очевидно краткое повторение всего прежде сказанного о сотворении человека, но с прибавлением важной для нас в данном случае мысли о том, что и в 1-й главе Бытия говорится о сотворении Адама и Евы, а не кого-либо другого.

Далее, по книге Бытия встречают сомнения против мысли об одном родоначальнике Адама в истории Каина. Так, совершив братоубийство, Каин, между прочим, говорит: «Всякий, кто встретится со мною, убьет меня» (Быт.4:14). Кого же Каин боялся: отца или матери? И Сам Бог полагает на Каине знамение, чтобы никто, встретившись с ним, не убил его (Быт.4:15). Затем Каин удаляется в землю Нод, берет себе жену и строит город (Быт.4:16,17); где же он нашел себе жену и кем населил город? Из всех указанных случаев действительно следует, что тогда существовало уже немало людей на земле; но отнюдь не следует, что это были преадамиты, а не потомки Адама. Каин совершил братоубийство спустя около 129, или по летосчислению греческого текста, около 229 лет (сравн. Быт.4:25 и Быт.5:3) со времени происхождения Адама и Евы; а в такое долгое время у Адама и Евы, конечно, могли быть и дочери, как об этом упоминает и сам Моисей («Адам родил сыновей и дочерей» (Быт 5:4), могли быть и сыновья и внуки, особенно по силе действенной воли Божией: «Раститесь и множитесь и наполняйте землю» (Быт.1:28) Из того, что Моисей не упоминает об этих потомках Адама, несправедливо

заключать, будто бы их не было, когда известно, что Моисей вообще весьма кратко и мало говорит о временах первоначальных, допотопных. Если так, то и во дни Каина, когда он совершил братоубийство, уже могли быть места, населенные людьми, или, по крайней мере, одно такое место. Далее, ясно, что было кого бояться Каину: он мог страшиться мести за кровь брата своего и от своих братьев, и от их потомков. Понятно, затем, кого мог Каин иметь своей женой; блаж. Феодорит отвечает: «Очевидно, сестру; в тогдашнее время это не было преступлением, потому что не было еще закона, которым бы такой союз был запрещаем» (бесед. на Быт. 42 вопр.), прибавим еще, что девственная природа была сильна и супружество родных не могло иметь нынешних пагубных последствий. Наконец, отсюда легко разрешается и последний вопрос о населении Каином города, тем более, что, с одной стороны, не определено время, когда населен он потомками общего родоначальника; с другой стороны, и самый этот город, без сомнения, не был похож на города нынешние, а мог состоять из нескольких палаток или других подобных строений, огражденных стеною или валом.

Сторонники теории преадамитов указывают еще на следующее. «Со времени происхождения Адама протекло около шести или, по летосчислению греческих переводов Библии, около семи тысяч лет с небольшим. Между тем еще древние египтяне насчитывали целые десятки тысяч лет своего политического существования, а индийцы и китайцы насчитывают даже целые миллионы. Кроме того, халдеи еще во дни Александра Македонского имели у себя астрономические наблюдения, восходившие за 472 тысячи лет, а индийцы и китайцы имеют астрономические наблюдения, обнимающие миллионы лет. Следовательно, заключают, люди на земле существовали гораздо раньше библейских Адама и Евы». Но по позднейшим изысканиям, все эти числа оказались ложными и не стоящими никакого доверия. Десятки тысяч лет, которыми хвалились египтяне и халдеи, справедливо отвергали еще древние писатели – Цицерон³⁹ и Диоген Лаэрций⁴⁰, видя в этом одно суэтное самохвальство и баснословие. Миллионы лет

истории индийской и китайской также баснословны; самая древняя историческая эпоха политического образования Индии относится ко временам Авраама; а достоверная история Китая восходит не далее, как за 2 тысячи с небольшим лет до РХ⁴¹. Астрономические наблюдения халдеев и египтян восходят едва за 800 лет до РХ; а астрономические таблицы индийцев и китайцев еще новее⁴². Вообще все те исторически памятники, которым прежде некоторые приписывали изумительную древность, впоследствии оказались совсем не так древними, и относятся ко временам послепотопным⁴³.

В позднейшее время стали находить в земле человеческие кости вместе с костями животных и каменными орудиями, и приписывают им до 30 тысяч лет; в швейцарских озерах открыты остатки хижин, построенных на столбах, с бронзовым изделиями, и им приписывают до 10 тысяч лет, в Швеции на берегу моря нашли в земле рыбачьи хижины и древность их, пропорционально теперешнему возвышению берега, определяют в 12 тысяч лет. На это нужно заметить следующее. Относительно костей, найденных в Литтихе, доказано, что тамошний третичный слой взволнован был каким-то переворотом, и, следовательно, кости человеческие попали туда случайно. Если же ископанные кости человеческие, открытые в Гоксне, и признать за современные с костями допотопных животных, то и эта высшая древность при всей ее сомнительности остается не старше Моисеевой истории. «Точные исследования везде окончательно убедили, – говорит Квенштедт, – что воображаемые человеческие кости или вовсе не принадлежат никакому человеку, или если и встречались действительно кости человеческие, то они только впоследствии перенесены из мест своего нахождения и, таким образом, случайно очутились между доадамовскими костями животных, между тем как принадлежат решительно новейшей эпохе». Затем он приводит факты, сделавшиеся известными в последующее время, именно, остатки костей человеческих, найденные в Овернских костяных пещерах, и объясняет их: «Эти пещеры не что иное, как жилища древних галльских народов, которые вырывали здесь, неизвестно для какой цели,

ископаемые кости животных, и смешивали их с костями своих собственных предков»⁴⁴. Кременные топоры Юлий Цезарь знал и у современных ему кельтов. О швейцарских платформах надобно сказать, что такие же постройки являются у фракийцев уже за 500 лет до РХ, а бронзовые изделия еще позже того. Наконец, наблюдениями над морскими берегами Швеции и Италии дознано, что эти берега то возвышаются, то поникаются, и, следовательно, на их возвышении нельзя основать никакого твердого заключения о жителях»⁴⁵.

Таким образом, теория преадамитов или предков Адама не имеет для себя оснований.

Представители другой теории, коадамитов, утверждающее, что люди происходят не от одного корня, а имели нескольких прародителей, заимствуют свои доказательства из физиологии, или науки, изучающей свойства человеческого тела, и указывают, во-первых, на резкое различие людей по цвету кожи, – у европейцев белый, а у негров совершенно черный; – во-вторых, на столько же резкое различие по устройству лицевого угла, простирающегося у некоторых до 85 градусов, а у других нисходящего до 60 град⁴⁶. На это нужно заметить следующее.

Физиология говорит, что организм человеческого тела во всех племенах человеческого рода одинаков; ни одной лишней кости, ни лишнего позвонка или зуба не находят ни в одном племени. Главные отправления жизни: время рождения, возрастание, среднее продолжение жизни, употребление пищи, вся животная экология одинаковы у негра и европейца. Человек каждого племени свободно живет от полюса до экваториальных стран, чего нет у животных. Относительно различий между племенами человеческими нужно сказать, что по свидетельству лучших исследователей природы, разности эти происходят от причин случайных, каковы: различия в климатах и особенно разные степени температуры, испарения лесов и болот, возвышения почвы над уровнем моря, число, высота и расположение гор, движение ветров; также различие в пище, питии, образе жизни и роде занятий; болезни родителей, переходящие в отдаленнейшее потомство, смешение племен, и под. В частности, различия в цвете кожи зависят главным

образом от различия в климатах и преимущественно температур. Так, одни и те же евреи, рассеянные по всем странам света, представляют на себе цвета от самого белого, какой многие из них имеют в России, Германии и Англии, до самого оливкового, какой отличает их в Индостане. Цыгане, вышедшие из Индии в Европу около 755 г. по РХ, очень часто принимают здесь европейскую белизну, но вовсе не имеют сходства с темно-оливковым цветом индусов. Индусы Гималайского хребта имеют более светлый цвет тела, нежели индусы Декана. Португальцы, переселившиеся в Индию, даже не вступая в родство с жителями Индии, спустя 300 лет стали совершенно черными.

Что касается лицевых углов, то различие их зависит от различного развития умственных способностей у разных поколений человеческих; по мере того, как развиваются и возвышаются мыслительные способности в человеке и народе, они действуют на развитие мозга, который является непосредственным органом мысли; а развитие мозга оказывает влияние на различное образование черепа, а отсюда и на различие в лицевых углах. Это подтверждается многочисленными опытами над неграми, у которых умственные способности находятся в состоянии усыпления и лицевой угол имеет наименьшее число градусов. Но, по мере того, как негры, входя в соприкосновение с образованным обществом, начинают развивать свои умственные способности, вместе с тем изменяется постепенно и строение их головы, увеличивается их лицевой угол. Если это мало бывает заметно еще на них самих, то на их детях, внуках и правнуках становится уже совершенно очевидным. В Соединенных Штатах и на островах Антильских подобные примеры встречаются весьма часто. Кроме того, известно, что многие дикии в Америке, жители острова Суматры и других восточно-индийских островов, Карибы, Антильские негры и др. издавна имели обыкновение давать черепу своих детей произвольную, любимую форму, искажая голову младенца еще в самой колыбели разными искусственными средствами⁴⁷.

Указывают далее на большую разницу в духовном развитии между европейцами и неграми и заключают отсюда о различии предков как тех, так и других. На это нужно сказать, что и пеласги, предки греков, были когда-то не выше диких негров, также как и предки других, известных ныне образованностью народов. Но соприкосновение, например, африканских негров с магометанами уже изменило их к лучшему; а свободные негры Америки в короткое время стали людьми образованными, известными по произведениям искусств и поэтическим творениям. Как на типичных представителей негров указывают на готтентотов, у которых, говорят, ума не больше, чем у орангутанга, у которых почти нет языка. Но этоповерхностный взгляд на готтентотов; те, кто входили в близкие сношения с этими дикарями, говорят о них другое. Они с похвалою говорят о их честности и видели между ними знающих языки голландский, или португальский, или английский. Религиозные понятия их не ниже других диких племен; они признают верховного Бога, но, подобно другим язычникам, приносят жертву злому богу. Наконец, о их способности быть лучшими несомненно говорит их готовность принимать христианство. А язык их оказывается достаточным для выражения высших христианских истин⁴⁸.

Лингвистика, или наука, занимающаяся сравнительным изучением языков, по-видимому, дает также основания для теории коадамитов. Ученые 17 века смело писали: «Быть не может, чтобы такая многочисленность и такое различие языков и наречий, известных нам по истории и статистике, могли образоваться из языка одного человека, одного праотца человеческого рода». Но после того, как для изучения сходства языков приняты в основание грамматические формы, оказалось, что кажущееся чрезвычайное разнообразие языков сводится к очень немногим начальным, что и между самыми начальными находятся черты сходства, которые свидетельствуют о первоначальном их единстве. «Сравнительное изучение языков, – говорит Гумбольдт, – показывает, как человеческие племена, разделенные большими пространствами, находятся в сродстве между собою и происходят от одного общего местообитания в

первоначальное время». По позднейшим исследованиям, к семитической отрасли относятся не только арабский, халдейский, сирийский, финикийский, кареагенский и мидийский языки, но и языки абиссинский, амгарский и варварийские языки северной Африки. В индоевропейской отрасли оказались языки народов, живущих от тропиков до полярного круга, в том числе армянский, осетинский, грузинский. Но и между этими двумя семействами языков, которыми говорит большая половина населения земного шара, оказывается сродство не только в духе их грамматических начал, но и в самых первоначальных корнях.

Сторонники теории коадамитов хотят находить для себя основания и в географии. Расселение народов из средней Азии, колыбели всех племен по Библии (Быт.2:8–15; Быт.11:2), по странам Азии и Европы давно признавали естественным и понятным. Но Африку, Америку и Океанию считали отдельными местами расселений различных самостоятельных человеческих пород⁴⁹. Особенно при этом указывали на Америку. «Известно, – говорят эти ученые, – что Америка совершенно отделена от Старого Света морями, и до XV века оставалась неизвестной обитателям этого Света. Между тем, когда в XV веке она была открыта Колумбом, то найдена уже довольно населенной. Откуда же происходят коренные американцы, если они не имели у себя особого градоначальника, одного или многих?». На это нужно заметить следующее. Переселение из Средней Азии в Африку в географическом отношении не представляет затруднения даже и по отношению ко временам, когда искусство мореплавания находилось в младенчестве: Суэцкий перешеек и Баб-Эль-Мандебский пролив и в средние века представлял обыкновенный путь вторжений племен из Азии в Африку. Что же касается Америки, то нужно сказать, что теперь не подлежит никакому сомнению, что о существовании Америки знали и древние, как видно из свидетельств Платона, Дюдора, Плутарха, Иосифа Флавия, Виргилия, Пимния, Сенеки и др⁵⁰. Доказано также, что за много веков до Колумба Америку не только знали, но и посещали финикияне, египтяне, карфагеняне, китайцы, камчадалы, коряки, калмыки,

скандинавы и нередко основывали в ней свои колонии. Наглядным доказательством того, что жители Америки не суть древние, коренные на ней, а переселились в нее из Старого Света, служат доселе сохранившиеся между ними многие обычай и верования народов Азии и Европы, например, предание о всемирном потопе, о спасении во время его одного только семейства, обрезание младенцев; также храмы и башни вавилонской архитектуры, знаки татарского зодиака, физиогномики калмыков, нормандские руны, наречия коряков и пр. Календарь американцев похож на календарь народов Средней Азии буддийского исповедания; у них говорили, что то или другое случилось в год кролика, тигра или собаки; брачные и похоронные обряды, домашние обычай также сходны с монгольскими. Такое сходство указывает и на путь, которым совершилось переселение из Старого в Новый Свет; это – Берингов пролив и цепь Курильских и Алеутских островов. Там и здесь и поныне чукчи каждый год переходят с одного материка на другой для торговли.

К чести науки должно сказать, что и она в лице многих своих представителей (например, Ляспед, Пришард, А. Гумбольдт и др.) охотно признает единство происхождения всего рода человеческого.

Духовность души

Человек состоит из души и тела, причем душа человека представляет собой явление самобытное и самостоятельное, независимое в своей сущности и природе от человеческого тела, явление духовное.

В священных книгах эта истина ясно выражена в тех многочисленных местах, где душа человеческая называется духом. Так, Екклесиаст говорит о кончине человека: «*И возвратится прах в землю, чем он и был, а дух возвратится к Богу, Который дал его*» (Еккл.12:7). В Евангелии говорится: «*Иисус, возгласив громким голосом, сказал: Отче! в руки Твои предаю дух Мой; и сказав сие, испустил дух*» (Лк.23:46). Евангелисты, описывая это мгновение, выражаются: «*Иисус, опять возопив громким голосом, испустил дух*» (Мф.27:50); или: «*Иисус, преклонив главу, испустил дух*» (Ин.19:30). Евангелист Лука, описывая воскресение отроковицы Спасителем, говорит: «*И возвратился дух ее, она тотчас встала*» (Лук.8:55). Апостол Павел говорит: «*Самый дух свидетельствует духу нашему, что мы – дети Божии*» (Рим.8:16); или: «*Кто от человеков знает, что в человеке, кроме духа человеческого, живущего в нем? Так и Божиего никто не знает, кроме Духа Божия*» (1Кор.2:11).

Эту истину подтверждает нам и наш постоянный опыт. Мы видим, осязаем наше тело и его различные части, и органы, и их действия; мы находим, что наше тело, также как и вне нас существующие материальные предметы, имеет различные физические свойства – тяжесть, величину, цвет, запах и др. Но в то же время мы ясно сознаем, что в нас есть и другого рода жизненные явления, которые решительно недоступны никакому внешнему наблюдению и не имеют никаких физических свойств, взамен которых выступают другие, совершенно чуждые предметам материальным. Так, мы мыслим, чувствуем, представляем внешне предметы, свободно начинаем и прекращаем ряд известных действий; но самых этих мыслей, чувств, представлений, стремлений воли мы не можем ни

видеть, ни осязать. Ничего подобного мы не замечаем в предметах материальных. Противоположность этих двух родов в обнаружении нашей природы заставляет нас предполагать, что и началом их служат две различные сущности, которые мы обыкновенно называем душой и телом, в силу чего и утверждаем, что человек состоит из души и тела.

Против такого рода воззрения на состав человеческой природы вооружается материализм. Почитая указанные нами непосредственно представляющиеся отличия телесных и душевных обнаружений нашей природы несущественными, он не считает необходимым предполагать для последних какое-либо особое начало; он считает душевые явления проявлением той же материи, которая составляет единую сущность всего мирового бытия, – частные, проявлением материи в той особенной ее форме, какая имеет место в человеческом организме. Поэтому для подтверждения положения о духовности души мы должны сперва сравнить общие свойства ее со свойствами предметов вещественных, а затем указать на частные, характеристические свойства нашей души и на невозможность объяснить их с материалистической точки зрения.

Доказательства духовности души из сравнения общих ее свойств с свойствами предметов материальных

Существенное свойство материальных предметов, не исключая и нашего тела, есть пространственная протяженность. В силу этого свойства каждое физическое тело должно быть признано делимым, имеющим известную величину, форму или очертание, занимающим определенное место в пространстве.

Каждое материальное тело может быть разделено на неопределенное множество частей, путем ли то механического раздробления или химического разложения. Но может ли кто разделить на части нашу душу или указать на последние неделимые частицы (молекулы), из которых она состоит? Не могут быть также отделены от души, как самостоятельные части, ее способности, действия, мысли, чувства; все они соединяются неразрывно в одном общем средоточии нашего «я» и не мыслимы существующими отдельно от него. Вообще, человеческий дух, зная сам себя, ничего не знает о том, будто он состоит из реальных частей, тогда как, зная чувственные предметы, он находит их сложными. Поэтому, если бы душа наша была сложна, то невозможно было бы ей, зная о сложности внешних предметов, не знать о себе самой, как о сложной.

Далее, с пространственностью тел соединяется понятие об их величине, которая определяется как сравнением их с другими телами, так и сравнением частей того же предмета; один предмет может быть меньше и больше другого; одна часть в нем больше и меньше другой. Но можно ли сказать что-либо подобное о душе, ее способностях и обнаружениях? Можно ли говорить о величине души, о том, что у одного душа большего размера, чем у другого, что способность, например, памяти занимает в душе столько-то куб. сантиметров, а способность мышления столько-то, что надежда во столько-то раз по объему больше или меньше радости, и т.п.? Все подобного рода выражения каждый назовет нелепостью. Если мы говорим

иногда о величии духа, об обширности и узкости взгляда на предмет, о глубине чувства, о высоте добродетели и низости порока и пр., то каждый хорошо понимает, что это выражения метафорические, переносные, которые нельзя понимать в буквальном смысле.

Дальнейшее следствие пространственности тел состоит в том, что каждое тело имеет свое внешнее очертание или фигуру, понятие о которой мы получаем посредством чувств зрения и осязания. Но можем ли мы сказать что-нибудь о фигуре души? Несмотря на близкое отношение души и ее способностей к организму и известным его частям, мы не можем определить внешних границ ее и придать ей какое-либо видимое очертание. Наша душа, как учили еще древние философы, безвидна.

Наконец, свойство протяженности материальных предметов выражается в том, что два отдельные тела, равно как и две материальные частицы, не могут одновременно помещаться в том же пространстве по основному физическому закону непроницаемости. Если бы душа наша была вещественна, то она не иначе могла бы существовать в теле, как занимая особенное, отдельное от других органических частей место, как есть в организме такое место для каждой из его частей или органов. Но ни анатомия, ни физиология не открыли такого незанятого или пустого места в организме, где бы могла поместиться душа. Напротив, опыт показывает, что духовная жизнь разлита по всему организму, что духовные проявления совершаются совокупно с процессами органическими и механико-химическими, не выделяя для себя в организме какого-либо места вопреки физическому закону непроницаемости. То же явление мы замечаем и во взаимном отношении частных актов душевной жизни. Способности человеческого духа не составляют отдельных, не смешивающихся между собой частей души; они не расходятся и не разъединяются, как ветви от корня или как члены в организме, но совместно действуют в каждом душевном акте, хотя совместность эта и не ясна непосредственно для сознания, обращенного на один акт в один данный момент. Мысль,

чувство, желание, представление и пр. взаимно проникаются и существуют совместно в одном и том же акте душевной жизни. Никогда, например, не бывает, что когда я чувствую, то ничего уже не думаю и не представляю; когда я мыслю, то ничего не желаю (в самом мышлении есть уже желание мыслить) и не ощущаю удовольствия или неудовольствия, что необходимо должно бы быть, если бы душа была материальна и сложна, по вышеупомянутому закону, по которому два предмета или две части того же предмета не могут быть в одно и то же время в одном и том же месте.

Как существенно отличается душа от предметов материальных по отношению к пространству, так же точно она отлична от них и по отношению к другой форме нашего бытия – времени. Самое общее свойство материальных предметов по отношению ко времени есть их постоянная изменчивость. По своему составу ни один вещественный предмет не остается одним и тем же; в нем постоянно, хотя и незаметно для нас действуют химические и физические процессы, видоизменяющие и, наконец, разлагающие и уничтожающие его. Само наше тело, которое по его природе материалисты тождествляют с душою, подчинено тому же закону. Неизменна в нем в течение его жизни только образовательная или органическая сила, которая, как и в других органических существах, составляет низшую степень душевного начала; материальные же частицы тела в каждый момент постоянно меняются, прибывают и исчезают; «В живых телах, – говорит Кювье, – ни одна частичка не остается на месте; все они последовательно входят и выходят; жизнь есть непрерывный вихрь, которого направление, при всей его сложности, остается неудержимым, – частички индивидуально заменяются одни другими постоянно». Наука говорит нам, что наше тело в течение нескольких лет совершенно обновляется, и одна масса материальных частиц уступает место другой. Совершенно иное мы замечаем в нашей душе; наша личность, наше «я» остается неизменным и тождественным среди самых разнообразных изменений нашего тела; она не увеличивается с возрастом и приращением его, не оскудевает отделением его частей, не

изменяется в своем существе со сменой материальных частиц в организме. Если бы наша душа была материальна или существенно связана с телом, то в течение жизни она должна бы постоянно возобновляться вместе с ним и, наконец, становиться совершенно иною. Правда, и в нашей душе происходят своего рода изменения; в чем они состоят, знает каждый; иногда они бывают так значительны, что человек говорит о себе; я уже не тот, что был прежде. Но эти изменения касаются не самой сущности души, а только проявлений ее жизни и имеют совершенно иной характер, чем изменения, происходящие в нашем теле.

Доказательства духовности души из рассмотрения частных ее сил и способностей

Рассматривая силы и способности нашей души, мы замечаем в них такие свойства, которые совершенно отличны от свойств материальных предметов и не могут быть объяснены при предположении ее материальности.

Наиболее характеристические из этих свойств есть единство сознания, по которому человек во все продолжение своей жизни считает себя одной и той же личностью. Ничего подобного сознанию мы не замечаем в предметах материальных; оно и не может быть их свойством, так как это прямо противоречило бы понятию о протяженности и сложности вещественных предметов. Если бы душа была вещественна, то мы не иначе могли бы представить ее себе, как в виде собрания известного количества частиц или различных химических веществ, входящих в состав нашего мозга. Но в таком случае если бы сознание было свойством материи, каждая отдельная от других частица материи должна была бы иметь свое сознание, точно также, как и каждое отдельное химическое вещество. Но в таком случае как могло бы образоваться единство нашего сознания? Затем, материальные частицы, входящие в состав нашего тела, как мы видели, постоянно исчезают и заменяются новыми; как бы могло сохраниться при этом тождество нашего сознания, нашей личности? Материалисты иногда говорят, что хотя каждый отдельный атом нашего тела может и не иметь сознания, но известное своеобразное сочетание их, какое, например, имеет место в нашем мозге, может произвести его. Но одно простое соединение бессознательных атомов, очевидно, не может дать им качества, которого по своей природе не может иметь каждый из них в отдельности; нервы человека так же мало знают о своих состояниях, как телеграф о содержании передаваемой депеши.

Но в душе человеческой помимо сознания есть еще и самосознание, когда душа в одно и то же время не только

мыслит, чувствует и желает, но и наблюдает свои мысли, желания, представления и руководит ими. Это явление еще менее объяснимо с материалистической точки зрения. Чтобы объяснить это, нужно допустить, кроме груды различных сознательных впечатлений, некое отличное от них существо, которое, с одной стороны, объединяло бы все это и в одном общем сознании своего «я», относило бы их к себе, с другой – имело бы способность отличать их от себя и наблюдать. Ничего подобного этому явлению мы не находим в мире материальном.

Другое характеристическое свойство человека есть его разумность. Разумность есть следствие совокупного действия его познавательных способностей: ощущения, представления, памяти, воображения, мышления. Но каждая из этих способностей необходимо предполагает существование в человеке самостоятельного духовного начала и не может быть объяснена с материалистической точки зрения. Так, уже в самом низшем акте познавательной деятельности – ощущении, мы видим самостоятельный душевный акт, составляющий своеобразный отзвук или ответ на воздействие на наши чувства внешних предметов и не имеющий ничего общего с действительными физическими процессами, вызывающими ощущение. То, что в физическом мире есть волнообразное движение воздуха или дрожательное колебание эфира, нами ощущается не как движете или колебание, но как звук или цвет; химическое разложение веществ на языке ощущается как вкус, и др. Дальнейший душевный акт – представление – опять возможен только при предположении единого самостоятельного начала душевой жизни. Иначе мы не можем объяснить, каким образом впечатления от предмета, полученные различными чувствами, например, зрением, слухом, осязанием и в различное время, не остаются разрозненными и местными впечатлениями, но объединяются в одном общем образе и относятся нами к одному предмету. Полученные впечатления и представления постоянно затем хранятся в душе и воспроизводятся ею. Это делает память человека. Но возможно ли было бы это явление, если бы душа наша не была началом самостоятельным и отличным от тела, в частности, от мозга?

Если бы наши впечатления и представления были существенно соединены с мозгом, составляли не более как материальные следы или оттиски действий предметов внешних, то с постоянным обновлением материального состава мозга исчезли бы и наши представления, и сохранение их в память было бы невозможным. Если же наши представления остаются в душе, несмотря на неоднократное изменение мозгового вещества в течение нашей жизни, то очевидно, что сами по себе они не столь существенно связаны с мозгом и носят на себе самостоятельный духовный характер. Далее, как объяснить при материальность души деятельность нашего воображения, т.е., возможность представлять себе не только подействовавшие на чувства материальные предметы, но посредством свободной группировки впечатлений создавать и новые представления, не имеющие ничего общего с действительностью? Не говорим уже о высших обнаружениях духовной жизни, каковы, например, мышление, нравственное чувство, способность познавать сверхчувственное, и пр.; все они решительно необъяснимы с признанием вещественности души. Это невольно чувствует и сам материализм, так как его попытки объяснить из причин физических и физиологических явлений душевной жизни обыкновенно не простираются далее низших проявлений этой жизни, каковы, например, ощущение, представление, память.

Человека мы признаем существом не только разумным, но и свободным. О свободе человека мы далее будем говорить подробнее, теперь коснемся этого вопроса кратко. Свобода есть способность начинать и прекращать ряды известных действий самостоятельно и независимо от внешних причин. Эта способность не может быть свойством материальных предметов. Изменения или движения материальных, вещественных предметов всегда происходят от действия на них каких-либо других внешних им предметов. Так, механические движения какого-либо тела происходят от внешнего толчка, сообщаемого другим телом, которое в свою очередь получило начало своего движения от других двигателей. Химическое изменение также сводится наукою к молекулярному движению атомов и объясняется изменением их положения относительно

друг друга. В мире физическом господствует общий закон механики, по которому ни одна вещь сама себя двигать не может. Совершенно иного рода свойства мы замечаем в нашей душе. При каждом действии нашем мы сознаем, что можем сделать это и не сделать; сделать так и иначе; мы можем действовать не только без всяких принудительных внешних влияний и побуждений, но даже вопреки им, действуя единственно из своего внутреннего начала, как последнего основания своих действий; мы можем, например, переносить голод, преодолевать сон, усталость вопреки требованиям организма и пр. Такая способность души производить различного рода действия без всяких внешних побуждений – способность, ничего подобного которой не замечаем мы в предметах материальных, служит ясным доказательством невещественности нашей души.

Разбор главных возражений против духовности души

Возражая против существования в человеке души как самостоятельного духовного начала, материалисты указывают на факты зависимости души от тела. Опыт, говорят они, несомненно показывает, что на характер душевной жизни имеют могущественное влияние расовые и народные различия, пол, возраст, даже внешние физические условия жизни, например, климат, пища; болезни тела сопровождаются упадком и расстройством душевных сил; наркотические вещества, действуя на нервы, расстраивают нормальный ход душевной жизни, лишая человека самообладания и самосознания, и т. п. Ведь эти факты будто бы говорят за то, что так называемая душа не есть какое-либо самостоятельное начало жизни, но результат взаимодействия различных физических, материальных причин.

Но указание на факты зависимости души от тела не имеет доказательной силы в пользу материализма, потому что им может быть противопоставлен ряд не менее многочисленных фактов зависимости, наоборот, тела от души, – фактов, намеренно упускаемых из вида материалистами. Всем известно влияние на наше тело как медленно действующих душевных состояний (например, усиленный умственный труд, печаль, заботы ослабляют телесные силы), так и кратковременных фактов (например, внезапная радость, испуг, гнев производят потрясающее действие на организм, оканчивающееся иногда смертью). Даже единичные представления и фантастические образы могут оказывать сильное влияние на организм; так, например, живое представление отвратительного предмета может возбудить тошноту и рвоту; представление вкусного блюда – слюноотделение и пр. Медицина указывает множество фактов влияния фантазии на организм; например, ложная уверенность, что принят яд, производила симптомы, сходные с действием настоящего яда; живое представление себя больным известной болезнью вызывало некоторые признаки этой

болезни. Далее, в области, например, умственной мы видим постоянные исключения из того правила, что «в здоровом теле здоровый ум»; мы видим глубину и силу мысли при неправильном строении тела, при его слабости и болезненности; видим скудоумие при цветущем состоянии организма. В области нравственной находим высоту нравственной жизни при самых неблагоприятных внешних условиях жизни, и порочность там, где ее всего менее следовало бы ожидать. Очевидно, единственно возможный логический вывод, вытекающий из сопоставления фактов того и другого рода, может состоять лишь в том, что в настоящей жизни человека его душа и тело тесно соединены между собою и находятся потому в обоюдной зависимости.

Но зависимость двух предметов в их существовании нисколько не предполагает их существенного тождества или происхождения один от другого. Иначе можно было бы заключать: зрение зависит от света и им условливается; следовательно, оно и происходит от света и тождественно с ним. Звук музыкального инструмента зависит от него и без него невозможен; следовательно, он есть произведение инструмента. На этот последний пример указывал еще древний философ Платон в опровержение материалистов своего времени, сравнивавших наше тело с музыкальным инструментом лирою, а душу с производимыми ею гармоническими звуками. Пользуясь этим примером, Платон указал еще на другой недостаток материалистического учения о душе. Звуки, говорит он, не имеют влияния на тот вещественный предмет, от которого они происходят, – т.е. звуки инструмента не оказывают влияния или воздействия на самий инструмент; он не может изменять его или противодействовать ему; напротив, от него зависит и определяется. Но совершенно иного рода отношение души к своему телу: душа не только противоречит часто действиям тела, но, имея на них влияние, направляет их по своему произволу. Итак, душа есть законодательница тела, а не тело производит душу, как инструмент звуки.

Кроме фактов зависимости души от тела, материализм с особенной силой указывает на якобы господствующий во всем животном царстве параллелизм или соответствие между телесным и душевным развитием, каковой параллелизм с особенной ясностью обнаруживается в строении мозга: чем менее развит мозг у животного, тем скучнее его душевые силы. Человек потому и обладает более совершенными духовными способностями, что сравнительно с животными имеет и абсолютно, и относительно наибольший и совереннее организованный мозг. На полную зависимость души от мозга указывает якобы тот факт, что степень умственных способностей человека вполне зависит от величины мозга, и что повреждения этого органа неминуемо соединяются с упадком и расстройством душевой жизни (идиотизм, сумасшествие).

Но против подобного рода заключения нужно сказать следующее. В мире животных сравнительная анатомия показывает множество случаев, опровергающих мнение, будто душевная жизнь безусловно определяется величиной и степенью развития мозга. Так, некоторые насекомые, у которых очень мало мозга (например, пчелы, муравьи), обнаруживают замечательные умственные способности, не меньшие, чем способности животных, обладающих значительно развитым мозгом (например, овец, гусей и др.). Мозг кита и слона гораздо больше человеческого; но это не дает им никакого превосходства не только над человеком, но и над другими животными; напротив, наиболее способными к обучению и понятливыми оказываются маленькие птички с ничтожным количеством мозга. Не дают также права заключать о полной зависимости умственных способностей от величины и формы мозга и наблюдения над относительной величиной последнего. Измеряя совершенство душевой жизни величиною мозга сравнительно с весом и объемом тела, мы должны бы прийти к ложному заключению, что некоторые обезьяны и птицы умнее человека. Что касается до формы мозга, то в этом отношении мозг обезьяны почти тождествен с мозгом человека; между тем, по душевой жизни между ними огромная разница, что ясно доказывает независимость нашей души от формы мозга. Точно

также и в человеческом роде наблюдение показывает, что хотя обширный ум и сопровождается часто значительным развитием мозга; но, с одной стороны, это развитие не настолько однако же значительно, чтобы отсюда объяснить очень большое различие между даровитыми и недаровитыми людьми; с другой, здесь встречаются столь многочисленные исключения, что невозможно установить какого-либо определенного отношения между величиной мозга и умственными способностями. Зависимость душевных болезней от расстройства мозга точно так же не столь неизбежна, как полагает материализм. Медицина указывает на множество случаев, когда самые поразительные повреждения мозга не сопровождались никакими значительными изменениями душевными, и наоборот, самые сильные расстройства умственных способностей не оказывали никакого заметного влияния на мозг. Таким образом, заключение материалистов о полной зависимости души от мозга, как основанное на односторонних и неточных наблюдениях, очевидно, не может быть признано правильным.

Но если мы даже и допустим некоторый параллелизм или соответствие между развитием мозга и умственным развитием, то отсюда опять еще нельзя будет заключать, что душевное развитее зависит от развития мозга. Еще вопрос, от чего происходит самое развитие мозга, соответственное силе умственных способностей. Наблюдение показывает, что усиленное упражнение известного органа тела, зависящее от чисто душевных причин, производит и особенное развитие самого органа. Известно, например, что руки хлебопеков и кузнецов вследствие их занятий приобретают особенное развитее мускулов, становятся толще и сильнее, чем руки лиц, не занятых черной работою; грудная клетка у жителей гор, привыкших взбираться на высоты, гораздо шире, чем у жителей городов или лиц, ведущих сидячую жизнь. На основании этих и подобных фактов нет ничего невероятного допустить, что орган нашего мышления – мозг – может достигнуть большего развития у людей, занимающихся умственным трудом, чем у прочих. То же явление может иметь место не только между отдельными лицами, но и между целыми народами и расами.

Свобода воли

Понятие о свободе воли и ее границы

Человек есть существо не только, разумное, но и нравственное. Но нравственная (в отличие от безнравственной) деятельность возможна не иначе, как при предположении, что человек из многих возможных для него целей деятельности будет стремиться к таким, которые соответствуют его назначению как существа нравственного, а это само собою предполагает возможность самостоятельного выбора между этими целями и силу стремиться к их осуществлению, – свободную волю. Таким образом свобода есть условие и основание нравственной деятельности человека.

В понятие свободы входят два признака: отрицательный и положительный. Со стороны отрицательной, свобода воли состоит в том, что в своем стремлении и действовании она не определяется какой-либо необходимостью, как внешней, так и внутренней. Внешняя необходимость является тогда, когда какой-либо предмет вполне определяется к той или иной деятельности влиянием внешних принудительных причин, будут ли то причины физические или моральные, так что деятельность его ни в каком случае не зависит от него самого, но только от этих внешних причин. Внутренняя (естественная) необходимость бывает тогда, когда какое-либо существо определяется в своей деятельности исключительно своей собственной природой и при том таким образом, что никакие отступления от жизненных законов его собственной природы для него невозможны. Свобода воли состоит в том, что она никакими внешними причинами не может быть определена или вынуждена к действию, если сама она себя к нему не определила, не соизволила на него. Действия, вынужденные внешними условиями или насилием (например, невольный стон вследствие сильной боли, или сознание в преступлении, вынужденное пыткой) не могут говорить против независимости свободы от внешней необходимости, так, как они не суть действия свободные; свобода воли остается не нарушенной даже тогда, когда внешняя свобода действий совершенна

отнята от нас; можно принудить тело, но никак нельзя принудить волю – в отношении к внутренней необходимости свободы воли состоит в том, что она не определяется природой нашего духа к одному какому-либо и неизменному образу действования, так что в каждом данном случае мы могли бы действовать только так, а не иначе.

Из этого отрицательного определения свободы воли само собою вытекает и положительное. Если воля не определяется безусловно ни внешнею, ни внутреннею необходимостью, то отсюда следует, что в каждом данном случае и при всех обстоятельствах в своем стремлении и действовании она может сама решиться на то или иное действие, – иначе, она может избирать между различными целями и способами действования; свобода человека есть свобода выбора и самоопределения.

Но безусловное самоопределение воли, не стесняемой никакими внешними препятствиями и условиями в своем действовании и в осуществлении своих намерений, может быть свойством только всемогущего и ничем не ограниченного Бога; свобода человека, как существа ограниченного, необходимо должна быть ограничена. Эти границы заключаются прежде всего в зависимости ее от разума. Как не может быть желания чего-либо совершенно нам неизвестного и стремления к нему, так не может быть и решения свободной воли, как скоро разум не представит ей предмета для ее выбора. Свобода выбора может простираться лишь на то, что наш разум представит воле как благо, к которому она должна стремиться, или как зло, которого она должна избегать, будет ли то благо или зло истинное или мнимое. Разум определяет также степени достижимости известной цели и наилучшие средства к ее достижению, что также влияет на решения свободной воли человека. Затем, как показывает опыт, имеют сильное влияние на свободу человека стремления его собственной низшей, чувственной природы, которые иногда достигают степени страстных влечений и не только стесняют волю в исполнении ее нравственных решений, но и увлекают ее, подчиняя господству страстей. В самой нравственной природе человека предшествующий ряд повторяемых одинаковых свободных

действий в силу закона привычки образует определенную настроенность души (характер), которая влияет затем на следующие действия и склоняет нашу свободу к преимущественному выбору того или иного действования. Наконец, не только в исполнении желаемого, но и в характере своих решений воля зависит и от влияния на наше душевное развитие внешних условий, — среды, нас окружающей, воспитания, общества и пр. Но все эти стесняющие свободу человека условия, как бы сильно иногда ни было их влияние, в сущности могут оказывать на нее только влияние, но не могут определять ее необходимо и безусловно к такому или иному образу действования. Хотя они и ограничивают свободу воли, но не составляют границ непроходимых и непреодолимых. При помощи нравственного саморазвития человек может более и более расширять эти границы и становиться более и более свободным. Свобода воли, как и всякая другая сила души, способна к бесконечному развитию и усовершенствованию. В борьбе с внешними и внутренними препятствиями, укрепляя свою свободу, человек становится более и более нравственно сильным я свободным; подчиняясь им, он хотя не теряет окончательно своей свободы, но унижает свое нравственное достоинство; из свободного человека делается рабом своих страстей, привычек и случайных, внешних обстоятельств своей жизни.

Мысль о свободе человеческой души или прямо выражается, или предполагается в бесчисленных местах Священного Писания, — и, во-первых, во всех тех, где даются человеку заповеди и от него требуется повиновение закону Божию; затем, где за исполнение заповедей предлагаются человеку разные награды и особенно вечное блаженство; — наконец, где за нарушение заповедей предрекаются виновному разные наказания, временные и вечные. В частности, эту мысль выражают: Моисей, говоря к израильтянам: «Жизнь и смерть предложил я тебе, благословение и проклятие. Избери жизнь, дабы жил ты и потомство твое» (Втор. 30:19); Иисус Навин: «Если же не угодно вам служить Господу, то изберите себе ныне, кому служить» (Нав.24:15); пророк Исаия: «Если

захотите и послушаетесь, то будете вкушать блага земли; если же отречетесь и будете упорствовать, то меч пожрет вас: ибо это говорят уста Господни» (Ис.1:19,20). Спаситель говорил юноше: «Если хочешь войти в жизнь вечную, соблюди заповеди» (Мф.19:17). Апостол Павел говорит: «Кто непоколебимо тверд с сердце своем и, не будучи стесняем нужною, но будучи властен в своей воле, решился в сердце своем...» (1Кор.7:37).

Но несмотря на ясность учения слова Божия о свободе воли человека и на внутренний опыт каждого человека, подтверждающий эту свободу, существуют философские учения, отрицающие эту свободу воли в человеке. По их учению, все действия человека, даже кажущиеся нам свободными, безусловно **определяются** как неизбежные следствия независимыми от них причинами, будут ли эти причины заключаться во внешнем ему бытии (природа, Божество) или в его собственной природе. Такое учение называется **детерминизмом**. По противоположности этому воззрению **индетерминизмом** называется учение, которое, допуская известное влияние на волю человека внешних и внутренних условий, тем не менее отрицает их исключительное, определяющее нашу деятельность значение и признает в человеке свободную волю, как существенную принадлежность его духовной природы.

Отрицает свободу человеческой воли материализм. Не признавая существования духовного начала ни в человеке, ни вне его, почитая человека таким же продуктом материи и ее физических сил, как и все другие предметы природы, материализм утверждает, что и духовная жизнь, и деятельность человека подчинена тем же необходимым и неизменным законам, какие господствуют и в окружающей его природе, и также безусловно определяется ими, как физические явления своими физическими причинами.

Доказательства свободы воли

А. Главное доказательство свободы воли заключается в нашем самосознании. При каждом нашем свободном действии мы ясно сознаем, что мы сами себя к нему определяем, что оно от нас зависит, что какие бы мотивы ни понуждали нас к известному действию, оно не произошло бы, если бы мы сами на него не решились. Мы можем действовать и не действовать, действовать так и иначе; решаясь на известное действие, мы знаем, что могли бы решиться и на иное, могли бы даже вовсе не привести в исполнение своего собственного намерения. Несмотря на то, что на решения нашей воли влияют различного рода побуждения и понятия рассудка, мы ясно сознаем, что они не имеют безусловно принудительного для нас значения. Мы можем противостоять сильнейшим мотивам, предпочесть низшее и менее желаемое благо высшему, можем решиться даже на какое-либо действие без всякого мотива, единственно чтобы показать полную самостоятельность нашей воли. Наконец, мы ясно отличаем свои свободные действия от несвободных и определяем степень участия нашей свободы в совершении того или иного действия. Так, мы не называем свободным действия, совершенного в бессознательном состоянии (например, в горячке); об иных сознательных поступках говорим, что мы были вынуждены к ним силою внешних обстоятельств, о других, что мы были увлечены к совершению их каким-либо аффектом, страстью; в одном случае говорим, что не могли решиться на такой-то поступок, в другом, что мы действовали вполне свободно и самостоятельно. Такое различие свободных и несвободных, более и менее свободных действий было бы невозможно, если бы в нас на самом деле не было свободы. Самого различия между понятиями свободы и необходимости для нас не существовало бы, если бы на опыте мы не встречали фактов такого различия.

Устранить эти ясные и неоспоримые свидетельства нашего самосознания о нашей свободе детерминизм может не иначе, как объявив это сознание иллюзией, самообманом нашего духа.

Но считать иллюзией столь коренной, всеобщий, столь принудительный факт нашего сознания, как сознание свободы, значит совершенно подрывать достоверность нашего внутреннего опыта. Если бы сознание свободы являлось как редкий и частный случай, у некоторых только лиц, то мы могли бы считать его самообманом, подобным, например, ощущению мнимой болезни у человека, воображающего себя больным. Но может ли быть иллюзией коренное убеждение человечества, которое служит основанием всех его нравственных действий, всех юридических и социальных отношений. Не значит ли это считать все человечество, за исключением детерминистов, одержимыми хроническим самообольщением?

Б. Дальнейшим доказательством свободы воли служат факты внутреннего опыта, которые были бы необъяснимы без предположения этой свободы. Так, во многих случаях, прежде чем приступить к известному делу, мы размышляем, колеблемся, сделать ли его или нет; как бы сильны ни были побуждения, влекущие нас к какому-либо поступку, мы всегда можем приостановить нашу решимость на него, рассудить о возможных его последствиях и удержаться от его совершения, можем даже решиться на поступок совершенно противоположный тому, на который под влиянием первоначальных, более сильных мотивов решились прежде. Не показывают ли эти явления существования в нас свободной воли? Если бы действия человека всегда определялись, как учат детерминисты, более сильными мотивами, то за воздействием на нас таких мотивов тотчас же следовало бы и соответствующее им действие; приостановка действия, действие по менее сильному для нас мотиву было бы для нас немыслимо. Точно также немыслимо было бы для нас и раскаяние, которое мы часто чувствуем по совершении известного поступка. Такое раскаяние, сожаление, что мы поступили не так, как следовало, сопровождаемое уверенностью, что мы могли бы поступить иначе, было бы совершенно бессмысленным и даже невозможным, если бы не в нашей власти состояло совершить известный поступок или нет. Что это раскаяние не есть, как думают некоторые, простое

чувство огорчения вследствие неудачи или дурного для нас последствия известного поступка, видно из того, что мы часто раскаиваемся в поступках, которые не только не принесли нам вреда, но даже оказались полезными для нашего личного благосостояния. Таково, например, раскаяние в поступках, противных совести и нравственному долгу. Необъясним также с точки зрения детерминизма факт предположения нами известных действий в будущем. Как часто случается, что мы предпринимаем что-либо сделать в то или иное время, и наши предположения осуществляются! Возможно ли это было бы, если бы наши действия состояли не в нашей власти? Что не состоит в моей власти, того я не могу и предпринимать; если бы действительное исполнение задуманного нисколько не зависело от меня, то было бы совершенно бесполезно и обдумывать свои будущие поступки, так как совпадение исполнения с задуманным было бы делом чисто случайным, чему решительно противоречит опыт. Существование у всех народов, во все времена неискоренимого убеждения в ответственности человека за его поступки, убеждения, которое лежит в основании его понятия о законе, праве и обязанности, также необъяснимо без существования свободной воли в человеке. Какой смысл имело бы наше уважение к людям добродетельным, наше негодование, осуждение и презрение поступков порочных, если бы наши действия от нас не зависели, а безусловно определялись случайными или необходимыми внутренними мотивами наших действий? Не было ли бы величайшую несправедливостью предписывать человеку какой-либо закон, подвергать наказанию за неисполнение его, говорить ему о его правах и обязанностях, если на самом деле он нисколько не виновен в своих поступках, если весь образ его деятельности необходимо предопределен не зависящим от него строем его природы, влиянием окружающей его среды и сильнейших мотивов?

Вообще должно заметить, что уверенность в свободе воли составляет коренное основание нравственности, без которого она невозможна, а потому если бы отрицание этой уверенности стало всеобщим сознательным убеждением и было проведено

последовательно, неминуемо привело бы к полному разрушению нравственной и общественной жизни. Как бы ни были в частных случаях различны мнения людей о том, что должно считать нравственным и что безнравственным, во всяком случае все согласны в том, что есть существенное различие между добром и злом, и что к первому должно стремиться, последнего избегать. Это убеждение служит коренным основанием нравственности. Но оно было бы совершенно необъяснимо, если бы люди не были действительно свободны, потому что нравственно добром, также как порочным, может быть только свободно действующий человек. Человек, который действует необходимо, так что и в каждом отдельном случае не может действовать иначе, не может быть ни добрым, ни злым; подобного рода различия для него и существовать не может. Все его действия, как равно необходимые, будут для него равно естественными, законными, дозволительными и невменяемыми. Очевидно, если бы такого рода убеждение стало всеобщим и сознательным, то нравственная жизнь была бы подорвана в самом корне своем. Человек, уверенный, что его свобода не более как самообман, потерял бы всякую нравственную энергию, всякое стремление к нравственному усовершенствованию и с спокойною совестью стал бы игрушкой чувственных влечений и страстей, не считая себя ответственным за свои поступки. Вместе с этим исчезло бы у него и всякое уважение к законам, общественному мнению, предписаниям религии, как вполне основанным на ложном предположении свободной воли в человеке и в сущности нисколько для него не обязательным. К счастью человека и человечества, никакая ложная теория не может уничтожить в нем служащего основою нравственной жизни сознания свободы, и сами детерминисты не только не решаются последовательно провести свое учение, но вопреки ему в своей личной жизни и в отношениях к другим всегда действуют так, как будто они и другие были действительно свободны, что и служит наглядным доказательством несостоятельности их учения.

Разбор главных возражений против свободы воли

А. Главным возражением против учения о свободе воли служит то, что это учение противоречит, будто бы, закону причинности, который составляет всеобщий и необходимый закон бытия. Каждое явление, как в физическом, так и духовном мире есть действие, производимое какою-либо предшествующей причиной и вполне определяется ей; но, допуская свободу воли как самоопределение, мы вместе с тем допускаем возможность явлений и действий, ничем предыдущим не обусловленных, беспричинных, разрываем необходимую, законосообразную связь явлений в мире, противоречим положению: «нет действия без причины».

Возражение это основано на неправильном смешении причинности механической, необходимой, господствующей в природе физической, с причинностью, которая имеет место в области мира духовного. Что акты свободы не условливаются необходимо, как явления физические, действием предшествующих им внешних причин, это справедливо; но отсюда нисколько не следует, чтобы они были явлениями вовсе беспричинными; следует лишь то, что при существенном отличии духа от материи закон причинности в мире духовном должен иметь другую форму и осуществляться иначе, чем в области мира физического. Независимость воли, как говорит Кант, естественных причин не есть независимость ее от всяких вообще причин. Действительно, свободные действия имеют достаточную, свойственную себе причину в свободной воле, составляющей исключительную принадлежность духа. Но и сама свободная воля человека, как воля существа условного и ограниченного, не есть воля совершенно свободная, но в своих действиях определяется также свойственными себе **причинами** (мотивами своих действий); такие причины (как мы видели) заключаются в представлениях и понятиях разума, указывающих предмет и цель стремлений воли и служащих основанием, **почему** в каждом данном случае воля действует так, а не иначе. Воля, действующая без всякого основания, без

всякой причины, была бы не разумною волею, а бессмысленным произволом, случайностью. Отсюда видно, что свободные действия никако не противоречат закону причинности. Но существенное различие между причинностью физическою и духовною в том, что в физическом мире каждое явление **необходимо** условливается предшествующими причинами, а в мире духовном причины наших действий (мотивы) не имеют безусловно принудительного влияния на нашу волю, они являются не причиной, а только поводом наших поступков, во власти воли человека состоит определить себя к действию тем или иным из возможных мотивов. Доказательством тому служат несомненные факты внутреннего опыта, показывающие, что хотя невозможно никакое разумное действие без какого-либо мотива, но в то же время никакое наше действие не состоит в неизбежной зависимости от определенного мотива, что одно и то же действие может обуславливаться совершенно различными побуждениями, что мы можем предпочесть мотив слабейший сильнейшему, можем противодействовать одному побуждению и следовать другому.

Б. Силу фактов, свидетельствующих о свободе воли, детерминисты думают устраниТЬ указанием на многочисленные факты полной будто бы зависимости наших действий как от характера, темперамента, привычек, страстей, так и от влияния внешних, окружающих человека, условий его жизни: климата, образа жизни, воспитания, нравов, обычаяев. Что все эти условия, как показывает опыт, имеют значительное влияние на характер духовной жизни человека, а вследствие этого и на направление его воли, это справедливо; но несправедливо и противоречит опыту то мнение, будто это влияние безусловно и исключает возможность свободных действий. Что касается до характера и привычек, то не должно забывать, что они не составляют чего-либо данного от природы и неизменного. Характер и привычки образуются постепенно и при участии в их образовании свободной воли человека, так что зависимость от них есть, так сказать, косвенная зависимость воли от самой же себя, от ее прежних решений. Правда, раз уже сложившийся характер и укоренившиеся привычки оказывают сильное

влияние на последующее направление воли, но нельзя сказать, чтобы они уничтожали ее свободу, чтобы противодействие им, исправление дурного характера, изменение привычек было невозможно, хотя оно трудно и требует усиленной энергии воли. Тоже должно сказать и о страстиах; первоначальные зародыши их легко могут быть заглушаемы свободной решимостью человека противодействовать им; но и дальнейшее, не без вины человека состоявшееся усиление их, никогда не может быть настолько сильным, чтобы совершенно подчинить свободу человека и сделать невозможной борьбу с ними. Темперамент есть, конечно, естественная, не зависящая от воли человека особенность его природы; но он может иметь влияние только на частные оттенки человеческих действий, оставляя широкое поле для свободной его деятельности и притом не только согласной с темпераментом, но и противоречащей ему; так, например, человек по природе пылкий, склонный к вспышкам гнева, может сдерживать себя и при помощи упражнения своей воли ограничивать живость своего темперамента.

Также мало может говорить против свободы воли и зависимость человека от окружающей его среды, — общества, воспитания, климата и пр. Эта зависимость неоспорима, но она свидетельствует только об ограниченности нашей свободы, а не об отсутствии ее. Человеческая свобода не есть всемогущество, как свобода существа условного, она естественно ограничена и общими законами бытия вселенной, и средой, и обстоятельствами, среди которых он существует в данное время; но эта среда не только не порабощает человека, но сама способна к видоизменению под влиянием его свободы. Как, человек, не имея полной власти над окружающей его природой, может однако же оказывать на нее воздействие и до известной степени господствовать над ней, так точно, хотя он не властен безусловно над окружающей его нравственною средою, в которой рожден и воспитан, и подчиняется более или менее ее влиянию, но в то же время и с своей стороны может оказывать на нее влияние и возвышаться над нею. Иначе необъяснимо было бы ни прогрессивное движение в жизни народов и человечества, ни чрезвычайное разнообразие нравственных

состояний между отдельными лицами. Если бы, как думают некоторые (Бокле), культура, быт, религия, государственные учреждения народов всецело определялись климатом, почвою, географическими особенностями занимаемых ими стран, то народы, постоянно живущие в известной стране, оставались бы постоянно неподвижными, без всякого уклонения к лучшему или худшему. Всякое движение вперед предполагает, что если не все, то некоторые более выдающиеся личности способны освободиться от влияния окружающей их среды, от господствующих нравов, убеждений, заблуждений и малопомалу изменить данное положение вещей на другое, лучшее. Что касается до отдельных лиц, то на независимость человека от окружающей среды указывает уже чрезвычайное разнообразие нравственной деятельности людей при одних и тех же, общих для всех, внешних условиях этой деятельности. Среда и обстоятельства жизни могут увлекать только людей с слабою волею; для людей порочных они могут служить предлогом для оправдания их порочной жизни; но человек с достаточной нравственной энергией всегда может возвыситься над окружающей его средой, не подчиняясь ей; может, например, исправить недостатки своего воспитания, идти против господствующих предрассудков и ложных мнений и пр.

В. Против учения о свободе воли детерминисты указывают на данные статистики, которые показывают, что многие, кажущиеся нам произвольными, действия людей, например, брак, различного рода преступления, убийство, воровство, самоубийство, на самом деле строго подчинены какому-то неизвестному нам закону, вследствие которого в течение известного периода времени они неизменно повторяются в одинаковом числе и в одинаковом процентном отношении к данному количеству народонаселения. Но если над действиями людей господствует какой-либо общий закон природы, то о свободе воли не может быть и речи.

Что касается до фактов, приводимых статистиками, то должно заметить, что они далеко не представляют такой всеобщности, точности и достоверности, которая позволяла бы делать на основании их правильное заключение и обобщение.

Сколько-нибудь достоверные статистические данные собраны в немногих цивилизованных странах и не за продолжительное время; как сами эти данные, так и выводы из них сами статистики признают только приблизительными, так как они постоянно допускают множество исключений, и статистические выводы, сделанные в одной стране, противоречат наблюдениям, сделанным в другой. Можно ли делать отсюда какое-либо заключение о существовании неизменных законов, определяющих человеческие действия? Если бы такие законы существовали, то невозможны были бы исключения из них, особенно столь частые, какие представляет статистика, также как невозможны исключения из законов природы, как невозможны частные случаи уклонения от них. При том же, закон природы, как всеобщий и необходимый, должен бы простираться не на большие только группы людей (народ), но и на отдельные лица; человек, например, который находится в совершенно одинаковых обстоятельствах жизни с убийцею, и сам должен бы быть убийцею; но этому решительно противоречит опыт, при возможном сходстве, даже тождестве условий и обстоятельств действия сходных даже по духовному развитию лиц бывают очень различны.

Что касается до заключения, выводимого из фактов статистики, – отрицания свободы воли, то даже при предположении их правильности оно нисколько не вытекает из них. Факт повторения известных действий в приблизительно одинаковом числе в течение известного периода времени нетрудно объяснить и при существовании свободы воли. Свобода не есть безграничный произвол; в своих проявлениях (поступках) она определяется, хотя и не безусловно, мотивами, как внутренними, так и внешними. Но так как при данном, более или менее однообразном, духовном состоянии большинства лиц в известный период времени и при одинаковости внешних условий жизни и мотивы более или менее одинаковы, то и действия людей приблизительно могут быть одинаковыми и выражаться в одинаковом количестве фактов того или иного рода. Так, например, при одном и том же уровне общественной нравственности и при тех же социальных условиях естественно

могут вытекать и одинаковые последствия такого нравственного состояния в виде, например, известного числа убийств или самоубийств. Но каждое изменение умственного, нравственного, социального положения данного общества или народа, которое может совершаться, очевидно, только вследствие свободной деятельности свободных лиц, неизбежно будет сопровождаться и изменением количества и качества поступков или фактов, отмечаемых статистикою. Таким образом все подобного рода факты, однообразно повторяющиеся в течение известного периода времени, служат выражением однообразных **свободных** действий отдельных лиц известного общества, а отнюдь не необходимым следствием какого-то внешнего, известного закона природы.

Происхождение души

По вопросу о происхождении души в человеке существуют разные мнения. Одно из них языческого происхождения, появившееся в глубокой индусской древности, дошедшее чрез греческую философию до наших дней и предлагаемое ныне теософией, учит, что душа каждого человека существует уже гораздо раньше появления его тела; она уже раньше жила в многих людях; после смерти каждого из них она переходила (перевоплощалась) в другое тело, пока дошла до данного человека, после смерти которого она опять войдет в новое тело, опять будет жить на земле в новом человеке, потом опять в новом, и т. д. Это перевоплощение происходит для того, чтобы человек мог очистить живущую в нем частицу Божества, чего он не может сделать за время одной земной жизни; для этого дается ему следующая и если нужно, и последующая земные жизни, в которые он должен очищаться от своей душевной нечистоты, до тех пор, пока не очистится совершенно⁵¹. Против этого должно сказать следующее. Если душа человека жила несколько жизней раньше, почему она ничего не помнит из происшествий своих прежних жизней? Забыть целые свои жизни с их действиями совершенно неестественно. Ведь я помню свою теперешнюю земную жизнь до раннего ее детства потому, что моя личность та же в течение всей моей жизни. Если же я был один и тот же в предшествующих своих жизнях, почему я их не помню? Правда, человек, иногда впадая в обморочное состояние, ничего не помнит из того, что было с ним за это время. Но он ведь не помнит только того, что было с ним во время обморока; а что было раньше обморока, он, очнувшись от бессознания, помнит все. Таким образом, он может не помнить того, что было с ним в промежуточных между прежними жизнями состояниях; а что он переживал в этих своих жизнях, то он должен помнить, если он был один и тот же. По этому вопросу еще ученый Локк заметил, что если **нет памяти** о прежнем воплощении, то **нет и тождества личности**, нет, следовательно, и перевоплощения, а есть воплощение заново

совсем нового я. Ибо, где память, там и тождество личности; где тождество личности, там и память.

Такие перевоплощения с отсутствием памяти о прежних переживаниях бесцельны и для другой выдвигаемой этим учением цели, именно для очищения от предшествующей своей нечистоты, для нравственного улучшения. Если я ничего не помню о своих предшествующих поступках, о своих грехах и нечистоте, то в каком же направлении я должен буду работать в этой своей земной жизни? Что мне нужно исправлять и очищать? Этого я и сам не знаю, и никто мне не может этого указать, посему и предшествующие мои жизни в этом отношении окажутся бесцельными, а потому и не нужными.

Вместе с тем нужно обратить внимание и на следующее. Человек есть не только духовное, но духовно-телесное существо. И тело в человеке не есть какая-то случайная и придаточная часть или приращение в человеческом составе; оно не есть только оболочка души, ее инструмент, орудие. Тело занимает в жизни человека весьма важное место, и духовная и телесная сторона человека неисследимо, но весьма тесно переплетаются друг с другом, так что составляют одно целое, единого человека. Еще древний философ Аристотель выяснял, что человек есть некое «единое живое из двух и в двух природах; обе существуют только вместе, в некоем изначальном и нераздельном соприкосновении»⁵². В христианском благовестии открывается, что духовно-телесность есть изначальный и вечный образ бытия человеческого; вне своей духовно-телесности человек перестал бы быть человеком. Он не может сделаться ангелом или бесом, ибо ангелы и бесы суть бестелесные существа, а человек телесен; он также не может сделаться камнем или деревом, ибо он духовен; он навсегда должен быть духовно-телесным существом.

Но здесь далее нужно отметить другое важное обстоятельство. Душа человека единична и неповторяется. Это значит, что не было и нет в мире двух человеческих душ, совершенно одинаковых, тождественных между собой, как нет в мире, хотя бы и материальном, двух совершенно одинаковых и

тождественных предметов. На первоначальный и поверхностный взгляд многие предметы как будто одинаковы между собой; но если всмотреться в них ближе, найдем какое-нибудь различие между ними. На одном и том же дереве нет двух листков совершенно тождественных между собой; нет совершенно одинаковых двух гвоздей, вышедших из одного куска железа и из-под одного и того же фабричного станка; если всмотреться ближе, особенно, например, под увеличительным стеклом, найдем между ними разницу; каждый предмет, как говорят, индивидуален. Так и каждое тело человеческое индивидуально, не похоже на другие тела. Это отчасти показывает и медицина, признавая, что один организм человеческий более подвержен влиянию какой-либо болезни, другой менее; такое-то лекарство действует на один организм иначе, чем на другой. И если сравнительно низшие по организации тела природы индивидуальны и не тождественны друг с другом, тем более индивидуальны такие сложные существа, как души человеческие⁵³. Но человек есть существо не только индивидуальное и неповторяющееся; он, как мы видели из отдела о «духовности души», есть существо самобытное, самостоятельное и личное, и все в нем, так сказать, «личностно»; личностью в человеке и его теле⁵⁴; оно есть живая нераздельная сторона личности, оно есть орган только именно этой, а не другой души, и эта данная душа человека может жить и развиваться только именно в этом, более не повторяющемся теле, а не в другом. Потому Иисус Христос после Своей смерти не принял другого тела, а воскрес именно в своем, израненном крестными страданиями, теле, на что Он указывал Своим ученикам (Ин.20:20, Ин.20:27). Он вознесся на небеса опять именно с этим же телом; а явившиеся затем апостолам ангелы возвестили: «Сей Иисус, вознесшийся от вас на небо, придет таким же образом, как вы видели Его восходящим на небо» (Деян.1:11). Здесь ангелы разумели, конечно, второе пришествие Спасителя в конце мира для Страшного суда, когда Он придет с тем же самым, Своим телом, с которым вознесся на небо. Этот пример Спасителя, а вместе и вышеупомянутые рассуждения показывают, что связь в человеке между данным

телом и данной душой, существующая в этой земной жизни, не уничтожается никогда, и душа человека потому не может принять никакого другого тела, кроме данного, и, следовательно, перевоплощение в таком случай невозможно.

Христианское учение говорит, что *людям положено однажды умереть* (*Евр.9:27*), а не несколько раз умереть, как учит теория перевоплощения. Здесь читатель может спросить: если связь данной души и данного тела в человеке не уничтожается никогда, то как же смотреть на смерть, ведь в смерти человека тело разлучается от души? На это отвечает христианское учение о воскресении: при кончине мира все тела опять соединятся с своими душами, каждое тело воссоединится с той именно душой, с которой оно жило в этой земной жизни. «Вне тела человеческого личность может жить лишь в умаленной жизни, ожидая восстановления тела; без тела нет полноты жизни, нет целостности⁵⁵. И православное учение говорит, что после смерти и до всеобщего воскресения души праведников находятся «в предначатии» блаженства, а души грешников «в предначатии» мучения; полное же воздаяние, т.е. полная жизнь человека последует после всеобщего воскресения и Страшного суда. Как и что сохраняется при смерти, почему смерть, неся с собой распад тела, не есть развоплощение, т.е. прекращение телесности в человеке, – этого мы коснемся впоследствии, при объяснении 11-го члена Символа веры («чаю воскресения мертвых»).

Сторонники теории перевоплощения пытаются найти подтверждение своего учения в Священном Писании. Они указывают на следующие слова Евангелия: «*Спросили Иисуса ученики Его: как же книжники говорят, что Илии надлежит прийти прежде? Иисус сказал им в ответ: правда, Илия должен прийти прежде и устроить все; но говорю вам, что Илия уже пришел и не узнали его... Тогда ученики поняли, что Он говорил им об Иоанне Крестителе*» (*Мф.17:10–13*); следовательно, говорят, Иоанн Креститель и есть перевоплощенный Илия. На это нужно сказать, что Спаситель никак не мог считать Илию «перевоплощенным», ибо, во-первых, пророк Илия и не умирал, а в своем же **теле** был взят

на небо (4Цар.2:11). Во-вторых, никто другой, как Илия пророк, в своем личном образе, предстоял Спасителю на горе Преображения, с Моисеем (Мф. 17:3) и, следовательно, никак не был уничтожен личностью своею. И ведь это явление пророка Илии на горе Преображения было после рождения на земле Иоанна Крестителя. Наконец, когда иудеи спросили Иоанна Крестителя: «Что же? ты Илия? Он сказал: нет» (Ин.1:21). Как же понять слова Спасителя об Иоанне Крестителе? В другом месте Спаситель говорит ученикам: «Если хотите принять, он (Иоанн Креститель) есть Илия, которому должно прийти» (Мф.11:14), т.е. здесь Спаситель указал на иносказательность Своей речи («если хотите принять»). Еще яснее становится смысл слов Спасителя при сопоставлении их с словами ангела Захарии, что Иоанн Креститель *предъидет пред Господом в духе и силе Илии* (Лук.1:17), т.е. по своей жизни и делам очень будет подобен Илии.

В другом случае указывают на слова апостолов, когда они спрашивали Спасителя о слепорожденном: «Кто согрешил, он или родители его, что родился слепым?» (Ин. 9:2); если слепой мог согрешить еще до своего рождения, то, следовательно, заключают, он мог согрешить только в предыдущих своих жизнях. Но на это нужно заметить, что это говорил не Спаситель, а апостолы, еще не просвещенные Святым Духом. Ведь во время земной жизни Спасителя апостолы не все в учении Христа понимали, например, притчи («приступивши к Иисусу, ученики Его сказали: изъясни нам притчу о плевалах на поле» (Мф.13:36); в другой раз Спаситель говорит ученикам: «Разве вы не понимаете этой притчи? как же вам уразуметь все притчи?» (Мк.4:13)). Некоторые стороны учения Христова апостолы понимали пока еще неправильно, например, учение Спасителя о Царствии Божием, представляя его в смысле земного царства еврейского народа (Деян.1:6), как понимали это большинство тогдашних иудеев. И только после сошествия Святого Духа на апостолов они правильно поняли и уразумели все учение Спасителя. А до того времени такое же общеноародное мнение о предсуществовании души человека до его рождения могли разделять и апостолы. Что же ответил им

Христос? Он ясно и определенно сказал им о слепорожденном: «Он не согрешил», и добавил при этом: «Это для того, чтобы на нем явились дела Божии» (Ин.9:3), указывая этим, что это явление другого порядка, высших Божественных планов и не относится к предшествующим жизням человека.

Но как же объяснить, например, такие явления, когда человек, попав в какую-либо местность или обстановку, вдруг вспоминает, что он как будто бы уже был здесь раньше, узнает разные подробности этой обстановки. Или бывают случаи, когда человек указывает некоторые подробности, которые уже исчезли из данной современной обстановки, но которые существовали здесь раньше; например, вспоминает что-либо, что в таком-то месте старинного замка то-то замуровано, и т.д. Эти явления, говорят, можно объяснить только допущением прежних жизней человека, в которых эти факты были ему известны, о которых он теперь вспоминает. Но эти явления могут быть объяснены и другим образом. Современная нам психология в учении Юнга говорит следующее. В душевной нашей жизни существуют две области: сознательная, которую мы чувствуем и понимаем, и подсознательная. Погружаясь в глубину собственного подсознания, мы находим там как бы подпочвенное напластирование всех слоев нашей жизни – это подсознательная память, которая хранит все и помнит все, но из которой сознательная память умеет извлекать лишь немногое. Если мы спустимся еще глубже, то увидим, что в этих напластированиях нашей жизни, точнее, под ними можно открыть еще более древние пластиры уже бессознательной жизни народа и всего человечества. Мы погружены в это коллективно-бессознательное, – оно в нас и мы в нем. И мы можем прочесть в нем всю душевную историю человечества с его «грехопадением», с его «потерянным раем», с его Каином и Авелем, с его демонами и бесами, с его кровосмесениями, убийствами, подвигами, страданиями и раскаяниями. Как ученый, изучающий строение земли, читает всю историю земли по разрезу ее пластов – и вся она дана здесь сразу и в настоящем, так в подсознании дана сразу и в настоящем вся история души, и в ней **все времена**. Здесь душа поистине

всевременна и потому не подчинена времени; она несет вечность в себе; надо только уметь ее видеть, уметь в ней читать. В подсознании живут, следовательно, все времена в вечном настоящем. Но главное, в подсознании живет **предчувствие** и предвосхищение будущего. Здесь лежит ключ к тайне предсказаний⁵⁶. При таком представлении о характере и содержании душевной жизни человека с ее возможностями, хотя бы в подсознательной ее области знания прошедшего и будущего открываются неограниченные возможности, когда сознательная память человека может под влиянием тех или иных обстоятельств извлечь из подсознательной области какого-либо факт, уже находившийся раньше в душе человека, и теперь появляющийся, как уже известный. Типичным проявлением подсознательной жизни человека является весьма таинственное состояние сна человека с его сновидениями. Мы вспоминаем свои сновидения, но обыкновенно только те, которые мы переживаем в более легком сне, в состоянии дремоты или пред пробуждением; сновидения же во время самого глубокого сна мы обыкновенно не помним. И вот оккультисты говорят, что во время глубокого сна душа человека может некоторыми своими сторонами пребывать в разных местах, вне своего тела, сохраняя однако же с ним реальную связь и возвращаясь затем опять в него. Если так, то в эти свои состояния душа может запечатлеть себе ряд картин различных местностей, каковые представления, как полученные во время глубокого сна, человек не помнит и которые он вдруг вспоминает, когда в соответствующий момент сознание человека извлечет их из подсознательной области. Следовательно, вышеприведенные факты «воспоминаний» человеком разных дотоле ему неизвестных обстоятельств, что, по-видимому, удовлетворительно может быть объяснено только теорией перевоплощения душ, на самом деле гораздо проще могут быть выяснены из рассмотрения характера душевной жизни человека.

Таким образом, теория перевоплощения, как и теория предсуществования душ, по каковым учениям душа человека будто бы существует раньше рождения человека на земле, не

могут быть приняты. И православная Церковь выразила свое учение об этом в постановлениях пятого Вселенского Собора: «Последуя божественным словам, Церковь утверждает, что душа творится вместе телом, а не так, чтобы одна творилась прежде, а другое после».

По вопросу об образе творения Богом души человека существуют два мнения. По одному, душа человеческая творится непосредственно Богом из ничего и затем соединяется с телом в утробе матери. Но с этим нельзя согласиться, ибо, по христианскому учению, существует так называемый первородный грех, переходящий от Адама на всех последующих людей, так что всякий человек уже рождается с наследственным грехом⁵⁷; апостол Павел говорит: «Как одним человеком грех вошел в мир, и грехом смерть, так и смерть перешла во всех человеков, потому что в нем все согрешили» (Рим.5:12). Если же души человеческие творятся непосредственно Богом, то как же на них может переходить наследственная греховая порча? Ведь из рук Творца они могут выйти только чистыми, а не греховными. С другой стороны, встречаются такие явления, когда в характере человека, на его душевном складе отражаются духовные черты его родителей, а иногда и более отдаленных предков его. Как они могут перейти к ребенку, если его душа создана непосредственно Богом из ничего?

По другому мнению, души человеческие творятся Богом не непосредственно, а посредственно; Бог творит человеческие души, как и тела силою того же самого благословения «раститься и размножаться» (Быт.1:28), которое Он даровал нашим прародителям еще вначале, – творит не из ничего, а от душ родителей. При такой точке зрения легче объясняется и первородный грех, а также и переход душевных склонностей и особенностей от предков к потомкам. Такой точкой зрения подкрепляется мысль об общем начале людей. Наконец, в пользу этого мнения о посредственном творении Богом душ человеческих говорят многие изречения Святого Писания. Так, первоначальное благословение Божие о размножении людей (Быт.1:28) выражено теми же словами, какими выражено оно и о

размножении всех животных (Быт.1:22); об Адаме говорится, что он родил сына с точным подобием своим (Быт.5:3), подобно как сам он сотворен с точным подобием Божиим (Быт.1:26); апостол Павел ясно говорит, что *Бог от одной крови произвел весь род человеческий* (Деян.17:26).

Правда, в этом случае можно спросить: не допускается ли здесь мысль о некоей делимости душ родителей при рождении от них душ детей, между тем как душа человека неделима? Но этот вопрос превышает уже человеческое понимание для нас, например, совершенно неизъяснимо и то, как Бог, Дух чистейший, может рождать из существа своего Сына и изводит Святого Духа, – однако же Откровение учит, что Бог действительно вечно рождает из существа Своего Сына, вечно и изводит Святого Духа, не подвергаясь никакому делению. Потому-то еще древние учителя Церкви повторяли, что тайна творения наших душ понятна одному Богу⁵⁸.

Бессмертие души

Душа человека есть существо лично бессмертное. Об этом Спаситель говорит так: «*Не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить»* (Мф.10:28) – «*Любящий душу свою погубит ее; а ненавидящий душу свою в мире сеm сохранить ее в жизнь вечную»*(Ин.12:25). Так единогласно учили и все святые Отцы, и учители Церкви.

Между тем есть учения, отвергающие бессмертие души человека. Так, материализм, считая душу материальною и вещественною, не может признавать ее и бессмертною. Ибо все вещественное в силу своей сложности и изменчивости подчинено закону разрушения, тому же закону подлежит и наше тело, в существенную связь с которым материалисты ставят и нашу душу. Ввиду особенной важности учения о личном бессмертии для нашей нравственной жизни должно представить доказательства истины этого учения.

1. Онтологическое доказательство бессмертия души

В нашей душе существует идея бессмертия. Что эта идея есть существенная принадлежность нашего разума и не получена извне, из опыта, показывает уже то одно, что на опыте мы видим лишь факт смерти нашего организма, с которым в настоящей жизни душа тесно соединена, и что чувствами своими мы не можем наблюдать существование душ людей по разрушении их тел. Кроме того, доказательством происхождения этой идеи не из внешнего мира служит ее **всеобщность и необходимость**.

Что касается до всеобщности ее, то мы на основании исторических данных и из наблюдений над народами должны признать как несомненный факт, что все народы древнего и нового мира в той или другой форме признавали и признают загробное существование человека. Эта идея сознается людьми даже более, нежели идея существования Бога. У дикарей, у которых встречаются тусклые, едва заметные, проблески религиозной идеи (например, у австралийцев), мы находим ясные следы веры в загробную жизнь в виде суеверного страха появления умерших и обряды, направленные к предотвращению подобного появления.

Но идея бессмертия есть не только всеобщая, но и необходимая. На это свойство ее указывает уже то, что человек, сколько бы ни насиливал своей мысли, как бы он теоретически ни отрицал свое бытие после смерти, но тем не менее он никак не может вообразить себя уничтожившимся. В самой мысли о своем несуществовании он все-таки будет представлять себя же несуществующим, он никак не может отрешиться от своего личного я. Этот факт выражает не что иное, как внутреннее и глубочайшее сознание нашей духовной природы об одном из существенных своих свойств, бессмертии. Как душа наша не может представить себя сложеною из отдельных частей, не может представить свои мысли, чувства, желания имеющими цвет, запах и другие физические свойства, так точно не может представить себя разлагающейся на части, уничтожаемою, как

тело, несуществующею. Такая невозможность мыслить свое исчезновение в сущности есть не что иное, как инстинктивное выражение присущей нам идеи бессмертия.

2. Психологическое доказательство бессмертия души

Основанием этого доказательства служит мысль о духовности души и об отличии ее от тела. Если (см. выше «Доказательства духовности души из сравнения общих ее свойств с свойствами предметов материальных») душа противоположна телу по всем существенным своим свойствам и если по своему происхождению и в своей чисто духовной жизни она независима от него, то естественно возникает предположение, что она должна быть противоположна телу и в отношении к продолжаемости бытия, и что, как начало, так и конец ее существования независимы от физического процесса происхождения и разрушения нашего телесного организма. Это предположение вполне подтверждается разбором двух главных свойств души, – ее **простоты** (несложности) и **самодеятельности**.

А. Что касается до первого свойства, то из него, очевидно, следует, что душа, как существо простое и несложное, не может быть разделена на части или разложена, подобно предметам физическим; но вместе с этим для нее устраивается и возможность уничтожения посредством делимости. Предмет вещественный может быть уничтожен посредством простого механического раздробления или посредством химического разложения его частей вследствие неблагоприятных для его существования условий. Душа по своей нематериальной сущности, по своей неделимости и неразлагаемости на какие-либо простые элементы не может быть доступна и влиянию того разлагающего действия физических причин, которое производит разрушение физическое; причины, производящая смерть тела, не касаются души.

Но даже и в физико-химической области мы находим бессмертие, ибо здесь существует закон, по которому физико-химическая энергия сохраняется. Если же, рассуждаем далее, сохраняется физико-химическая энергия, т.е. энергия низшего порядка, то тем более может и должна сохраниться

человеческая душа, ибо она есть также энергия, то более высшего свойства.

Б. Другое существенное свойство души человека есть **самодеятельность** или, точнее – саможизненность. Отличаясь этим свойством от предметов вещественных, она обладает способностью не только просто существовать, но и жить, развиваться независимо от одних только внешних соотношений с материальными предметами. Наша душа не есть только хранительница чуждых ей по природе впечатлений внешнего мира, но начало самодеятельное, развивающее из себя самого разнообразные явления духовной жизни, хотя и под некоторым влиянием внешних условий. Она не только усваивает эти впечатления, но и самостоятельно перерабатывает их в различные роды представлений, понятий и прочее.

Все это показывает, что душа, как существо не только простое, но и саможизненное, может не просто лишь существовать после смерти тела, как безличная и бескачественная сущность, но и жить с сохранением не только своих существенных свойств, разума, свободы, сознания, но и всего приобретенного и своеобразно переработанного ею в период своего земного бытия, что и составляет ее индивидуальность.

Против доказательства бессмертия души, основанного на понятии ее простоты и самодеятельности, Кант замечает, что оно свидетельствует только о том, что душа не может быть уничтожена посредством разложения на части, как предметы физические или наше тело; но оно не говорит ещё о том, чтобы для нее невозможен был другой какой-либо способ уничтожения, например, через постепенное ослабление душевной силы, которое может дойти до совершенного ее уничтожения. Душа может исчезнуть, как постепенно замирает звук, как постепенно слабеющий и наконец исчезающей свет. Различные степени энергии наших душевных сил и самого сознания, то более, то менее ясного, по-видимому, указывают нам, что ослабление сознания может дойти до полного его уничтожения, а вместе с ним и самой души.

Это возражение против бессмертия души погрешает тем, что вроде смешивает обнаружения духовной жизни с самой душой, лежащей в основе этих обнаружений. Может увеличиваться и уменьшаться энергия различных проявлений душевной жизни, может даже вовсе не проявляться этой энергии до известного возбуждения и развития их, например, в младенчестве, но самой души это может не касаться. Может замереть звук, но не уничтожится воздух, производящий звук своими колебаниями, может погаснуть электрическая лампа, но вместе с этим не уничтожится электричество, светившее через лампу.

Что касается сознания человека, то мы имеем факты не только различной степени его ясности, но и совершенного исчезновения его, например, во время сна, обморока и пр. Но действительно ли здесь упадок сознания доходит до совершенного уничтожения его? Если бы оно на самом деле уничтожалось, то вновь возникшее сознание было бы уже не то же самое, что прежде, а иное, между тем как человек осознает себя одним и тем же, как до сна и обморока, так и после. Итак, строго говоря, сознание не исчезало в человеке, а только находилось на самой низшей степени проявления, настолько низкой, что казалось как бы несуществующим. Что сказано нами о сознании, то относится и к другим душевным актам. Известны случаи воспоминания того, что в течение многих лет казалось совершенно забытым и исчезнувшим; так же, как представления и мысли, хранятся иногда в нашей душе склонности, желания и чувства, которые мы считали совершенно исчезнувшими, но которые при благоприятных условиях ожидают и пробуждаются в нас с прежнею силою и энергией. Все это ясно показывает, что в нашей душе ничто окончательно не исчезает.

Сама память человеческая, как способность сохранения и воспроизведения представлений и мыслей человека, является сама по себе как бы протестом против смерти. Ведь память стремится сохранить мысли и идеи не только отдельного человека, но и других людей, благодаря чему существует наука, искусство; умирают отдельные учёные и художники, но их мысли и произведения память человеческая сохраняет в науках и

искусствах и этим стремится как бы преодолеть смерть и уничтожение, стремится в возможной для них степени к бессмертию.

Но современная психология считает, что духовное бытие человека совершенно не исчерпывается его сознанием. В духовной жизни существуют, помимо сознательной, еще подсознательная и сверхсознательная области. Поэтому, говорит профессор Б.Вышеславцев, если даже смерть означает потерю сознания, то это еще вовсе не значит уничтожения души, а может означать всего только переход из сознательного бытия в бессознательное. Ученый Фрейд установил любопытный факт: подсознание не верит в смерть; – бессознательно, инстинктивно мы живем так, как если бы смерти не было. Сознание, мысль знает о существовании смерти; но подсознание как бы на это «не обращает внимания». Замечательно, что во сне (в подсознательной жизни) мы никогда не видим умерших в виде потусторонних призраков и теней – мы их видим живыми, как они были; иногда мы чувствуем, что они как бы надолго оставили нас и потом опять вернулись. Подсознание как бы скрывает от себя их смерть ... Подсознательная душевная область как бы всевременна; она сразу живет прошлым, настоящим и будущим, в сущности не делая между ними строгого различия; в подсознании душа несет в себе вечность⁵⁹.

Не подсознательное ли убеждение в бессмертии лежит в основе, например, медицины, которая хотя в лице многих своих представителей и весьма сближается с материализмом, тем не менее основной своей целью имеет борьбу с человеческой смертью, стремится сколько возможно продолжить жизнь человека; идеал медицины – бессмертие человека, к каковому бессмертию она упорно и стремится.

Наконец, у многих людей существует стремление более или менее обеспечить свою память в потомстве и вообще в будущих поколениях путем постановки всевозможных памятников, надгробных ли, в науке, искусстве, архитектуре и пр. Не есть ли это – бессознательное, но неудержимое стремление к бессмертию?

3. Нравственно-телеологическое доказательство бессмертия души

А. Высшим и отличительным свойством человека, составляющим его превосходство над всеми живыми существами природы, является разум. Но для чего дан человеку разум? Для удовлетворения ли только потребностей земной жизни человека? – конечно, нет.

Существование на земном шаре многочисленных животных, вполне достигающих своего назначения и обеспечивающих свое существование при помощи органов чувств и инстинкта, показывает, что и человек легко мог бы обойтись без той существенной особенности его природы, которую мы называем разумом, если бы цель его бытия была ограничена простым физическим существованием. Подлинная и высшая цель существования разума есть познание истины. Но истина в ее высшем, идеальном значении предполагает отрывочное только знание тех или других сторон существующего; она должна знать все существующее и понимать внутреннюю связь его частей и единства. Поэтому и стремления разума не удовлетворяются частными познаниями предметов и явлений, но имеют в виду знание истины полной. Вот почему не удовлетворяют человека существующие знания; несмотря на богатство и громадность собранных уже сведений, которых не осилить одному человеку, он однако же никогда не доволен ими. Неудержимое, беспокойное стремление влечет его пытливый ум дальше и дальше; он не унывает, когда падают одна за другую, казавшиеся прочными навек, системы знания; его не останавливают ошибки и неудачи; его не приводит в отчаяние краткость жизни и невозможность усвоить даже ограниченный запас уже приобретенных человечеством познаний. Он неудержимо идет вперед с смелою уверенностью, которая может быть внушена только тайным сознанием необходимости такого стремления к знанию полному и безусловному. Но попятно, что если стремление к познанию полной истины есть не мечтательное, а существенное выражение природы нашего

разума, то оно не может быть осуществлено в настоящей жизни, как по ее кратковременности, так и по встречающимся в ней препятствиям к достижению истины. Посему необходимо допустить после этой земной жизни другую жизнь, где это стремление нашего разума к истине находило бы свое удовлетворение.

Б. Человек по своей природе есть существо не только разумное, но и нравственное. Потребность нравственного усовершенствования столько же ярко, если не более, выделяет человека из ряда других существ земного шара, как и стремление к истине. Само существование в нас этой потребности, точно также, как и стремления к знанию, указывает на то, что назначение наше далеко не ограничено тесными пределами земной жизни. Правда, некоторая степень развития нравственного чувства необходима и для обеспечения земного благосостояния человека, для возможности сожительства людей и соединения их в общество. Но в то же время нетрудно видеть, что для достижения таких целей общежития достаточно было бы простого инстинктивного влечения человека к совместной жизни с другими людьми, – инстинкта, который мы находим и в породах животных, живущих обществами. Стремление же к нравственному совершенству по большей части не имеет никакого заметного отношения к поддержанию земного благосостояния, частного ли то или общественного, но часто, и притом в высших проявлениях нравственного чувства, например, в области религиозной, идет вопреки этому благосостоянию, налагая на человека ограничения и стеснения его естественных влечений, различного рода подвиги и пожертвования земным благосостояниям.

Таким образом, в самом характере нравственных стремлений заключается уже указание на то, что цель их не ограничивается удовлетворением потребностей земной только жизни человека. Но в таком случае и окончательного удовлетворения им не может дать жизнь земная, и полного достижения человеком нравственной цели своего бытия мы должны искать за пределами этой земной жизни.

Что идеал нравственного совершенства далеко не осуществляется здесь, на земле, в жизни ли то отдельных лиц или всего человечества, это факт бесспорный и для каждого очевидный. Вопрос может быть лишь в том, от чего происходит это неосуществление нравственного идеала? От каких-либо случайных и частных причин, которые устранимы, — или причины этого явления мы должны искать где-либо глубже, в самом существе нравственных стремлений и в положении человека здесь, на земле? Но частные и случайные причины могли бы произвести только случайное недостижение нравственного совершенства некоторыми людьми; между тем мы видим, что это явление всеобщее. Действительно, главный источник его заключается в самой сущности нравственных стремлений, в их безграничном характере. Никакое данное нравственное совершенство, как бы высоким оно ни казалось, не может удовлетворить нравственное чувство человека; каждая достигнутая степень этого совершенства указывает на новую, еще высшую, и так далее в бесконечность. И это сознание неосуществимости нравственного идеала становится тем живее и яснее, чем выше нравственное достоинство человека. Только невысоко стоящий на пути нравственного развития человек может испытывать обманчивое чувство самодовольства своим состоянием; чем нравственнее человек, чем тоньше и чувствительнее в нем нравственное самосознание, тем с большею ясностью и живостью предносится перед ним недосягаемость идеала нравственного совершенства. Это явление показывает, что истинная цель нашего нравственного стремления может состоять только в постепенном приближении к полному нравственному совершенству; но такое приближение не может быть осуществлено ни в какое определенное, конечное время; оно требует бесконечного времени, — и вместе с тем бесконечного, вечного продолжения жизни души.

В нашем нравственном сознании неискоренимо живет идея правды. Эта идея требует, чтобы в области жизни нравственной каждое действие сопровождалось вполне соответствующим себе результатом, который должен быть для

действий нравственных – счастье и блаженство, для порочных – несчастье и страдание. Осуществляется ли эта идея правды в жизни настоящей, частной ли то или общественной? На этот вопрос должен быть дан ответ отрицательный, ввиду постоянно встречающихся фактов незаслуженных страданий добродетельных и внешнего благополучия порочных.

Если же мы должны признать как несомненный факт существование несоответствия между нравственными состояниями и их последствиями, если, в то же время, в силу требования нравственной правды эта несправедливость должна быть уничтожена и закон правды восстановлен, то мы должны ожидать такого восстановления в жизни будущей. Во имя разумности и обязательности нравственного закона мы должны предположить такую жизнь, где не только будут устраниены все неблагоприятные для осуществления нравственной правды условия, которые мы видим в жизни настоящей, но и фактически состоявшиеся уже уклонения от этой правды получат свое исправление, то есть, совершенные уже добрые и прочные действия принесут соответственные себе плоды, – блаженство и страдание. Без веры в такую жизнь, без надежды на окончательное торжество правды и добра разрушатся коренные основы нашей нравственности. Только при этой вере и надежде может иметь смысл борьба человека с чувственностью, с своими страстями и порочными влечениями, только тогда понятно будет жертвование временными удовольствиями, самой земной жизнью во имя правды и добра. Если совесть повелевает и запрещает человеку, награждает и наказывает, то она действует здесь во имя будущего, где указывает праведное воздаяние. Вот почему истина бессмертия души во всех почти религиях состоит в самой тесной связи с учением о загробном воздаянии.

Г. Человек стремится к счастью; это стремление есть неискоренимое и совершенно законное. Но земная наша жизнь показывает, что здесь, на земле это стремление неосуществимо. Для доказательства этого нет нужды прибегать к перечислению всех бедствий и страданий, какие суждено испытывать в жизни человеку и от которых не избавлен никто.

Важный вопрос, – где коренная причина этого постоянного всеобщего недовольства человека своею жизнью? Она не может заключаться, как думают некоторые, в одних внешних причинах, например, в бедности, невежестве, в неблагоприятных общественных условиях жизни, потому что мы видим, что недовольны часто жизнью и считают себя несчастными люди, которых жизнь обставлена наилучшим образом. Коренной и действительный источник несчастья человека не вне его, а в нем самом, в том, что в душе его заложены такие стремления, которым он здесь не может найти истинного удовлетворения, что в нем живет и мучительно дает себя чувствовать идеал такого счастья, какого настоящая жизнь дать ему не в силах. Отсюда каждое частное удовлетворение стремлений души в настоящей земной жизни не столько удовлетворяет их, сколько раздражает, показывая нужду более полного их удовлетворения. Но если по закону целесообразности каждое естественное и разумное стремление духовной природы человека должно найти себе удовлетворение, то в виду того, что такого удовлетворения потребности счастья не может дать жизнь земная, мы должны предположить жизнь иную, загробную, где будут даны все условия возможности достигнуть высших целей нашего духа.

Против этого вывода замечают, что для осуществления целей существования человека и главной из них, – счастья, вовсе нет необходимости в предположении жизни загробной, так как эти цели могут быть достигнуты и здесь на земле, если не каждым человеком в отдельности, то всем родом человеческим в совокупности, в конце его всемирно-исторического развития, в силу естественного улучшения в области знания, нравственной и общественной жизни.

Если бы мы даже и допустили учение о постоянном развитии и улучшении человечества, то и в таком случае мысль о возможности достигнуть путем его счастья, как окончательной цели жизни человечества, оказалась бы крайне сомнительною. Против нее говорит и жизненный опыт, и характер коренных стремлений нашей духовной природы. Опыт показывает, что нынешнее поколение умнее и образованнее, чем предыдущее; с

развитием наук и изобретений внешние условия жизни в наше время благоприятнее для человека, чем прежде. Но можно ли беспристрастно сказать, что человек теперь довольнее и счастливее, чем прежде? Лучшая внешняя обстановка жизни вместо того, чтобы удовлетворять человека еще больше, так сказать, раздражает его, дает больший процент людей, скучающих и недовольных жизнью, чем прежние, сравнительно более грубые и тяжелые времена. И это недовольство жизнью приводит людей к громадным и ожесточенным войнам, причем именно наука и изобретения делают эти войны особенно разрушительными и опустошительными. Поэтому мы вправе думать, что большее развитие человека в пределах его земной жизни не только не будет приближать его к достижению желаемого им счастья, но, может быть, будет больше и больше отдалять от него, заставляя его яснее и яснее сознавать, что то, чего он ищет **здесь**, на земле, есть обман. К этому же заключению приводит нас и указанный нами безграничный характер высших стремлений человеческого духа, в силу которого человек не может удовлетвориться ничем, данным в пределах земной жизни; поэтому, какого благосостояния человек ни достиг бы здесь, на земле, оно не уничтожит вечной жажды его духа, стремящегося к благу полному и совершенному.

Но сама мысль о постоянном развитии и улучшении, имеющем завершиться достижением высших целей бытия человека здесь, на земле, мысль, служащая основанием представленного возражения, сама по себе не имеет никакого твердого основания. О возможности такого улучшения заключают по прошедшей истории человеческого рода, представляющей будто бы постоянное движение к улучшению и совершенству. Но прошедшее не может служить надежным основанием для суждения о будущем. Напротив, с одинаковым основанием и вероятием можно допустить и совершенно другой исход истории человеческого рода. Мы видим, что все органические существа и сам человек, как организм, следуют тому закону жизни, что за временем полной зрелости и развития следует постепенный упадок жизненной энергии, истощение и окончательное прекращение жизни, за детством, юностью,

зрелым возрастом следуют болезненная старость и смерть. Эти моменты развития мы можем уследить не только в жизни отдельных людей, но и целых народов. Но что будет, если мы это явление приложим и ко всему человечеству? Что тогда станет с общечеловеческим бессмертием и с блестящею будущностью, которою завершится будто бы жизнь человечества? Вместо светлых надежд на достижение внешних целей человеческого бытия мы будем иметь в будущем имеющий начаться с некоторого неизвестного нам пункта истории неизбежный упадок, склонение к худшему и худшему и затем окончательное физическое и духовное истощение человечества.

Наконец, мысль о возможности осуществления целей человеческого бытия здесь, на земле, в будущем, в результате развития человечества, допускает величайшее неразумие и несправедливость. Ведь в этом случае мы имеем право сказать только, что эти цели будут достигнуты сравнительно небольшим числом лиц, которым суждено жить в блаженную эпоху завершения истории мира. Что же остальное человечество, в бесчисленном множестве поколений страдавшее, боровшееся, гибнувшее, чтобы доставить возможность незаслуженного счастья небольшому числу избранных? Не будет ли существование этого счастья явным нарушением законов разумности и правды?

Заботы Бога о мире

Создав мир по любви к нему и назначив ему высокие цели, всеблагий и всемогущий Господь по Своей любви к миру продолжает заботиться о нем, иначе сказать, промысляет о нем. Заботы Бога о мире или промысл Божий есть непрестанное действие всемогущества, премудрости и благости Божией, которым Бог сохраняет бытие и силы тварей, направляет их к благим целям, всякому доброму вспомоществует, а возникающее через удаление от добра зло пересекает или исправляет и обращает к добрым последствиям. «*Очи всех уповают на Тебя, Господи, и Ты даешь им пищу их в свое время, открываешь руку Твою и насыщаешь все живущее по благоволению*» (Пс.144:15,16). А премудрый говорит: «*Господь сотворил малого и великого и одинаково заботится о всех*»(Прем.6:7); «*Кроме Тебя нет Бога, Который имеет попечение о всех*» (Прем.12:13).

Необходимость забот Бога о мире вытекает уже из самого понятая о благости, всемогуществе и премудрости Божией. Если Бог сотворил мир по любви Своей к нему, почему же Он перестанет и дальше любить его? «Какой делатель, – говорит святой Амвросий, – вознебрежет о своем произведении? Кто оставит и отринет то, что сам же восхотел создать?» (*De offic 1*, с.13) «Один Бог, – читаем у святого Иоанна Дамаскина, – по естеству благ и премудр Как благой, Он заботится о мире, ибо, кто не заботится, тот не благ; и люди, и животные естественно заботятся о своих детях, а кто не заботится, тот подвергается порицанию. Господь, как премудрый, заботится о том, что лучше для тварей»⁶⁰. «Хотя бы потребовались десятки тысяч таких миров и даже бесконечное число их, – говорит св. И. Златоуст, – Бог равно был бы достаточным для всех, и не только к созданию их, но и к тому, чтобы заботиться об них по создании» (*Бесед. V на св. Иоанна*) «Бог, наполняя мир, – говорит блаж. Августин, – делает и не отходит куда-либо, не совне как бы движет эту громаду, которую устрояет; Он присутствием

величия Своего делает то, что делает; присутствием Своим управляет тем, что сделал» (Бесед. II на св. Иоанна).

Но, быть может, мир может жить и управляться сам собой, без Бога? Есть философское учение, так называемое деизм, по которому Бог, сотворив мир и направив его деятельность, затем отстранился от него, оставил его, мир теперь живет без Бога, по своим законам, хотя вначале и данным от Бога, а затем совершенно независимым от Него.

Но с таким учением нельзя согласиться. Прежде всего здесь вносится представление о мире как об области, где теперь Бога нет. Но такое представление не согласно с понятием о Боге, как о Существе, ничем не ограниченном и везде присутствующим, Которое нигде не может истощиться.

Затем, мир мог бы существовать самостоятельно только в том случае, если бы он и произошел сам собой; если же он не имел сил произойти самостоятельно, а от Бога, то и в дальнейшем может существовать также не самостоятельно, а только при помощи Божией. Ведь действие не может существовать отдельно и независимо от причины, его производящей. Пламя не может существовать отдельно от горючих материалов, которые его производят; растение не может жить без почвы, воздуха, света, условливающих его жизнь. Каждая частная вещь, каждое явление на земле существуют дотоле, доколе существуют материальные условия и физические силы, его произведшие. Тот же закон, который имеет приложение к каждой отдельной вещи, должен быть приложен и к целому миру. И мир не может продолжать своего существования независимо и отрешенно от своей верховной причины, вне связи с этой причиной он обратится в то же ничтожество, из которого был вызван творческою волею. Как начало его немыслимо без верховной причины, так и продолжение его бытия немыслимо вне связи с тою же причиной.

Деисты сравнивают мир с машиной, которую механик изготавливает, пускают в ход, и затем машина работает сама. Но ведь и для правильной работы всякой машины недостаточно, чтобы она была только устроена и пущена в ход; необходимо,

чтобы кто-то наблюдал за ней, очищал грязь, подливал масла, заменял износиившиеся или испорченные части; иначе машина, действуя некоторое время, испортится и остановится в своей работе. Мир же есть громаднейшая, сложнейшая машина и организм, в котором действуют силы, не только действующие в наших машинах, но гораздо более разнообразный.

Во всякой машине для правильности ее действия необходимо, чтобы соотношение между ее частями всегда было одинаковым, чтобы все ее части сохранялись, а испорченные и обветшавшие заменялись бы новыми. То же должно быть и в мире. И здесь, в этой громадной мировой машине, отдельные части постоянно ветшают и изнашиваются. Наука говорит, что все разнообразные силы мира в существе своем есть одна мировая сила, энергия; и только переход ее из одного состояния в другое создает разнообразие сил. И здесь наука устанавливает очень интересный факт, что с каждым актом движения, с каждым новым переходом одной формы энергии в другую, часть энергии переходит в форму равномерно распределяющегося тепла, и развеивается, делаясь негодной к дальнейшей деятельности. «Неумолимый закон механики, — говорит ученый Гельмгольц, — показывает, что в нашей планетной системе избыток силы, которая может только убывать, а не прибавляться, должен в конце концов уничтожиться». А Гершель говорит еще определеннее: «Нет в действительности никакого сохранения энергии в смысле полного тождества всего итога живой силы, пребывающего неизменным постоянно и при всех обстоятельствах». Но если энергия мира «оскудевает», изнашивается, то ясно, что уже для самого поддержания существования мира нужна помошь. Но откуда же она возможна? — не иначе, как из того же источника, который создал жизнь «в начале»; иначе сказать, нужна постоянная помошь Бога миру⁶¹.

Вместе с тем, силы природы, существуя во взаимной связи, существуют условно; но ни одна не существует сама по себе, без помощи других. А потому все они существуют не сами по себе, а поддерживаются силою стороннею, силою Того, от Которого получили бытие. Законы, по которым действуют силы

природы, сами по себе мертвы; потому постоянство их не может быть действием их самих. Как законы только в Боге, так и постоянство их есть действие живой воли Божией.

Можно сослаться при этом и на наблюдения, которые показывают, что роды существ не уничтожаются в природе, что отношения тел небесных также остаются неизменны, что хищных животных и ядовитых растений в природе менее, нежели тех, которые могли бы подвергаться от них истреблению, что разрушительная сила так велика, что она давно опустошила бы мир, если бы не поддерживала жизни невидимая сила, особенно же можно указать на жизнь человеческую, физическую и духовную. Слово Божие говорит: «Господь Сам дает всему жизнь и дыхание и все» (Деян.17:25); «Господь покрывает небо облаками, приготовляет для земли дождь, произращает на горах траву, дает скоту пищу его и птенцам ворона, взывающим к Нему» (Пс.146:8,9)

Сохраняя целостность мира, его бытие и силы, Господь далее направляет жизнь и деятельность мира к той цели, какая ему предназначена. В этом отношении любовь Божия обращает свою заботливость на происходящие в мире перемены, исправляя случавшиеся в них ошибки и уклонения, и направляя жизнь целого и частей мира к высшей цели.

Что Бог управляет миром, это должно явствовать уже, с одной стороны, из понятия о Боге. Бог неизменен; если Он назначил для мира известную цель при его творении, то Он, конечно, всегда имеет эту цель и хочет, чтобы она была достигнута. Доводить мир до его назначения Он, как всемогущий, может. А как всеблагий, Он все делает, что нужно для блага тварей, Им созданных.

С другой стороны, исправление мира к его цели совершенно необходимо по свойству самого мира. В мире духовном и нравственном действуют разум и свобода, силы сознательные, которые по разным причинам и произволу могут уклоняться от истины и добра, могут производить неустройства и беспорядки. Жизнь нам говорит, что каждый человек в отдельности, не исключая и великих исторических деятелей, действует по своим частным, личным, по крайней мере,

временным побуждениям и целям. Но из постоянного столкновения бесчисленного множества разрозненных, враждебных друг другу частных интересов, личных, общественных, национальных в итоге общечеловеческой жизни ничего не могло бы выходить, кроме сцепления событий случайных, кроме явлений неразумных и бессвязных. Между тем, наука и история говорят, что несмотря на страсти, самолюбие, пороки, заблуждения отдельных лиц и народов, род человеческий не только не погибает и не развращается окончательно, но, хотя медленными и трудными, шагами идет к совершенству. И это возможно только при содействии и направлении его жизни Силой высшей, Богом. Тысячи прекрасных музыкантов, не знающих ничего друг о друге, могут отлично выполнить каждый свою пьесу, но не дадут стройного концерта, если не согласит их общая для всех пьеса и один композитор.

В мире физическом все идет, по-видимому, по закону неизменной необходимости. Но и здесь уклонения всегда возможны при чрезвычайной огромности мира вещественного, при разнообразии и даже противоположности действующих в нем сил, хотя и по законам необходимости, однако же слепо и бессознательно, в нем неизбежно должны бы происходить столкновения сил, если бы все это не управлялось постоянно высшую Силою разумною. Из отдельных деревьев, как бы они хороши ни были, не выйдет сада, если рука садовника не рассадит их так, как требует того вкус и искусство.

Кроме того, мир физический также предназначен служить жилищем для многих существ нравственных; и потому естественно, чтобы течение в нем жизни, между прочим, сообразовалось и с течением жизни и характером деятельности этих существ, в награду ли за их добродетели или в наказание за грехи. И, следовательно, необходимо, чтобы механические силы природы, подчиненные законам необходимости, находились в распоряжении Того, Кто управляет миром нравственным и может изменять их направление по Своим премудрым планам. «Вы утверждаете, — пишет Берсье по адресу действов, — что жизнь непреложна и что я своей молитвой

не могу привлечь силу, способную изменить или задержать течение событий. Верно ли это? Почему же вы, рассуждающие таким образом, совершаете, например, движение? Почему вы ищете пропитания? Почему сеете? Для чего строите? Каждое из ваших действий есть очевидное противоречие вашей системе. Вы утверждаете, что не можете изменить природы и ее законов, а сами каждую минуту изменяете. Вы поднимаете, например, камень, и уже этим одним нарушаете закон тяготения, который удерживал его на земле. Вы сообщаеете больному и почти разложившемуся члену новую жизнь, которая его должна преобразить, вы прививаете дереву ветвь, которую природа сама по себе не воспроизвела бы никогда; вы превращаете в орудие труда и жизни те грубы силы, которые, будучи предоставлены самим себе, внесли бы всюду разрушение; вы извлекаете из самого яда элемент, который отдаляет смерть, – все это вы делаете. Вы постоянно и беспрестанно действуете на мир и на людей. Скажу более, вы иногда противитесь Самому Богу вашим своеволием и произволом, а между тем отрицаете, что кто-то Внешний может изменять ход жизни. Что можете вы, отчего не может Он».⁶² «Твое, Господи, и величие, и могущество, и слава, и победа, и великолепие, и все, что на небе и на земле, Твое, Господи, царство, и Ты превыше всего, как Владычествующий. И богатство, и слава от Лица Твоего, и Ты владычествуешь над всем, и в руке Твоей сила и могущество, и во власти Твоей возвеличить и укрепить все» (1Пар. 29:11,12).

Бог заботится не только обо всем мире в общем, не только о великих предметах и явлениях мира, но и о каждом отдельном творении, как бы оно ни было мало, до самых малейших предметов и явлений. Против этого иногда говорят, что эти заботы Господа о малых предметах будто бы недостойны величия Божия. Но если Бог счел достойным Своего величия сотворить существа малые, то, без сомнения, не может быть недостойным Его величия и забота Его об них. Далее, великими и малыми предметы являются только сравнительно между собою и по нашим понятиям. Глядя, например, на какую-либо величественную исказенную машину, неопытный наблюдатель

может быть поражен ее внешними величественными частями и готов считать их-то очень важными, между тем, главнейшие и существеннейшие части машины могут быть и небольшими и скрытыми в глубине машины, недоступными для внешнего наблюдения. Возьмем другой пример: вся земля для нас представляется весьма великой; но в кругу мировых тел она весьма ничтожна, менее земной песчинки, пред беспредельным же величием Творца и Вседержителя нет ничего великого. У Господа *народы, как капля из ведра, и считаются как пылинка на весах.* Вот, острова как порошинку поднимает Он (Ис.40:15). Вместе с тем пред беспредельною Его благостью ничто не мало, чему Он только Сам благоволил даровать бытие. «*Не две ли малые птицы продаются за ассарий (мелкую монету)? И ни одна из них не упадет на землю без воли Отца вашего; у вас же и волосы на голове все сочтены*» (Мф.10:29,30), «*Траву на поле, которая сегодня есть, а завтра будет брошена в печь, Бог одевает*» (Лк.12:28). Затем, самые великие предметы мира состоят из малых частей, и потому необходимо заботиться, чтобы правильно действовали и малые части; тогда нормальной и правильной будет деятельность и великих частей мира. Наконец, известно, что великие события в мире происходят часто от причин, по-видимому, самых маловажных, например, от искры – пожары, истребляющие целые многочисленнейшие города, от несогласия немногих лиц – страшные войны народов.

Как же Бог может знать и заботиться о самых малейших предметах и явлениях? В нашей жизни бывает, например, что инженер, рассчитавший и создавший, особенно если своими руками, какую-нибудь, хотя бы великую и сложную машину, знает и представляет себе каждую самую малейшую часть машины. И если это возможно для слабого ума человеческого, то тем более оно свойственно всеведущему и всемогущему Господу, Бог «все вместе и каждое в частности видит одним разом» (Климент Александр. Strom VI, 17)

Говоря о попечении Бога о тварях, мы выражаемся о Боге человекообразно за неимением слов более точных, попечение Божие совершенно свободно от той заботливости,

беспокойства, трудов, которые обыкновенно у нас бывают соединены с заботами о чем-либо.

Нравственные выводы из учения о попечении Бога о мире

Вера в попечение Бога о всех и о всем мире научает нас славословить и благодарить нашего Господа и Владыку, как общего Отца всех тварей, Который единственно по бесконечной благости даровал им бытие, единственno по той же самой благости и заботится о них; затем, – возлагать всю свою надежду на Бога, в полном убеждении, что все, что ни случается с нами, Он премудро устроит к нашему благу; далее, – обращаться к Нему с молитвою в наших нуждах и при этом помнить слова Спасителя: «*Если вы, будучи злы, умеете даяния благие давать детям вашим, тем более Отец ваш Небесный даст блага просящим у Него»* (Мф.7:11), затем, – внимательно и благоговейно наблюдать пути попечения Божия в нашей собственной жизни и со всем усердием сообразовать с ними свое поведение; наконец, – по примеру нашего небесного Отца, Который, заботясь о мире, *повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посыпает дождь на праведных и неправедных* (Мф.5:45), благодетельствовать всем, не только друзьям своим, но и врагам.

Уверенность же, что и мир вещественный, в котором мы живем, хотя подчинен механическим законам, но находится в полном управлении Божиим, – эта уверенность находит нас просить у Господа всех тех благ, какие необходимы нам во внешней природе: благовременных дождей, живительной теплоты солнечной, плодоносия земли, обилия плодов земных, и т.п. Ибо не по мелкому случаю и не вследствие законов необходимости подаются или не подаются нам все эти блага, а всегда по воле Того, во власти Которого находимся и мы, и вся природа; далее, – просить у Господа же избавления от всех тех зол, которые постигают нас во внешней природе, как то: голода, землетрясений, наводнений, огня, моровых поветрий и других бесчисленных бедствий, уничтожающих наше имущество, разрушающих наше здоровье и прекращающих нашу жизнь. Затем, – нельзя падать духом посреди всех опасностей, какими

бы ни угрожали нам силы мира физического, напротив, всецело возлагать свою надежду на промысл Божий, веря, что и волос с головы нашей не пропадет без воли Отца небесного (Лук.12:7; Лук.21:18), припоминая, как многократно и чудесно спасал Господь избранных Своих от неизбежной погибели, и взывая к Нему: «*Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мною*» (Пс.22:4) Но вместе с тем мы не должны подвергать себя намеренно и безрассудно каким-либо опасностям в том убеждении, что Бог, на Которого мы уповаляем, чудесно спасет нас от всякого зла; это значило бы дерзновенно требовать, чтобы действия бесконечно премудрого Бога подчинялись нашей прихоти и неразумию.

Примечания

¹ - Этот закон о единстве сущности при множественности ее проявлений мы можем наблюдать и в неодушевленной природе, ибо все ее предметы и явления представляют собой видоизменения и переход из одного состояния в другое энергии, силы, которая по существу своему везде и всегда остается одной и той же.

² - Хотя в символе веры Творцем мира называется Бог Отец, но творение мира есть дело всех Лиц Святой Троицы. О Боге Отце в священных книгах говорится «у нас один Бог Отец, из Которого все» (1Кор.8:6), о Боге Сыне «все через Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть» (Ин.1:3), о Святом Духе «Дух Божий носился (букв. оживотворял) над водой (Быт.1:2), т.е. первоначальным веществом, из которого затем образовался мир.

³ - «Ангелы превосходят людей крепостью и силою», (2Пет.2:11).

⁴ - «Егда сотворены быша звезды, восхвалиша Мя гласом велииим вси ангели Мои» (Иов. 38:7).

⁵ - «Смотрите не презирайте ни одного из малых сих, ибо говорю вам, что Ангелы их на небесах всегда видят лицо Отца Моего Небесного» (Мф.18:10) «Ангелы суть служебные духи, посылаемые на служение для тех, которые имеют наследовать спасение» (Евр.1:14).

⁶ - Шлегель. *Üb Weisheit d Indier*, s 273.

⁷ - Evsebii Praepar Evang, p. 667.

⁸ - Клейкера Zend-avasta, kurze Darstel d Lehrbegriffs Band 3, S55 B. 1, s 21.

⁹ - Mone Nordis Heidenthum 1, 314.

¹⁰ - Дион Кассий (кн. 33), Геродот (кн. 2) и Филон.

¹¹ - В.Н. Ильин. Шесть дней творения. Paris 1930 г., стр.105.

¹² - В.Н. Ильин. Шесть дней творения, стр. 125 .

¹³ - Не лишне обратить внимание и на то обстоятельство, что в Библии дни творения начинаются с вечера и кончаются

утром «и был вечер и было утро, день» такой то, почему же обозначение дней творения начинается с вечера, в то время, как обыкновенный наш день, наоборот, начинается с утра и кончается вечером? Не есть ли здесь некое указание на то, что дни творения есть дни особенные, не похожие на наши обыкновенные дни. Таким образом, Библия допускает возможность распространительного понимания слова «день». Такого же понимания слова «день» в творении мира придерживается и блаж. Августин (*De genes, ad litteram*).

¹⁴ - Между Лицами Пресвятой Троицы.

¹⁵ - Nachrichten vom Lande Gviana Spenge Hamb 1785.

¹⁶ - Basel Missions-magazin, 1822, s 155.

¹⁷ - В Эллисъ Polynesian Researches Lond, 1830, vol 2, 38.

¹⁸ - Narrat of a voyage to neme Zeland Loud, 1827.

¹⁹ - Opus impert lib. 5 с 1.

²⁰ - Изложение православной веры, кн.II.

²¹ - И.Златоуст. Бесед.14 на Быт §4.

²² - И.Дамаскнн. О правосл. вере кн. 2, гл. 11.

²³ - De civit Dei XIV, 17.

²⁴ - 24 Civit Dei XIV, 26.

²⁵ - Memoir concern les Chin I, 106.

²⁶ - Polytic p. 271.

²⁷ - У Порфирия De abstinent anim p 295. Varro De re rustica.

²⁸ - Schwarz Handbuch d. Christ. Religion 2 Band, s 6.

²⁹ - Henke Museum, 1805, 2 b 600.

³⁰ - Kleiker Zend-Avesta 23 115.

³¹ - Это счастье в известной степени испытывают на земле святые люди, постигающие различные Божественные тайны и в своих чудесах повелевающие мощными силами, недоступными для обыкновенного человека; вместе с тем они чувствуют великую радость духа, не нарушающую ни величайшими страданиями, ни даже смертью.

³² - В.Н. Ильин. Шесть дней творения, стр. 177.

³³ - В.Н. Ильин. Шесть дней творения, стр. 179–180.

³⁴ - C Galeni, opera omnia Vol. IX, p. 52.

³⁵ - Knor Morton.

³⁶ - Burmeister Geolog Bilder 11, стр. 282.

³⁷ - Lactantius Div Instit V, 10.

³⁸ - Так объяснял эти два сказания св. Василий Великий.

Выше (I гл.) сказано только о том, что сотворил Бог человека, но об образе сотворения умолчано; а здесь (II гл.) показано и то, как сотворил. Ибо если бы сказано было просто: «сотворил», то можно было бы думать, что сотворил так же, как зверей или растения. Потому, чтобы избежать тебе такого общения с животными, Слово передало, каким образом Богу угодно было сотворить тебя, взяв персть от земли и создал. «Слово об устройении человека».

³⁹ - Dedivin 1, 1. §19.

⁴⁰ - Lib IX, segm 35.

⁴¹ - Will Jones De la chronologie des Hindous О.Иоакинф
Статистич опис Китайской Империи, СПБ. 1842, ч. I.

⁴² - La Pace Exposition du systeme du mond liv V.

⁴³ - Glere, Les livres Saints venges t I Paris 1845.

⁴⁴ - Quenstedt Sonst und Jatzt, стр. 250.

⁴⁵ - Воскреси Чт, 1863 г.

⁴⁶ - Лицевой угол составляется пересечением двух линий: одной, проведенной от отверстия уха до основания ноздрей, другой – от самой возвышенной части лба до более выдающейся части верхней челюсти.

⁴⁷ - Wiseman Discours sur les rapports entre la science et la religion re velee, p. 96–141, Paris, 1843.

⁴⁸ - Причард Naturgesch d Mensch 13, 1.

⁴⁹ - Шлоссер. Gesch altest 13 1, 31,33, Бурмейстер Gesch d Schopfung, s 540.

⁵⁰ - Платон «Разговор Тимей и Критиас» Diodori lib 3 c 55
Plutarch de facie in orbe lunae. Flavius de bello 11, c 16 Seneca de Medea

⁵¹ - К этому учению некоторым образом примыкает появившееся в III веке мнение Оригена о том, будто души

человеческие созданы все разом вначале, и потом, когда они согрешили, посылаются в человеческие тела в наказание и для очищения от грехов.

⁵² - По проф. Г. Флоровскому «О воскресении мертвых» в сборнике «Переселение душ», Paris, стр.145.

⁵³ - 53 Такое разнообразие и неповторимость существующих в мире явлений и предметов свидетельствуют о бесконечности творческой силы Божией, дающей только другое и новое и не возвращающейся к старому.

⁵⁴ - W Stern; Die menschliche Personlichkeit, по проф. В.В. Зеньковскому «Единство личности и проблема перевоплощения». Сборник «Переселение душ» Paris, стр. 88.

⁵⁵ - В.В. Зеньковский. Сборник «Переселение душ», стр.97.

⁵⁶ - Учение Юнга в изложении проф. Б.П. Вышеславцева. Бессмертие, перевоплощение и воскресение, сборник «Переселение душ», Paris, стр.115–116

⁵⁷ - Учения о первородном грехе мы коснемся более подробно при объяснении 3-го члена символа веры.

⁵⁸ - Св. Кирилл Александр. «Против Нестория», кн 1, Геннадий «О церковных догматах» гл 11, ... в объян. на псалмы, 111, 3.

⁵⁹ - Проф. Б.П. Вышеславцев. Бессмертие, перевоплощение и воскресение, сборник «Переселение душ», Paris, стр.113–114.

⁶⁰ - Точное изложение православной веры, кн. II, гл. 29.

⁶¹ - Здесь, если угодно, можно видеть и доказательство бытия Бога, как необходимого источника пополнения мировой энергии, этого необходимого условия.

⁶² - Берсье «Беседы». Изд. 2 СПБ 1890 г, стр. 198–199.